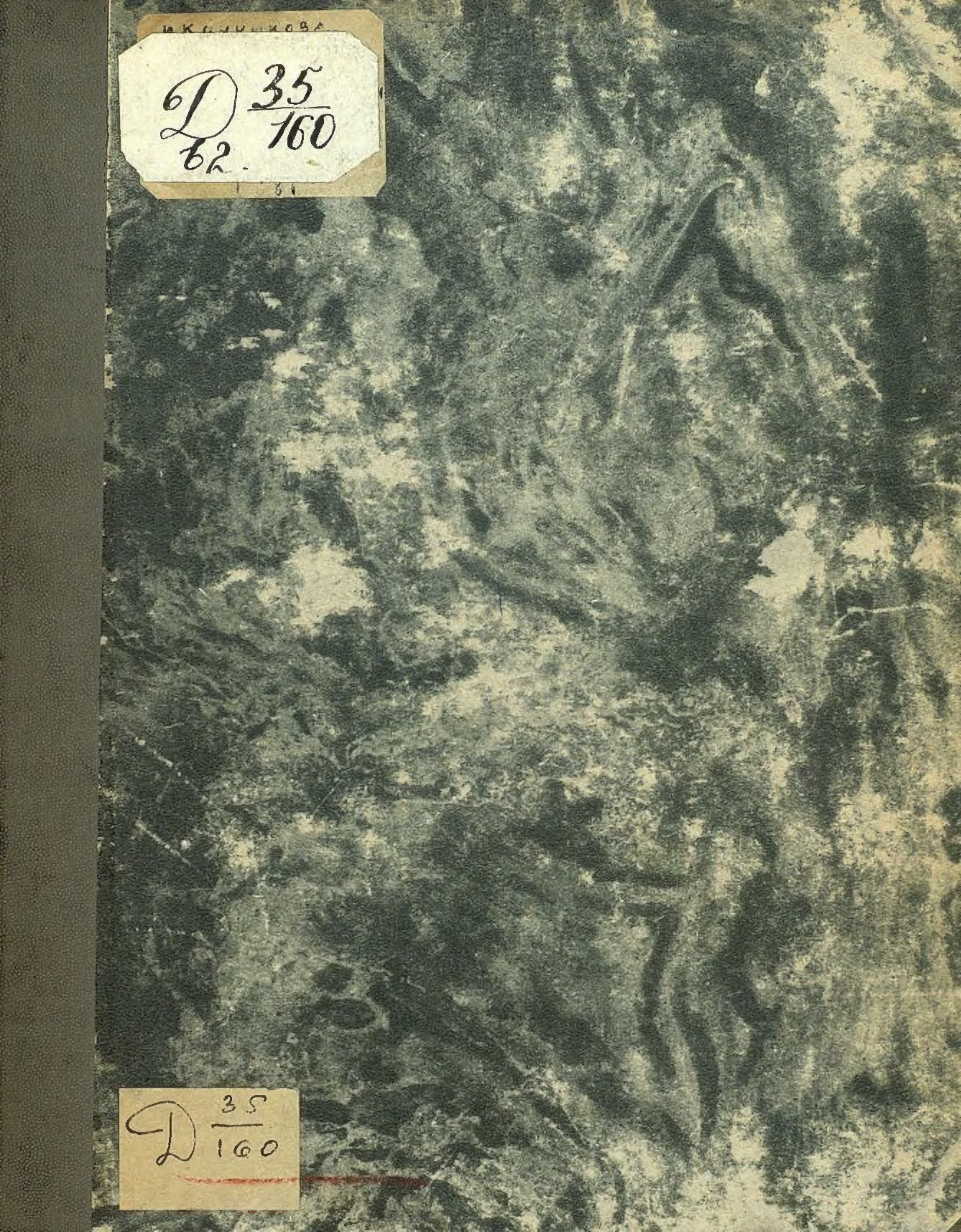

Д 35/160
62
Д 35/160

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КУРСЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЛЕКЦІЯМЪ

профессора

В. С. Иконникова,

читаннымъ въ Университетѣ св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

ВЫПУСКЪ II.

КІЕВЪ.

Литографія Г. Розенталя, Бибик. бульв. д. проф. Горецкаго.

1881.

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КУРСЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЛЕКЦІЯМЪ

ПРОФЕССОРА

В. С. Иконникова,

читаннымъ въ Университетѣ св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

ВЫПУСКЪ II.

КІЕВЪ.

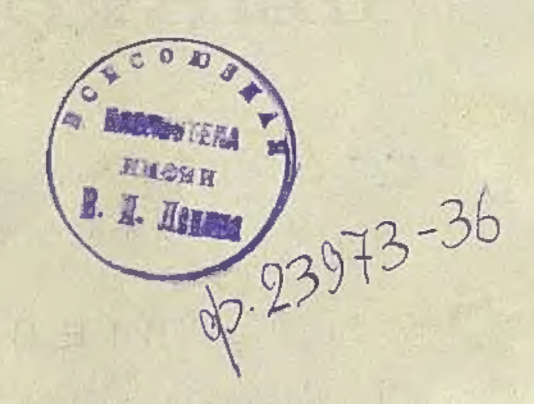
Литографія Г. Розенталя, Бибик. бульв. д. проф. Горецкаго.

1881.

„Никогда не слѣдуетъ забывать, что употреблять услуги исторіи ради измѣнчивыхъ интересовъ партій значитъ оскорблять ее“.

Гастонъ Буасье.

Оглавленіе.

В. Икошинъ

Лекція 13.

Мѣстное управленіе. Инструкція губернаторамъ.

Замѣчательно, что недостатки областного управленія, на которые указывалось выше, привели Екатерину къ мысли о централизаціи управленія, а не къ обратному порядку. Въ апрѣлѣ 1764 г. она издала инструкцію губернаторамъ, въ которой губернаторъ назывался повѣренною отъ государыни особою, хозяиномъ и главою всей губерніи. Ему предоставлялось право лишать чиновниковъ, за взятки и лихоимства, должностей и предавать виновныхъ суду. Во время народныхъ бѣдствій губернаторы должны были брать на себя начальство во всемъ краѣ и распоряжаться сообразно съ обстоятельствами. За исключеніемъ Петербурга и Москвы, всѣ вѣдомства въ отношеніи надзора и управленія подчинялись [illegible] губернатора, который долженъ былъ представлять рапорты о состояніи своей области и ревизовать ее каждые 3 года. Особенному его надзору поручалось немедленное искорененіе разбоевъ и воровства. Замѣчательно, что столь широкія полномочія признавались необходимыми въ то время, когда Екатерина такъ рѣшительно преслѣдовала злоупотребленія самихъ губернаторовъ и воеводъ, примѣры которыхъ были такъ многочисленны (мнѣніе П. И. Панина о томъ же предметѣ уже извѣстно). Между тѣмъ сама Екатерина признавала, что въ то время такъ дурно распредѣлены были губерніи, что напр. подъ самую Московскую губернію подходили уѣздные города Архангельской губ. (Сбор. X, 135). Главная цѣль указанной централизаціи заключалась въ

тѣмъ, что сама импер-ца не считала возможнымъ объѣзжать постоянно отдаленныя мѣста имперіи, а между тѣмъ легче казалось избрать на губернскія посты лицъ, извѣстныхъ по своимъ качествамъ.

Состояніе областнаго управленія. Я. Е. Сиверсъ.

Въ какомъ состояніи находились тогдашнія губерніи, въ чемъ нуждалось областное управленіе, мы можемъ судить по дѣятельности новгородскаго губернатора Сиверса, съ именемъ котораго намъ придется не разъ встрѣчаться. Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ началъ свою службу подъ покровительствомъ дяди своего Карла Сиверса, на дипломатическомъ поприщѣ. Сначала онъ служилъ при иностранной коллегіи, потомъ при русскомъ посольствѣ въ Копенгагенѣ и Лондонѣ, гдѣ проникся уваженіемъ къ Англіи. Онъ принималъ также участіе въ семилѣтней войнѣ и находился въ секретной перепискѣ съ И. И. Шуваловымъ. Въ 1764 г. Екатерина назначила его новгородскимъ губернаторомъ. Предъ отъѣздомъ туда онъ имѣлъ длинную бесѣду съ импер-цей и получилъ право писать ей лично и пріѣзжать въ Петербургъ, когда понадобится.

Новгородская губернія занимала пространство въ 1700 в. въ длину и 800 вер. въ ширину. Съ одной стороны она граничила съ Литвою, съ другой — съ Бѣлымъ моремъ. По прибытіи въ Новгородъ Сиверсъ нашелъ, к. к. было и въ другихъ губерніяхъ, губернскій архивъ погребеннымъ подъ разрушенными сводами цейхгауза; изъ 200–300 просьбъ — рѣшалось лишь 2–3. Во всей губерніи не было полиціи; распоряженія начальства передавались обыкновенно сотскимъ, а, по ихъ безграмотности,

ихъ читалъ имъ церковный дьячекъ. Со времени указа о вольности дворянства, дворяне брали на себя сѣни прибыточныя дѣла (какъ откупа и т.п.). Болѣе тысячи преступниковъ сидѣло въ тюрьмахъ, болѣе 1000 было на порукахъ. Въ числѣ уголовныхъ преступниковъ было 20 дворянъ и до 250 чел. подлежали пыткѣ. Почти не проходило дня, чтобы въ самомъ Новгородѣ не было случая насилія и убійства, въ спорахъ между сосѣдями, а потому Сиверсъ хлопоталъ объ ускореніи межеванія. „Новгородская губернія достойна носить названіе Нормандіи, писалъ Сиверсъ Екатеринѣ; думаю, что ни одна область не нуждается такъ въ новомъ уложеніи, которое сократило бы судопроизводство."
Въ теченіи 1764 г. было начато 53 процесса и ни одинъ не окончился, какъ и прежніе. Сиверсъ возставалъ противъ винныхъ откуповъ и соляной регаліи, противъ неограниченной власти помѣщиковъ, вслѣдствіе чего цѣлыя тысячи крестьянъ бѣгутъ въ Польшу и Литву. „Я самъ нашелъ, пишетъ онъ, что одинъ помѣщикъ бралъ по 5 руб. оброку съ крестьянъ, жившихъ на пескѣ и не имѣвшихъ пашни. Онъ настаивалъ на введеніи выкупа для крестьянъ; совѣтывалъ установить правила для рубки лѣсовъ, которые страшно страдали отъ взяточничества лѣсничихъ. Онъ предлагалъ ввести для отопленія торфъ и каменный уголь, который можно найти на берегахъ Ильменя. Но съ другой стороны онъ находилъ вреднымъ самоуправленіе монастырскихъ крестьянъ въ виду безпраздности массы остальныхъ. Онъ предлагалъ построить въ городѣ казармы, чтобы облегчить жителей отъ военныхъ постоевъ: основать гимназіи и завести школы; учредить [illegible]

общество, которое бы просвѣтительно дѣйствовало на невѣжественное дворянство, знакомя его практически и теоретически съ сельскимъ хозяйствомъ посредствомъ переводовъ сочиненій, выходящихъ въ Англіи, Германіи, Швеціи, Швейцаріи. Онъ предложилъ создавать ссуды купцамъ и разрѣшить имъ покупку крестьянъ; ходатайствовалъ объ учрежденіи банка въ Новгородѣ, о приглашеніи изъ Швеціи ученаго ботаника и минералога для изученія почвы сѣвернаго края, объ обученіи грамотѣ крестьянъ, которыхъ поощрять къ тому освобожденіемъ отъ рекрутской повинности. Въ Старой-Руссѣ архивъ, казна и преступники помѣщались вмѣстѣ, отчего происходили частые кражи денегъ. На старорусской канцеляріи числилось до 230 неоконченныхъ счетовъ. (К. Блумъ, ein Russischer Staatsmann, Leipzig, B I-IV; Иловайскій, Рус. Вѣст. 1863, т. XLVIII; Соловьевъ XXVI). Въ 1762 г. Сиверсъ въ своемъ докладѣ сенату писалъ: „Городъ Псковъ, по своему красивому и очень удобному для торговли положенію, могъ бы быть въ другомъ состояніи и не возбуждать такой жалости. У меня нѣтъ словъ для выраженія моихъ чувствъ о разореніи этого города; скажу одно, что онъ также несчастливъ, какъ и Великій Новгородъ и страдаетъ такою же чахоткою. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ почти равныя причины разоренія и не одни политическія, но и нравственныя: нравы такъ испорчены, что умноженіе человѣческаго рода почти прекратилось. Во всѣхъ городахъ моей губерніи со второй по третью[1], ревизію число жителей уменьшилось до седьмой, а въ нѣкоторыхъ, въ

---

1. Первая въ 1722; 2я - въ 1742; 3я - въ 1762 г.

порядокъ и нравы добрые, до пятой и до четвертой части противъ прежняго; только въ Новгородѣ и Псковѣ цѣлая треть убыла; въ Псковѣ черезъ 30 лѣтъ почти ни одного посадскаго жителя не останется. Способы къ устраненію этого зла: 1) увеличеніе числа купцовъ переводомъ ихъ изъ пригородовъ; 2) отличіе въ количествѣ или цѣнѣ всѣхъ государственныхъ и экономическихъ крестьянъ, которые торгуютъ въ городѣ и въ подгородныхъ слободахъ; 3) выводъ одного полка въ другой городъ, ибо почти невѣроятно, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ 450 душъ купечества, квартируютъ два пѣхотныхъ полка; 4) учрежденіе банка для уничтоженія разорительныхъ займовъ у иностранныхъ конторъ. Каменный домъ провинціальной канцеляріи во Псковѣ развалился; свѣйскаго двора стѣны такъ, что вообще имѣть въ такомъ великомъ обвалившемся домѣ, что мнѣ стыдно и не безъ страха было въ немъ войти. Я нашелъ разоренную гарнизонную школу, испорченную комендантомъ. Городъ Острова - сущая деревня, имѣетъ около 120 душъ купечества, въ воеводскомъ домѣ только сороки да вороны живутъ; ни площади ни лавокъ не нашелъ. Въ Холмѣ изъ 7000 кулей соли, значащихся по запискамъ, оказалось только около 1000, остальные были въ раздачѣ заимообразно. Въ Холмѣ было 700 душъ и только одинъ умѣетъ писать. Торопецъ - лучшій городъ во всей Новгородской губерніи; торгуютъ преимущественно шелковыми товарами, которые закупаютъ на ярмаркахъ въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Бреславлѣ и Лейпцигѣ, а нѣкоторые отправляютъ ленъ и пеньку въ Петербургъ. —

Едва одинъ купецъ успѣлъ построить каменный домъ, какъ полковникъ вступившаго въ городъ полка занялъ его какъ лучшій въ городѣ, а хозяинъ остался жить въ старомъ деревянномъ, послѣ чего никто уже другаго каменнаго дома не заложилъ. Между воеводскою канцеляріею и магистратомъ я нашелъ великія несогласія и въ обоихъ мѣстахъ болѣе челобитчиковъ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ городѣ. Тюрьмы нѣтъ, а колодниковъ ставятъ попеременно въ домахъ разночинцевъ взамѣнъ постоя. Ржевъ-Володиміровъ можетъ спорить съ Торопцомъ; одно худо, что между жителями капитальныхъ людей мало, вредятъ своей торговлѣ, занимая большіе капиталы у Англичанъ и другихъ за высокіе проценты... Хуже всѣхъ городовъ – Бѣлозерскъ. Я нигдѣ не находилъ, чтобы магистратъ былъ дѣйствительно городскимъ опекуномъ, какъ въ Торжкѣ. Тверскою канцеляріею я былъ доволенъ, кромѣ великаго числа колодниковъ; я замѣтилъ изъ вѣдомостей, что всегда 2/3 колодниковъ – ржевитяне. Купцы, какъ сами безъ воспитанія, такъ и дѣтей своихъ теперь не воспитываютъ. Торговля ихъ производится безъ всякаго порядка, рѣдко съ запискою, безъ книгъ и почти безъ счетовъ. Между ними нѣтъ довѣрія, которое составляетъ духъ коммерціи. Главнѣйшій вредъ купечеству, кажется, отъ подушнаго оклада; вмѣсто подушныхъ денегъ можно положить каждый городъ въ особый окладъ, и сей окладъ собирать съ имѣнія и съ торгу каждаго сорта человѣка. Еще въ сему роду людей дать лучшія

мыми, если бы по уголовнымъ дѣламъ ихъ отъ розысковъ избавить. О крестьянствѣ я долженъ вообще замѣтить, что оно еще болѣе заслуживаетъ жалости по незнанію грамоты, ибо это незнаніе подвергаетъ его множеству обидъ. Для полицейскаго надзора въ погостахъ Сиверсъ предлагалъ предоставить дворянамъ выбирать изъ себя старшинъ, а равно и уѣздныхъ коммисаровъ. Объ упадкѣ дворянства, въ слѣдствіе раздѣла имѣній, онъ пишетъ: „я былъ въ одной деревнѣ, гдѣ въ 15 крестьянскихъ избахъ нашлись 17 помѣщиковъ, и весь народъ, который я нашелъ на жнитвѣ, былъ благородный" (Соловевъ, XXVII, 155-57). По донесеніямъ Бибикова изъ Казанской губ., увеличеніе содержанія администраціи заставляло удерживаться отъ взятокъ, но оно не составляло и четвертой части того, что получали чиновники отъ дѣлъ. Поэтому взятки по прежнему продолжались, а нѣкоторые успѣли нажить за прежнее время состояніе. Рѣдко кто не пользовался незаконными средствами. Отношенія администраціи къ инородцамъ въ Сибири представляли полнѣйшій произволъ. (Солов. XXVI, 50-53).

Новыя губерніи. Въ 1764 г. состоялось преобразованіе Новой Сербіи въ Новороссійскую губернію, начальникомъ которой былъ назначенъ генералъ-поручикъ А. П. Мельгуновъ. (Панины предлагали назвать эту губернію Екатерининскою, но импер-ца велѣла назвать Новороссійскою). Въ наказѣ ему поручалось озаботиться скорѣйшимъ заселеніемъ степнаго края, для чего предлагалось

раздавать желающимъ участки земли, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, съ льготами (отъ податей) и съ значительными правами на владѣнія угодьями, лѣсами и т. п. Кромѣ этого предлагалось завести школы и воспитательные дома для мужскаго и женскаго пола, богадѣльни и т. п. (П. С. З. 12,099; Солов. XXVI, 49-50). Изъ слободскихъ полковъ учреждена (1765 г.) Слободская украинская губернія (губернаторомъ в былъ Щербининъ). Здѣсь, какъ и въ Малороссіи, существовалъ пока свободный переходъ крестьянъ. На административныя должности въ новыхъ губерніяхъ велѣно было назначать великороссіянъ (П. С. З. 12,293). Въ томъ же году (П. С. З. 12,259) была открыта и новая губернія въ Сибири Иркутская.[1]

Но безъ сомнѣнія важнѣйшимъ измѣненіемъ въ областномъ управленіи этого времени было уничтоженіе гетманства въ Малороссіи и новое устройство этого края.

Малороссія въ началѣ царст. Екатерины II. Мы знаемъ уже отношенія Петра III къ Малороссіи: онъ подтвердилъ права запорожцевъ на задніпровскія земли (П. С. З. 11,314), а Кіевъ подчинилъ вѣдѣнію гетмана. Доклады Разумовскаго по дѣламъ Малороссіи были удовлетворены: его родственники получили повышеніе въ чинахъ; назначены были выборы нѣкоторыхъ новыхъ пол- ковниковъ. Гетманъ по прежнему пользовался огромнымъ

---

1) Въ это время всѣхъ губерній было 20: 1) Московская, 2) Кіевская, 3) С. Петербургская, 4) Новгородская, 5) Архангелогородская, 6) Смоленская, 7) Бѣлгородская, 8) Воронежская, 9) Нижегородская, 10) Казанская, 11) Астраханская, 12) Оренбургская, 13) Сибирская, 14) Иркутская, 15) Малороссійская, 16) Слободско-украинская, 17) Новороссійская, 18) Лифляндская, 19) Выборгская (Финляндская), 20) Эстляндская. Рус. Архивъ, 1863, 626-27.

складомъ (98,147 р. 95 к. Рамбо..., Р. Стар., Рус. IV, 40, Зап. Порошина II, 379; Солов. XXV 26). Тѣмъ не менѣе, гетманъ чувствовалъ себя обиженнымъ: хотѣли одни — напримѣръ императора передать его мѣсто своему любимцу, Гудовичу; онъ долженъ былъ подчиняться тяжелой военной дисциплинѣ, а потому сторонникамъ переворота легко удалось склонить его на свою сторону, а имя гетмана было необходимо, такъ какъ онъ пользовался расположеніемъ офицеровъ и солдатъ гвардіи за оказываемыя имъ не разъ милости и помощь (Нотты ... Rus. St. V 283). Говорятъ, подъ разными предлогами онъ старался даже удалять изъ своего полка (Измайловскаго) больше нѣмцевъ (Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, I, 213). Притомъ у Разумовскаго установились благопріятныя отношенія къ Екатеринѣ еще въ царствованіе Елисаветы. Петръ III недовѣрялъ гетману: ... въ мартѣ 1762 г. былъ арестованъ близкій къ нему человѣкъ, Тепловъ, и во время ... Петръ III предполагалъ даже взять съ собою гетмана, назначивъ его главнокомандующимъ (Марк. II, 381, Hist. de Russie III, I, 145). Дѣятельная роль гетмана извѣстна. Значеніе его въ первое время царствованія Екатерины считали необходимымъ доносить иностранные послы своимъ дворамъ (Сбор. XII, 8-11). Екатерина поручаетъ ему секретныя дѣла и передаетъ черезъ его руки значительныя суммы; онъ предполагался въ члены несостоявшагося въ то время совѣта; былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для составленія новаго положенія арміи (Сбор. VII, 109, 115, 201 и др.); ему

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Щербина, [illegible] [illegible] (Арх. [illegible] [illegible] Ворон- [illegible] VII, 232, 233–266). [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ Украины [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] III, 288). [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Екатерины обнаруживается въ [illegible] [illegible] гр. Орлова и онъ являлся [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] образъ Екатерины [illegible] [illegible] [illegible] одному дому, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] кредиторъ [illegible] [illegible] [illegible] (Сбор. XII, [illegible]). [illegible] [illegible] [illegible] которые [illegible] [illegible] [illegible] императрицу, что разрешила [illegible] [illegible] 80,000 р. безъ процентовъ [illegible] [illegible], можно сказать [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] къ [illegible], подавала ему [illegible] [illegible] до [illegible] своего кабинета (Ворон. VII, 229–230, 271–274). Въ половине 1763 г. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] не торопилось, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] (VI, 385). [illegible] [illegible]: конюшими, певчими и въ со-провожденіи родственниковъ своихъ [illegible] [illegible] [illegible] Вас. Кочубея и генеральнаго писаря Ивана Журмана, [illegible] [illegible] на коронацію Екатерины [illegible] [illegible] [illegible]. Въ Петербурге [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]

вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ показанный [illegible] (Г.Г. Орловъ) который постоянно и почти сзади стоялъ значительно ниже его, сдѣлался ему равнымъ. „Императрица рѣшила, пишетъ Соловьевъ [illegible], не оставить никого служить противъ воли, и можно сказать только слово, чтобы получить не только отпускъ, но даже разрѣшеніе поселиться навсегда за границею" (Сбор. VII, 44, 71). Между тѣмъ въ самой попыткѣ [illegible] не принималъ участія прежній фаворитъ его — Тепловъ, который вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Елагинымъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы. Хотя гетманъ продолжалъ относиться къ нему дружески, но со стороны Теплова не было былой близости (Васильчиковъ, I, 310). Екатерина же отъ времени до времени вела переписку съ Разумовскимъ (Арх. кн. Воронц. V, 456; Сборн. VII, 314–315). Вскорѣ по отъѣздѣ гетмана, получилъ отпускъ за границу канцлеръ Воронцовъ, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ (Арх. Воронц. IV, 404–405).

Преобразованія гетмана въ Малороссіи. По пріѣздѣ въ Глуховъ, Разумовскій принялся за преобразованія въ Малороссіи, начатыя еще при Елисаветѣ: казаки, носившіе до сихъ поръ разнообразное одѣяніе, получили общій мундиръ; въ полкахъ стали вводиться регулярный строй и порядокъ. Въ 1764 г. въ Малороссіи была окончена народная перепись, а въ концѣ этого года гетманъ созвалъ всѣ малороссійскіе чины на генеральное собраніе въ Глуховѣ. Здѣсь было составлено прошеніе объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великорусскими, переданное императрицею въ комиссію о правахъ

дворянства (Ригельманъ, IV, 20-21); былъ положенъ предѣлъ свободному переходу крестьянъ, дозволенному указомъ 1742 г., для прекращенія бродяжничества. (ib.) Еще предусматривалось сократить число судебныхъ инстанцій (Б. Каменскій, III, 208); теперь онъ возстановилъ суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, уничтоженные Богд. Хмельницкимъ, вслѣдствіе чего полковники и сотники остались чисто военными начальниками, а власть гражданская была отдѣлена отъ военной. Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ. Въ каждомъ повѣтѣ былъ положенъ земскій судъ, въ которомъ три раза въ теченіе года собирались несмѣняемые судьи, избранные вольными голосами изъ шляхетства каждаго повѣта. Для уголовныхъ дѣлъ былъ назначенъ гродскій судъ, во главѣ котораго, впрочемъ, сталъ Полковникъ. Споры о земляхъ разсматривались въ подкоморскихъ судахъ. (Б. Каменскій, III, 208-209).

Но пребываніе гетмана въ Малороссіи было нарушено неудачнымъ дѣломъ о вербованіи уланскихъ полковъ въ пограничныхъ мѣстахъ Украины, для Новороссійской губ., вооруженныхъ пиками (отсюда названіе ихъ пикинерные полки). Вербовка ихъ вызвала столкновенія между новобранцами и казаками, а обученіе ихъ строевой службѣ привело даже къ открытому мятежу. Въ тоже время въ Малороссіи стали толковать о старинныхъ правахъ и договорахъ Богд. Хмельницкаго (Маркевичъ, Ист. Малор. II, 653), что вызвало вполнѣ понятное неудовольствіе со стороны правительства.

Вопросъ о наслѣдственномъ гетманствѣ. Среди малороссійской старшины и полковниками возникла мысль о наслѣдственномъ гетманствѣ въ фамиліи Разумовскихъ, поддерживаемая вѣроятно самимъ гетманомъ[1]. Этотъ вопросъ вызвалъ разные споры; были представлены разные проекты, наконецъ составлено 23 пункта, на основаніи которыхъ генеральный писарь Вас. Григ. Туманскій вмѣстѣ съ полковниками Трощинскимъ и Ковалевскимъ составили челобитную императрицѣ. Они думали привлечь къ этому дѣлу кіев. митроп. Арсенія Могилянскаго и архимандрита печерской лавры Зосиму Валькевича. Митрополитъ уклонился отъ подписи, архимандритъ же [illegible] прошенія, но также отказался отъ всякихъ сношеній, а этимъ сообщилъ о самомъ прошеніи и обстоятельствахъ этого дѣла Теплову, камергеру Чичерину, а глуховская коллегія извѣстила о замыслѣ гетмана, созвавшаго снова старшину въ Глуховѣ для рѣшенія этого вопроса, кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова, который и донесъ объ этомъ въ Петербургъ (Б. Камен., III, 209). Донесенія эти были получены въ Петербургѣ въ декабрѣ 1763 г. Въ челобитной подписавшіеся ссылались на безпорядки, происходящіе отъ избранія гетмана и на заслуги, оказанныя Малороссіи Разумовскимъ, а потому ходатайствовали объ утвержденіи власти гетмана въ его фамиліи, съ чѣмъ тѣсно соединялось также утвержденіе малороссійскихъ правъ, вольностей и привилегій. Выслушавъ эту челобитную,

---

1. Онъ былъ женатъ на внучатной сестрѣ императрицы Елисаветы — Екат. Ив. Нарышкиной; сыновья его воспитывались за границей.

нѣкоторые полковники и старшины сказали „особно", и большинство молчало. Генеральный же судья Дуплинскій на отрѣзъ отказался; онъ пытался чтобъ всѣ стали выходить изъ канцеляріи: На другой день подписались всѣ полковники, кромѣ Черниговскаго Милорадовича, всѣ бунчуковые товарищи, кромѣ Иваненка, сотники и другіе полковые чины; полковая же старшина и генеральная, кромѣ писаря, вовсе не подписались. Кочубей, Апостолъ, Скоропадскій и Тарновскій уклонились отъ подписи подъ разными предлогами. Нѣкоторые изъ протестовавшихъ присоединились къ подписавшимъ (Дублянскій Сулима. Изъ госуд. арх. Солов. XXV, 299-300. Васильчиковъ, I, 314-316). Вполнѣ понятно, что многіе по принципу не хотѣли отказаться отъ права выбора гетмана (Сборн. XII, 247-248).

Узнавъ объ этомъ, гетмана вызвали въ Петербургъ, въ отсутствіе котораго управленіе Малороссіею было ввѣрено Кочубею, Турпанскому и Апостолу. Правительство опасалось дальнѣйшаго движенія, а потому туда были вызваны три полка [illegible], чтобы заставить гетмана подчиниться въ случаѣ его сопротивленія. (Сборн. XII, 339-340 ср. 120). Разумовскій расчитывалъ на самое короткое пребываніе въ столицѣ, но онъ не успѣлъ пріѣхать еще въ Петербургъ, какъ Кіевъ былъ уже изъятъ изъ его вѣдѣнія. Тепловъ принялъ гетмана во дворцѣ съ распростертыми объятіями, по поводу которыхъ гр. Орловъ, говорятъ, воскликнулъ: „и лобза его же предаде". (Б. Камен., III, прим. 73-74, Рус. Арх. 1863, 429); но Екатерина оказала гетману самый холодный пріемъ (Нечит. V, 567; Сбор. XII, 160). Вскорѣ въ Петербургъ отправилась и жена гетмана, но императрица такъ была возбуждена въ это время, что распорядилась даже [illegible]

разслѣдованіе о притѣсненіяхъ со стороны лицъ, сопровождав-шихъ гетмана, на станціяхъ, мѣщанамъ и огромномъ ко-личествѣ лошадей, взятыхъ по обыкновенію, для своего проѣзда (Рус. Арх. 1863, 437). Лично императрица не сочувствовала особымъ правамъ Малороссіи и остзейскихъ провинцій и высказала это въ февралѣ 1764 г. въ секретномъ наставленіи кн. Вяземско-му (Сборн. VII, 346, см. выше лек. 12), между тѣмъ еще въ ноябрѣ она предложила сенату слушать проектъ о малороссійской ревизіи Теплова, которому вмѣстѣ было присутствовать при этомъ (VII, 324) и который представилъ подробную записку о состояніи Малороссіи и безпорядкахъ. Въ городѣ толковали будто бы преемникомъ Разумовскому готовится быть гр. Ор-ловъ, но это не имѣло смысла (Сборн. XII, 160). Однако императрица тревожилась этими слухами, какъ видно изъ слѣдующаго письма ея къ Олсуфьеву, въ февралѣ 1764 г.

„Адамъ Васильевичъ! Дайте пожалуйста разнымъ людямъ стороною и сами разскажите друзьямъ своимъ происхожденіе гетманскаго дѣла, его поведеніе въ Малороссіи, какъ я два мѣсяца о томъ знала, какъ не вѣрила, наконецъ, какъ по-звала Неплюева, Панина, Шаховскаго, васъ и великаго канцле-ра, какъ вы всѣ согласны были на то, чтобы Панинъ и Голицынъ къ нему поѣхали для растолкованія гетману непорядочныхъ его поведеній и какъ, наконецъ, онъ самъ уз-налъ и они совѣтовали ему какъ съ честью выйти и что другой дороги нѣтъ, какъ только <u>просить объ увольненіи</u>... Оные въ Петербургѣ говорятъ иное, будто все происходитъ отъ интригъ, и гетмана Г. Г. Орлова и ваше лучше всѣхъ увидятъ, что сіе все неправильно" (Рус. Арх. 1863, 427). Разумовскому запрещено было выѣзжать за границу, и отданъ

и несколько мѣсяцевъ Тамъ было поручено привести указан-
нымъ способомъ это дѣло къ концу. Разумовскій отказы-
вался отъ предложенія оставить гетманство, но
онъ былъ вынужденъ [illegible] и [illegible] выгодныхъ комфортъ,
чтобы уговорить его на это (Сборн. XXVII, 247-48). Вынуж-
денный отказаться отъ своихъ правъ, добровольно [illegible]-
тельно сложить съ него это „[illegible] званіе", не смотря
на то, что не забыть его многочисленной фамиліи и надѣли
новыми маетностями, которыхъ и раньше и безъ того
у него было весьма много. Было это [illegible] 10 ноября
1764 г. (Ср. Сборн. VII, 375). За Разумовскимъ [illegible]
[illegible] званія и [illegible],
пожалованный ему Елисаветою, [illegible] Гадяцкій замокъ
[illegible] и Быковская волость и [illegible]
(Маркевичъ II, 399, Сборн. VII, 359). [illegible] еще до окон-
чательнаго рѣшенія гетманскаго [illegible] императриц-
ѣ была представлена записка Теплова [illegible] воз-
[illegible] Разумовскаго и его руководителей по [illegible] и
Малороссіи (Зап. Теплова у Кулиша, Записки о южной
Россіи т. II и въ Рус. Бесѣд. 1857), [illegible] изоб-
ражающая [illegible] Малороссіи, [illegible]
все болѣе уменьшавшейся и обезземеливавшейся [illegible].
Такъ при гетманѣ Скоропадскомъ было до 45,00 выбор-
ныхъ казаковъ, а при Разумовскомъ ихъ было уже не болѣе
4000. Множество казаковъ было уже закрѣпощено.
Города и села не имѣли точныхъ данныхъ на свои земли,
много совершалось постоянные наѣзды на чужія земли,
избавіе отъ [illegible] сопровождалось рядомъ злоупотреб-
леній и насиліемъ; [illegible];

праваго суда не было; но авторъ этой записки осуждаетъ и вольный переходъ крестьянъ (Солов. XXVI, 40-43). Говорятъ также, что, сдѣлавшись статсъ-секретаремъ Екатерины, Тепловъ не разъ совѣтовалъ ей покончить съ привилегiями Малороссiи и въ то же время далъ совѣтъ Разумовскому относительно наслѣдственнаго гетманства.

Рѣшенiе вопроса о гетманствѣ. Малороссiйская Коллегiя.

Дѣло о Малороссiи было передано на разсмотрѣнiе иностранной коллегiи, которая нашла намѣренiе правительства вполнѣ согласнымъ съ интересами государства и предлагала учредить вмѣсто гетманства малороссiйскую коллегiю въ Глуховѣ, въ которой половина членовъ была бы великороссiяне и половина малороссiяне. Прокуроромъ ея долженъ былъ быть великороссiянинъ, а управленiе краемъ съ правами генералъ-губернатора и предсѣдательства въ коллегiи поручить довѣренному лицу. Такимъ лицомъ былъ избранъ гр. П.А. Румянцовъ. Екатерина утвердила означенныя предложенiя. (Онъ состоялъ въ этомъ званiи до своей смерти, въ концѣ 1796 г. Чт. м. общ. ку, 1859, III, смѣсь). Малороссiйская коллегiя получила свою печать (П.С.З. XVII, Архивъ этой коллегiи недавно передан Харьковскому Университету). Затѣмъ состоялось и уравненiе малороссiйскихъ чиновъ съ великороссiйскими. Румянцеву поручалось завѣдыванiе Запорожскою Сѣчью. Въ подробной инструкцiи Румянцеву обращалось вниманiе на устройство тамошняго края. Ему поручалось озаботиться введенiемъ порядка въ городахъ и нанесенiе ихъ на планы; способствовать прекращенiю перехода крестьянъ; обратить вниманiе на промышлен-

ность края (разведеніе табаку, тутовыхъ деревьевъ, овцеводства) и на художества, но въ особенности на духъ тамошняго духовенства, проникнутаго католическими и панскими тенденціями и духъ старшины, которая можетъ вліять на народъ, прельщая его вольностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица поручала Румянцову обратить вниманіе на искорененіе чувства презрѣнія, какое привыкли выражать великороссіяне къ малороссіянамъ. Замѣчательно, что это наставленіе было передано черезъ Теплова же, съ которымъ Румянцову поручено было имѣть предварительно большую конверзацію (Солов. XXVI, 48). Сообщенія сдѣланныя Тепловымъ въ запискѣ подтверждаются и другими современными извѣстіями (Сборн. XXII, 247-48) и показаніями самаго Разумовскаго (въ госуд. Арх. Васильчиковъ I, 325); но нѣкоторые находили въ нихъ пристрастное отношеніе и даже болѣе худшія качества (напр. Максимовичъ, въ разборѣ записки Теплова, соч. Максимовича т. I стр. 545-555). Современный историкъ Малороссіи, располагавшій большимъ запасомъ данныхъ, дѣлаетъ однако заключеніе, вполнѣ благопріятныя запискѣ Теплова. „Управленіе Разумовскаго, говоритъ Лазаревскій, было для малороссіянъ тягостнѣе всѣхъ его предшественниковъ, хотя, быть можетъ, послѣдній гетманъ былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всего ряда ея правителей XVIII в. Несмотря на свое происхожденіе, Разумовскій не зналъ больныхъ мѣстъ своей родины и непосредственное завѣдываніе краемъ ввѣрилъ той самой старшинѣ, которую въ стремленіяхъ ея къ окончательному порабощенію народа могъ сдерживать только суровый надзоръ

великороссійскихъ чиновниковъ. При Разумовскомъ старшина окончательно взяла верхъ и, пользуясь родственными связями съ гетманомъ, спѣшила забирать оставшіяся еще свободными села „въ вѣчное и потомственное владѣніе"— формула совершенно новая, явившаяся впервые въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ.... Закрѣпощеніе крестьянъ, узаконенное черезъ 20 лѣтъ послѣ гетманства Разумовскаго, было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя окончательно установились при Разумовскомъ" (Рус: Арх. 1873 г. Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII в. 383-384).

Съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться. Стремленіе Разумовскаго и его сторонниковъ къ наслѣдственному гетманству ясно показало, что гетманство отжило свой вѣкъ. Вскорѣ однако непріятныя впечатлѣнія по дѣлу о гетманствѣ изгладились. Разумовскій сопутствуетъ Екатеринѣ въ прибалтійскій край и ежедневно приглашается во дворецъ, а весною 1765 г. онъ уѣхалъ за границу, гдѣ видѣлся съ другимъ Елисаветы любимцемъ — И. И. Шуваловымъ (въ Парижѣ) и посѣтилъ Францію, Германію, Швейцарію, Англію и Италію. Онъ возвратился въ Петербургъ только въ 1764 г. Но этимъ не кончился малороссійскій вопросъ. При выборѣ депутатовъ въ коммиссію уложенія, онъ былъ снова поднятъ и также имѣлъ свои непріятныя послѣдствія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

<u>Донесенія гр. Румянцова</u>. Изъ первыхъ же донесеній Румянцева Екатерина узнала, что Разумовскій вопреки своему праву, раздавалъ въ частныя руки даже

цѣлые города. Города находились въ полномъ запустѣніи. Екатерина соглашалась на выписку опытныхъ овцеводовъ и знатоковъ земледѣлія: Румянцовъ предлагалъ завести школы и госпитали, указывалъ на дурное управленіе церковными имуществами. Императрица побуждала Румянцева уговорить духовенство на эту реформу и обѣщала вознаградить за это кіевскаго митрополита (Солов. XXVI, 150-152). Синодъ одобрилъ это намѣреніе Екатерины. На Малороссію было обращено особенное вниманіе правительства, какъ видно изъ специальной переписки гр. Румянцова съ гр. Панинымъ по 1770 г. (Сборн. IX). Эта важность объясняется уже тѣмъ, что малороссійскій генералъ-губернаторъ долженъ былъ входить въ постоянныя сношенія съ турецкимъ правительствомъ, съ татарами, Запорожскою сѣчью и польскимъ правительствомъ. Румянцовъ обратилъ вниманіе на организацію иррегулярнаго и регулярнаго войска въ Малороссіи (Сборн. XII, 406). Вскорѣ по пріѣздѣ Румянцова въ Глуховъ, онъ распорядился составить (1765 г.) подробное описаніе земель Малороссіи, списки казаковъ, чиновниковъ и всего населенія (Марковичъ II, 398-399). Обозрѣніе Румянцовской описи издано въ послѣднее время (1866-75) Черниговскимъ статистическимъ комитетомъ (3 части). Румянцовъ самъ нерѣдко ѣздилъ съ докладами въ Петербургъ. За время его управленія остался рядъ записокъ и переписка его съ императрицею, обнимающія всѣ отрасли управленія малороссійскимъ краемъ (Чтенія Мск. Об. Ист. 1861, т. I и II; Арх. гр. Румянц., изд. 1865 и др.) Румянцовъ возбуждалъ вопросъ и о судебномъ устройствѣ Малороссіи; но сенатъ отвѣчалъ, что пока не извѣстно, останутся ли права Малороссіи въ прежнемъ видѣ, или послѣдуютъ какія-либо перемѣны. Но когда Слободская губернія была положена въ общій окладъ, а это вызвало

неудовольствія, тѣмъ болѣе, что правительство стремилось, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить постоянные переходы населенія, чего не расчитывалъ сразу достигнуть тамошній губернаторъ Щербининъ, что императрица написала на этомъ донесеніи: „Когда Малороссія будетъ приведена въ порядокъ, то начнетъ это пресѣкаться" (Солов. XXVII, 32-33). Нѣкоторыя сотни малороссійскія были отчислены къ Новороссійской Губ., къ Екатеринославской провинціи, другія же присоединены обратно къ Малороссіи. — (Маркевичъ II, 395).

__Права Малороссіи и Запорожья__. Однако, въ теченіе всего этого періода Екатерина подтверждала права Малороссійскаго населенія по литовскому статуту и магдебургскимъ постановленіямъ (П.С.З. XVII, 11,987 и др.), за исключеніемъ нарушенія вексельнаго устава, по которому оно подлежало общимъ постановленіямъ (№ 13.192).

__Запорожцы__ надѣялись получить обратно земли, отошедшія къ Новороссійской губерніи, и бились постройки крѣпостей на р. Самарѣ, ссылаясь на то, что это вызоветъ даже неудовольствіе со стороны Хана. Они указывали на свои права, подтвержденныя польскими королями и русскимъ правительствомъ. Но на эти указанія было выражено теперь сомнѣніе, а постройка крѣпостей объяснялась необходимостью для защиты того же Запорожья. При этомъ войску напоминалась защита его русскими войсками отъ Поляковъ и матеріальную его поддержку отъ Россіи (Солов. XXVII, 30-32). Этимъ пока кончились взаимныя неудовольствія.

__Остзейскія привилегіи__. Въ то же время Екатерина II выдала цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ остзейскимъ

провинціямъ и городамъ — рыцарству, дворянству и мѣщанству, подтверждавшихъ ихъ права и привилегіи (П. С. З. т. XVI–XVII). Но когда сенатъ предложилъ этимъ провинціямъ доставить ему ежегодныя вѣдомости о хлѣбномъ урожаѣ, то генералъ-губернаторъ, Броунъ, сообщилъ, что лифляндское рыцарство дѣлаетъ ему въ этомъ отношеніи пре — пятствія. Сенатъ отвѣчалъ, что безъ такихъ вѣдомостей никакое благоучрежденное государство обойтись не можетъ и потребовалъ доставить вѣдомости. (Солов. XXVII, 33).

Лекція 14ᵃ

Финансы. Въ инструкціи новому генералъ-прокурору Екатерина указывала на необходимость умножить циркуляцію денегъ въ государствѣ, а въ своей запискѣ о первыхъ пяти годахъ царствованія она говоритъ объ общемъ положеніи финансовъ въ Россіи и мѣрахъ принятыхъ ею на первыхъ порахъ для возстановленія правильнаго отношенія между приходами и расходами. (впрочем лекцію 6ᵘ). Помимо передѣлки монеты, соотвѣтственно внутренней цѣнности металла, при Екатеринѣ получаетъ значительное развитіе разработка рудъ казною и частными промышленниками. Такъ на Нерчинскихъ заводахъ, открытыхъ въ 1702 г., съ 1704–1763 г. т. е. въ 59 лѣтъ было выплавлено серебра 2000 пуд. 35 ф. и $38\frac{1}{4}$ золот. т. е. на 1,500,755 р., а съ 1763 г. по 1775, т. е. въ 12 лѣтъ, — выплавлено 4,972 п. 11 ф. и 42 золот. или на 3,723,247 р.; кромѣ того — 40 пуд. золота или на 4,279,519 руб., вновь отыскано было — 21 рудникъ и выстроено 2 казенныхъ завода и 1 частный. При этомъ на заводахъ было заведено хлѣбопашество и улучшено содержаніе и управленіе заводовъ.

Всего на Нерчинскихъ заводахъ состояло тогда 12,671 рабочихъ людей. Относительно монетнаго дѣла слѣдуетъ замѣтить, что оно также значительно расширяется. Такъ, за первую четверть XVIII ст. было выдѣлано золотой монеты на 761,968 р. 50 к.; съ 1727-30 г. на 89,824; въ царствованіе Анны Ивановны 177,090 р. 75 к. при Елисаветѣ Петровнѣ до 1/2 милліона; при Екатеринѣ II съ 1762-68 г. до 8 1/2 милліоновъ (7.863,114+149,140+534,550).(1) Серебряной монеты съ 1664 г. по 1725 г. было выдѣлано на сумму 34,139,788 р. 60 к.; при Екатеринѣ I 3,007,205 руб; при Аннѣ Иван. 23,153,131 р.; при Елисаветѣ до 28 1/2 мил., при Екатеринѣ II съ 1762-68 г. 103,886,639 р. 40 к. (Чт. М.О.И. 1864, III, 101-104)(2)
Для достиженія точныхъ свѣдѣній о доходахъ и расходахъ императ. Екатерина приступила къ введенію строгой и правильной отчетности. Всѣ коллегіи и канцеляріи обязаны были доставлять ежегодно вѣдомости о доходахъ въ сенатъ (П.С.З. 12,632). Благодаря этому, сохранились полныя вѣдомости о государственныхъ доходахъ и расходахъ (онѣ хранятся въ Мос. гл. арх. мин. иностр. дѣлъ и департ. государ. казначейства, мин. фин., и напечатаны въ сбор. Р.И.О. томы: V, VI, XXVIII).

---

1. Знаменитые горнблагодатскіе и камскіе заводы, принадлежавшіе гр. А. П. Шувалову, за долги были взяты въ казну и подчинены Бергъ-коллегіи (П.С.З. № 11,984), но доходы съ нихъ, за уплатою необходимыхъ расходовъ, были назначены въ кабинетъ императрицы (12,002).

2. Цѣна монеты была установлена въ слѣд. размѣрѣ: золотая мон. должна была относиться къ серебряной, какъ 15 къ 1. Золотую мон. дѣлать 88 пробы и каждый имперіалъ въ 10 р., вѣсомъ по 3 зол. и 3/44 доли; серебр. мон. 72 пробы (Солов. XXVI, 22). Подпиленные рубли привозились изъ-за границы (П.С.З. 11,952). Во избѣжаніе поддѣлки мон. были закрыты медныя мастерскія Костромской губ. (12,405), а для выдѣлки медной монеты открытъ заводъ въ Екатеринбургѣ (11,957).

Свѣдѣнія эти собирались сенатомъ и кн. Вяземскимъ представлялись на усмотрѣніе Императрицы. Въ то время каждое изъ центральныхъ управленій имѣло въ своемъ вѣдѣніи извѣстные источники, которыми и располагало для своихъ потребностей. Только съ 1769 г. правительство приступило къ введенію общей окладной книги, въ которую вносились свѣдѣнія о всѣхъ государственныхъ доходахъ, завѣдываніе которыми ввѣрено было сенату. (Такія книги хранятся въ Арх. мин. иностр. дѣлъ, въ Петербургѣ). Уже съ 1773 г. была учреждена __экспедиція о государственныхъ доходахъ,__ имѣвшая спеціальною цѣлью своихъ занятій счеты государственныхъ финансовъ. Дальнѣйшихъ весьма существенныхъ преобразованій финансоваго управленія въ Россіи при Екатеринѣ мы коснемся въ обзорѣ слѣдующаго періода ея царствованія (Фин. упр. въ цар. Екатерины II Кулемзина, въ Юрид. Вѣст. 1869, февраль и мартъ и его же Государ. доходы и расходы въ цар. Екатерины II 1762-64 г. Рус. Вѣст. 1869, №11). Чтобы судить о степени приращенія государ. доходовъ, укажемъ на слѣд. цифры: въ 1763 доходъ равнялся 16,507,381 р.; въ 1764 – 21,593,136 р. въ 1766 – 23,408,401 р. Приращеніе было слѣдствіемъ сборовъ съ монастырскихъ крестьянъ, двойнаго оклада съ раскольниковъ, дворцовыхъ крестьянъ, съ малороссіянъ и украинскихъ людей, числившихся при чужихъ дворахъ, и отъ прибавленій по новой ревизіи, съ части заводовъ по обработкѣ руды и т. п. Къ 1768 г. эти доходы возросли уже до 25,231,184 р., а въ 1770 г. – 29,945,541 р. Это послѣднее повышеніе объясняется налогомъ на промыслы, откупа, крестьянъ, фабрики и т. п., по случаю турецкой войны. Обратимся къ расходамъ. Въ 1764 г. дворъ обходился до 1 мил. 70 тыс. р.; въ 1770 г. этотъ расходъ равнялся 2½ милліон.

Военныя сухопутныя силы въ 1764 г. обходились въ 7,123,028 р.; въ 1770 г. – 8,204,467 р. Флотъ и морское управленіе въ 1764 г. – 556,258 р. въ 1770 – 771,546 р. Расходы по штатсъ-конторѣ были до 5 милл., а въ 1770 г. слишкомъ 7 милл. Расходы на центральную и мѣстную администрацію въ 1764 г. – 2,310,594 р., а въ 1770 г. – 2,719,573 р. Высшія ученыя учрежденія (Унив. Ак. Н. Ак. Худ.) въ 1764 г. — 29,171 р., въ 1770 г. – 58,787 р. Колонизація стоила въ 1764–1770 г. – 200,000 р. Весь расходъ въ 1764 г. равнялся 19,308,671 р.; въ 1770 – 25,335,047 р. (Сборн. V)

Винный откупъ. Екатерина указывала кн. Вяземскому на необходимость обратить вниманіе на откупную систему, противъ которой она такъ категорически высказывалась въ той же запискѣ и другихъ своихъ мнѣніяхъ. Результатомъ этой системы было корчемство, въ которомъ оказывались повинными цѣлыя мѣстности, уѣзды и области. До сихъ поръ винная продажа составляла принадлежность казны, въ которую откупщики вносили предварительно за вино по 2 р. съ ведра и затѣмъ продавали его въ народъ, но здѣсь злоупотребленіямъ былъ полный просторъ, такъ какъ каждый изъ откупщиковъ старался выбрать свои деньги; являлись подделки и утайки, но когда въ 1764 г. разсматривалось это дѣло въ сенатѣ, то послѣдній нашелъ возможнымъ только регулировать продажу, повысивъ цѣну на вино, въ интересахъ доходовъ казны и распространилъ откупную систему на всѣ мѣстности Россіи (Солов. XXVI, 125-127. П. С. З. т. XVII). — Въ это время поступали и разсматривались проекты о дозволеніи куренія и продажи вина особыми компаніями, съ уплатою въ казну положенной суммы, а въ Тобольскѣ было

разрѣшено устроить таковую компанію на основаніи акціонернаго общества. Предполагалось, кромѣ того, образовать особую компанію въ болѣе богатыхъ городахъ, которымъ и предоставить куреніе вина (Сборн. VIII, 260-67). Однако коммиссія пришла къ заключенію, что изъ всѣхъ способовъ винной регаліи, бывшихъ въ то время въ употребленіи (предоставленія магистратамъ и ратушамъ, вѣрнымъ сборщикамъ и откупщикамъ), магистраты и ратуши причинили наиболѣе обмановъ и подлоговъ и единственный способъ обезпечить государственный доходъ съ этой статьи состоитъ въ питейной продажѣ на откупъ частнымъ лицамъ. Поэтому въ 1765 г. всѣ указанные способы были вовсе отмѣнены съ 1767 г., кромѣ Сибирской губ., а откупъ отдавался съ торговъ охочимъ людямъ изъ купечества на 4 года[1]. Откупной порядокъ состоялъ въ томъ, что казна подряжала вино и продажу его предоставляла откупщикамъ за извѣстную плату. Неурожай хлѣба заставилъ повысить цѣну на вино въ 1768 г.[2]

Соль. Вступивъ на престолъ, Екатерина II объявила уменьшеніе цѣны на соль, по гривнѣ (10) съ пуда, а такъ какъ эта сбавка должна была произвести существенное измѣненіе въ доходахъ казны (на 674,520 р.), то императрица велѣла покрыть этотъ дефицитъ изъ пошлины соляного сбора, которая была назначена въ кабинетъ

---

1. Впослѣдствіи Сибирь была сравнена въ этомъ отношеніи (П.С.З. 12,570).
2. Тогда также отдавались на откупъ нѣкоторые отдѣльные статьи: напр. канцелярскіе сборы, сборы съ Макарьевской ярмарки (П.С.З. 12,809-10).

(300,000 изъ 1 милл.) и изъ передѣлки мѣдной монеты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенату было предложено озаботиться изысканіемъ средствъ, чтобы понизить цѣну на соль еще на гривну (до 30 к. во всемъ государствѣ, а въ Астрахани по 5 к. (до 10 к.). Сенатъ предлагалъ замѣнить недостающіе сборы возвышеніемъ пошлины на нѣкоторыя другія статьи (патенты, заводы, вино, [illegible], съ актовъ и т. п.). Императрица утвердила этотъ докладъ, за исключеніемъ вексельнаго сбора, какъ бы обременительнаго для торговыхъ оборотовъ. Чтобы судить на сколько этотъ вопросъ игралъ важную роль съ интересахъ казны, можно указать на то, что когда цѣна на соль поднялась въ 1750 году 1756 съ 3½ к. на 25, то расходъ ея въ Астрахани уменьшился съ 500,000 на 200,000 пуд. Съ цѣлью ограниченія этого уменьшенія, коммиссія предложила содѣйствовать частной предпріимчивости посредствомъ ссудъ отъ казны и устройства складовъ соли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы увеличить сбытъ русской соли и доставить ей возможность конкуррировать съ иностранною, были заведены соляные магазины въ Смоленской губ. и Малороссіи, а въ Новороссійской губ. позволена вольная продажа крымской соли (1766–68 г. г.).

Таможни. Между тѣмъ значительныя злоупотребленія при сборѣ таможенныхъ пошлинъ побуждали правительство таможенный откупъ, срокъ которому далеко еще не истекъ, замѣнить другою системою. По указаніямъ [illegible] близко стоявшихъ къ этому дѣлу, хотя Шемякинъ и его товарищи были люди „безкапитальные", но успѣли въ весьма короткій срокъ (1757 г.) нажить до 1 м. руб. и задолжать казнѣ значительную сумму. Сначала предполагалось взять таможенный сборъ въ казенное управленіе и передать въ содержаніе компан-

однако, денежныхъ лицъ даже для столь выгоднаго предпріятія не оказалось. Поэтому казенное управленіе передало этотъ сборъ тѣмъ же лицамъ, подчинивъ ихъ выборной Коммиссіи отъ сената и купечества, подъ завѣдываніемъ гр. Яг. Эрн. Миниха (сына), который былъ облеченъ весьма широкими полномочіями. Еще раньше были отмѣнены таможни, существовавшія на границѣ Новороссіи и Малороссіи, и оставлены только на общей границѣ.[1] Замѣна откупной системы казеннымъ управленіемъ доставила значительное приращеніе казнѣ этого дохода (въ одинъ годъ на 500,000 р.)

Налоги. Такимъ образомъ, если правительство и не успѣло уничтожить откупъ въ отрасли питейныхъ сборовъ, то вполнѣ сознавало вредъ, приносимый имъ; оно предпочитало увеличивать доходы посредствомъ косвенныхъ налоговъ, какъ менѣе чувствительныхъ для народа: такъ въ 1767 г. изъ общей суммы 22,966,387 р. доходовъ до 11,737,885 р. собиралось въ видѣ косвенныхъ налоговъ съ вина, соли и др. предметовъ потребленія, таможенныхъ, съ предметовъ иностранной торговли, а 9825,756 р. въ видѣ прямыхъ податей. Обращая же вниманіе на статьи расходовъ, нельзя не отмѣтить, что до первой турецкой войны существенное приращеніе въ расходахъ замѣчается на пути сообщенія, общественныя постройки, научныя заведенія и народное здравіе; расходы на все это достигаютъ небывалой до того времени цифры 700,000 р. (Куломзинъ Рус. Вѣст. 1869, № 11). Значительный дефицитъ въ бюджетѣ обнаруживается только за 1766 годъ,

1. Екатерина отмѣнила также сборъ пошлинъ при вывозѣ хлѣба за границу и въ русскую Америку (П.С.З. т. XVII...) Внутреннія таможни во Франціи существовали до революціи.

когда чрезвычайные расходы достигаютъ 1,315,338 р., болѣе чѣмъ вдвое, противъ предъидущаго года, но въ 1764 г. они составляли даже 1,696,600 р. (Сбор. Р.И.О. V, 227–229). Къ этому же времени относится первая мысль объ учрежденіи ассигнаціоннаго банка въ Россіи (1768 г.), записка о которомъ была представлена Императрицѣ, какъ видно изъ переписки Сиверса (изданной Блюмомъ), этимъ послѣднимъ. (Она хранится въ Моск. Главн. Архивѣ мин. ин. дѣлъ). Но такъ какъ первыя дѣйствія этого банка относятся уже ко времени турецкой войны, то мы разсмотримъ его основанія и дѣйствія въ слѣдующемъ періодѣ.

Состояніе флота. Екатерина II, въ противность Петру, серьезно относилась къ флоту. Она писала Панину, что хотя у насъ находится въ излишествѣ людей и кораблей, но нѣтъ ни флота, ни моряковъ. Она описывала какой безпорядочный видъ представляло для нея зрѣлище флота: ни начальники, ни экипажъ не знали своего дѣла и корабли походили на голландскій флотъ для ловли сельдей, а не на военный (Сбор. X, 23). Еще въ 1763 г. Екатерина посылала въ Англію для приглашенія оттуда опытныхъ морскихъ офицеровъ. Въ началѣ 1764 г. эти офицеры прибыли въ Россію (VII. 274, 309, 336), а въ августѣ 1764 былъ изданъ регламентъ объ управленіи адмиралтейства и флотовъ (П.С.З. т. XVII). Императрица выписала изъ Англіи и Франціи корабельныхъ и другихъ мастеровъ и нѣсколько мальтійскихъ кавалеровъ для русскаго флота (П.С.З. 12,004).

Войско. „Вотъ отзывъ о русскомъ войскѣ, сдѣланный въ донесеніи гр. Букингама, въ половинѣ 1764 г. „Что касается русской арміи, писалъ онъ, считаю лишнимъ объяснять

что [illegible] миролюбива и отношенія [illegible] стра-ны, иррегулярныя войска приносятъ мало пользы. Артиллерія - лучшія войска, когда либо виденныя мною. Полевые пехотные полки - хороши и въ полномъ составе. Гвардія вследствіе разныхъ причинъ не оправдала назначенія. Кавалерія въ самомъ дурномъ состояніи ... но гвардія, артиллерія и полевые полки составляютъ действительную силу имперіи. Вследствіе климата и положенія страны, а также характера обитателей, флотъ ея никогда не достигнетъ значительныхъ размеровъ. Темъ не менее въ настоящее время приготовляется къ плаванію 21 корабль..., но мне положительно известно, что Россія не въ состояніи выставить 1,500 чел., которые въ Голландіи и Англіи заслужили бы названіе опытныхъ мореходцевъ" (Сборн. XII, 170)

г. <u>Торговый флотъ</u>. Екатерина обратила вниманіе и на <u>торговый флотъ</u>. Въ 1764 г. появился первый русскій корабль на Средиземномъ море, такъ какъ до сихъ поръ далее Кадикса не ходилъ ни одинъ русскій, какъ военный, такъ и торговый корабль. Тогда образовалась <u>компанія</u> тульскаго купца <u>Владимірова</u> и другихъ тульскихъ купцовъ для непосредственнаго торга съ Италіею чрезъ Средиземное море. Императрица же на <u>свой счетъ</u> построила для компаніи <u>фрегатъ</u> въ 36 пушекъ, названный „Надежда Благополучія". Этотъ фрегатъ, нагруженный железомъ, юфтью, парусными полотнами, табакомъ, икрою, воскомъ, канатами вышелъ изъ Кронштадта (11 Августа) въ Ливорно, подъ начальствомъ капитана Плещеева. (Разторопный компан

въ Ливорно состоялъ казанскій купецъ Пономарёвъ, который прислалъ въ Петербургъ извѣстіе, что 20 ноября греч. патр. прибылъ въ Ливорно, а 24, въ день св. Екатерины, была совершена торжественная служба на рус. языкѣ въ греч. цер. (П. С. З. 11,938 и Солов. т. XXVI.).

<u>Водяныя сообщенія и почты.</u> Въ интересахъ морского дѣла и торговли Екатерина на первыхъ порахъ обратила вниманіе на водяныя сообщенія. На первомъ планѣ сталъ вопросъ о Балтійскомъ портѣ, который не разъ уже обращалъ на себя вниманіе правительства. Поэтому Сената на его окончаніе и устройство требовалась новые налоги, то Екатерина поняла всю тягость новыхъ налоговъ для народа. Она поставила вопросъ: нуженъ ли этотъ портъ для государства и если нуженъ, то необходимо его устроить такъ, чтобы полезность имѣла преимущество предъ тягостностью. Коммисія составленная изъ фельдмаршала Миниха, Н. И. Панина, Муравьева, Чернышева, адмирала Мордвинова, пришла къ рѣшенію о необходимости устроить въ Ревелѣ морскую военную каменную гавань, на 25 кораблей и фрегатовъ. Для этой цѣли понадобилось 4 милл. денегъ и 3000 раб. рукъ. Въ виду необходимости сбереженія, Коммисія предложила прекратить работы у Балтійскаго порта, а въ лѣтній періодъ стали заниматься для пристанища судовъ отъ штормовъ. Рабочіе должны были быть изъ гарнизона и каторжныхъ. Устройство гавани назначалось въ теченіи 12 лѣтъ. Екатерина утвердила этотъ проектъ. Тогда же было отпущено 70000 р. на постройку <u>канала</u> отъ Сяси до <u>Волхова</u>, на про-

центныя деньги коммерческаго банка. (Солов. XXVI, 127-129). Но постройка канала отъ озера Переславскаго на Волгу была отложена, такъ какъ купцы заявили, что имъ отправлять оттуда нечего. Пути сообщенія были до того еще затруднительны, что изъ Архангельска даже оффиціальныя вѣдомости посылались обыкновенно только „съ оказіей", такъ какъ постоянныхъ почтъ тамъ не было и учредить ихъ въ лѣтнее время считалось невозможнымъ, по причинѣ громадныхъ болотъ. При Екатеринѣ устроена была почта отъ С. Архангельска до Петербурга, (12,489), отъ Нарвы черезъ Псковъ и Великія Луки до Смоленска и Торопца (12,691), отъ Москвы черезъ Смоленскъ въ Польшу (12,835). Въ то время на отдаленныхъ окраинахъ, какъ Архангельская губер. и Сибирь, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ приходилось прибѣгать, вмѣсто бумаги, къ берестѣ, на которой писались правительственные акты, рукописи, святцы, календари (Рус. Стар. VIII, 806). За письмами всѣ, какъ присутственныя мѣста, такъ и частныя лица, обязаны были присылать нарочныхъ въ почтамтъ (П.С.З. 12.515).

3я ревизія. Уже въ 1763 г. было приступлено къ 3ей общей ревизіи, для чего сенатъ полагалъ разослать воинскія команды и ассигновать на это 200,000 р. Но Екатерина, чтобы избѣжать притѣсненій, соединенныхъ съ этими командами, опредѣлила предоставить представленіе реестровъ самому населенію и положить только штрафъ на прописныхъ. Она говоритъ, что такъ происходили въ ея царствованіе ревизіи и прописныхъ не бывало. (Рус. Арх. 1865 г. 784).

Но изъ свѣдѣній, собранныхъ въ это время комиссіей, что это дѣло далеко не было такъ правильно и сопряжено съ большими затрудненіями, хотя конечно имѣло свои нравственныя выгоды (Солов. XXV, 143-144). По собраннымъ даннымъ оказалось, что крестьяне числились даже за такими состояніями, которыя не имѣли права владѣть ими, напр. казаки и рейтары. (Солов. ib 31).

Средній классъ. Изъ переписки Екатерины съ Жофференъ мы знаемъ, что она намѣрена была во чтобы-то ни стало образовать третье сословіе. „Этому среднему роду людей," въ названіи котораго она затруднялась, но подъ которымъ обыкновенно разумѣется торгово-промышленное городское населеніе, она придавала большое значеніе. Поэтому городъ долженъ былъ занять видное мѣсто въ государственной организаціи, для котораго она считала необходимымъ дать и „твердое положеніе."

Города. Но въ началѣ царствованія Екатерины города находились въ жалкомъ положеніи какъ въ административномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Какъ въ магистратахъ, такъ и въ администраціи царилъ полный произволъ. Президенты городскихъ магистратовъ позволяли себѣ насилія и грабежи; въ нѣкоторые города приходилось посылать военныя команды, чтобы унять насилія городскихъ властей. Жители Саратова жаловались черезъ своего депутата коммиссіи на притѣсненія полицеймейстера. И Екатерина заявила, что не только въ другихъ городахъ, но и въ самой столицѣ, жить небезопасно; въ домахъ производятъ грабежи, а на улицахъ валяются мертвыя тѣла; стоило вывести войска изъ

Москвы и безопасность ночлега (Солов. XXV, 168; Сбор. X, 322). Сенатъ не зналъ числа русскихъ городовъ и не имѣлъ ихъ списковъ; только при Екатеринѣ II появился первый атласъ, составленный Кириловымъ и купленный императрицею въ Академіи Наукъ за 5 руб. (Рус. Ар. 1865, 48). Экономическое состояніе городовъ было еще хуже. Мы знаемъ уже факты изъ донесеній Сиверса о городахъ Новгородской губерніи (лек. 13). Самый Новгородъ Сиверсъ находитъ никуда негоднымъ и отчаявается даже поднять его. Но и въ Москвѣ до 1773 г. магистратъ былъ деревянный (18 вѣкъ, I, 90). Восточные города отличались весьма малымъ числомъ купечества, которое притомъ не обладало капиталами, а въ другихъ и вовсе не было купеческаго класса. Въ нѣкоторыхъ число домовъ доходило только до 50. Даже такой торговый городъ, какъ Архангельскъ, который Екатерина ставитъ рядомъ съ Петербургомъ и Ригою, не имѣлъ собственныхъ средствъ для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ, а пользовался выдачами отъ казны. Подобныя же жалобы мы слышимъ и на счетъ малороссійскихъ городовъ (Чт. М.О.И. 1858, кн. III). Правительство строило города, имѣя въ виду фискальныя и административныя цѣли и высказывало желаніе, чтобы граждане способствовали ихъ обогащенію и процвѣтанію, но граждане бѣжали изъ нихъ, боясь налоговъ и повинностей. Потому уже въ 1764 г. такіе города были обращены въ заштатные, а между тѣмъ прежній способъ воздвиганія городовъ продолжался. Такъ дѣйствовала и Екатерина, къ царствованію которой относится основаніе городовъ Новороссійскаго края. Безпорядки въ городскихъ думахъ, какъ и

столицахъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ были чрезвычайны. Такъ, по донесенію Московскаго губернатора Юшкова, видно, что съ 1751 г. въ теченіе 10 лѣтъ оставалось нерѣшенными дѣла 1215 и 813 счетовъ, не представленныхъ въ ревизіонъ-коллегію, недоимка числилась въ 1,573,724 р., дѣла въ архивѣ были вовсе не описаны. Отчасти это происходило отъ обширности Московской губ., которая имѣла въ своемъ вѣдомствѣ 50 городовъ и болѣе 2 милл. населенія, между тѣмъ какъ на губернскую канцелярію было назначено всего 500 р. Въ 1761, при свѣркѣ полученныхъ денегъ, оказался недостатокъ въ 3,000 р. причемъ счетчикъ сознался въ воровствѣ какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ предъидущіе годы. Воровство и грабежи были обыкновенными явленіями въ самой Москвѣ[1] (Солов. XXVI, 155). Въ такихъ торговыхъ городахъ, какъ Астрахань, магистратъ находился въ полной власти губернатора, а когда одинъ изъ членовъ его рѣшился протестовать противъ незаконныхъ сборовъ съ рыбныхъ промысловъ, назначенныхъ губернаторомъ, то его продержали больше мѣсяца подъ арестомъ, нанеся вредъ его торговлѣ. Сенатъ распорядился только освободить смѣлаго члена магистрата, рѣшившагося протестовать противъ незаконнаго требованія. Рязанскіе купцы жаловались главному магистрату на притѣсненія генералъ-маіора Медена, забиравшаго у нихъ товары произвольно, бившаго ихъ по щекамъ и плетьми. Сенатъ рѣшилъ заплатить потерпѣвшимъ слѣдуемыя деньги, а за убытки взыскать съ виновнаго по Уложенію. Въ Орлѣ, Бѣлевѣ, Тамбовѣ и др. гор. встрѣчаются извѣстія о подобныхъ же притѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ (Солов. XXVII, 12-16, 58-59; и Сбор. V, 213-220).

1.) См. опис. кн. Волконскаго XVIII вѣка I, 98.

Выборъ войта въ Кіевѣ. Еще въ 1735 г. выборной войтъ былъ замѣненъ здѣсь коронным; но Елисавета Петровна разрѣшила магистрату снова выбирать войта и избранъ былъ изъ гренадировъ лейбъ-компаніи Митиръ Сычевскій. Однако въ 1766 г. Екатерина писала, что вслѣдствіе возникшихъ столкновеній его съ магистратомъ, необходимо выбрать новаго войта. Причемъ императрица писала кіев. губернатору Глѣбову, чтобы магистратъ, на основан. привилегіи, избралъ четырехъ кандидатовъ и четвертымъ чтобы былъ поставленъ прокуроръ кіевской губерн. канцелярiи Пивоваровъ. Но въ средѣ избирателей было условлено, подъ страхомъ удаленія изъ города или отъ службы, не выбирать никого изъ великороссіянъ. Тогда, вновь назначенный въ Кіевъ губернаторъ, генералъ Воейковъ, собравъ членовъ магистрата и привилегированныхъ мѣщанъ, изорвалъ предъ ними актъ избранія войта. На новыхъ выборахъ онъ присутствовалъ самъ, причемъ новые кандидаты прошли уже безъ всякихъ споровъ. Это были: тотъ же Пивоваровъ, секретарь гр. Гр. Орлова Гр. Козицкій, камердинеръ вел. князя Павла Петровича Андреевскій и медовый шафаръ кіев. магистрата Дмитровичъ (Солов. XXVII, 28-29). Первый изъ нихъ и былъ утвержденъ въ этой должности. (Закревскій Опис. Кіева, I, 96; упом. и въ 1781 г. II, 896).

Улучшеніе городовъ. Екатерина хлопотала объ устройствѣ внутренняго порядка въ городахъ. Въ это время существовала уже постоянная коммисія строенія, въ вѣдѣніи которой находились постройки въ столицахъ и другихъ городахъ (12,526). Также въ настоящій періодъ были утверждены планы городовъ: [illegible] (1)

Въ 1768 г. [illegible] планы кремлевскаго здания, сената и коллегіи въ Москвѣ. Сборн. рус. истор. общ. II 282.

(№ 12,439; 12,629, 12,324; 12,883), Харькова (12,566), Торжка (12,891), Казани (12,908), Бѣлгорода (13,106), Твери и др. Екатерина распорядилась снять специальные планы губерній съ ихъ городами (12,196). Обративъ вниманіе на зажиточность крестьянъ по Волгѣ, во время своего путешествія въ 1767 г., она предлагала, чтобы дворцовыя правленія заставляли ихъ исподволь строить свои жилища на каменныхъ погребахъ и обмазывать ихъ глиною (Сборн. X, 218).

Свѣдѣнія о городахъ. При Елисаветѣ статистическія данныя, касающіяся Россіи, были недоступны для постороннихъ (Мерси д'Аржанто и Шлецеръ). Екатерина распорядилась, чтобы изъ всѣхъ губерній доставлялись въ Петербургъ свѣдѣнія о числѣ крестьянъ и помѣщиковъ, а въ Петербургѣ составлялись бы при церквахъ вѣдомости и таблицы о родившихся, умершихъ, вступившихъ въ бракъ и представлялись въ синодъ (П.С.З. 12,061); чтобы присылались вѣдомости въ межевую экспедицію (при сенатѣ) о числѣ жителей въ городахъ и количествѣ выгодныхъ земель (12,628), о разбояхъ и воровствахъ (12,681); чтобы въ петербургской и московской газетахъ печаталось о числѣ умершихъ, родившихся и бракосочетавшихся (12,895)[1]

Заботы объ ихъ благоустройствѣ. Правительству приходилось устанавливать самыя элементарныя пра-

---

1. Въ Петербургѣ къ январю 1766 г. считалось мужескаго пола 39,456, женскаго 24,613, всего же 64,069 чел.; а къ 1 января 1767 г. было муж. пола 42,338, женс. 24,980, всего 67,318 чел. Относительно Москвы за это время нѣтъ извѣстій (Солов. XXVII, 13). Во время же чумы въ 1771 г. въ ней было насчитано 12,558 домовъ, Солов. XXIX, 177. Въ Казани всѣхъ домовъ считалось 2,357, Пушкинъ, Исторія Пугач. бунта, 86.

бованія относительно благочинія, какъ напр. воспрещеніе ходить и ѣздить въ ночное время съ факелами, чтобы по улицамъ скоро не ѣздили и не свистали (П.С.З. 11,949), чтобы не ѣздили въ саняхъ тройкою съ 2 вершниками (12,658); не купались вблизи города открыто (12,218); объ употребленіи во время пожаровъ заливныхъ трубъ (12,487). Когда Сиверсъ предложилъ жителямъ Каргополя, послѣ пожара, строиться на каменныхъ сводахъ, то они отказались (Рус. Арх. 1865, 486..) Точно также когда губернскій прокуроръ предложилъ жителямъ Архангельска, во избѣжаніе ночныхъ убійствъ и воровства, хотя огнью освѣщать улицы фонарями, то магистратъ отказался, ссылаясь на опасность отъ пожаровъ (Рус. Стар. XXVI, 101). Разсматриваемый періодъ (по 1775 г.) представляется намъ переходнымъ въ исторіи русскаго города. Хотя въ этотъ періодъ во взглядахъ правительства сознается необходимость отдѣленія административной и судебной части; но, на первыхъ порахъ, города (т.е. ратуши и магистраты), по инструкціи губернаторамъ, подчинились этимъ послѣднимъ во всѣхъ случаяхъ — въ управленіи, промышленности и защитѣ отъ притѣсненій, а въ 1772 г. и воеводамъ[1]. Такимъ образомъ магистраты теряютъ свое значеніе и уже въ это время Екатерина думала о ихъ преобразованіи. Сенату и губернаторамъ предложено было заняться пересмотромъ состоянія городовъ и ихъ раздѣленіемъ на уѣздные, заштатные и т.д. Замѣчательно, что въ концѣ этого періода президентъ коммерцъ-коллегіи гр. А.Р. Воронцовъ заявилъ, что коллегія не имѣетъ статистическихъ и экономическихъ свѣдѣній о городахъ и [illegible] обязалъ городское начальство высылать ихъ въ

1) Отзывы Екатерины о губернск. администраціи въ письмахъ ея къ кн. Вяземскому, Лебедевъ, Графы Панины, 153-156.

коллегію (П.С.З. 14,261). Всѣхъ штатныхъ городовъ въ Европейской Россіи въ это время считалось 165 и 13 пригородовъ (12,259). Злоупотребленія въ магистратахъ и ратушахъ доходили до того, что даже въ продажѣ соли правительство подчинило ихъ вѣдѣнію губернской канцеляріи. Члены магистратовъ, по прежнему, избѣгали городской службы и дѣло тѣмъ кончалось, что выборы подчинялись также губернской власти, а несущіе эти должности стали быть представляемы къ наградамъ. Тѣмъ и ограничились пока мѣры по устройству городского самоуправленія, т.е. правительство отступило отъ распоряженій Елисаветы о невмѣшательствѣ губернаторовъ въ магистратскіе выборы. Съ 1768 г. было разрѣшено городамъ избирать каждые два года <u>городскихъ головъ</u>. Эта должность образовалась вслѣдствіе манифеста о выборѣ депутатовъ въ коммиссію уложенія и городскіе головы избирались для руководства этихъ выборовъ, а потомъ были оставлены для принятія всякихъ полномочій и распоряженій относительно городского управленія, причемъ никакихъ отношеній къ магистратамъ они не имѣли и вошли въ свое настоящее значеніе лишь съ учрежденіемъ городскихъ думъ (1785 г.) (Дитятинъ, Устройство городовъ въ Россіи, II, 370-90). Но и въ своемъ Наказѣ императрица смотрѣла на членовъ городского управленія съ той же прежней сословной точки зрѣнія, разумѣя подъ ними не дворянъ и не крестьянъ, а занимающихся лишь <u>промыслами</u>, платящихъ свои долги, „иначе „мѣщанъ", а вслѣдствіе такого воззрѣнія и сословная рознь въ городахъ

продолжала существовать (401–413).

Торговля и фабрики. Посмотримъ на другую сторону этого вопроса. Въ своей запискѣ Екатерина говорила, что съ начала ея царствованія всѣ монополіи были уничтожены. Но, уничтоживъ монополіи, правительство подорвало тѣмъ самымъ кредитъ нѣкоторыхъ фирмъ, а потому разрѣшено было давать заимообразно пособія на опредѣленный срокъ (напр. купцу Еврейнову. Сборн. VII 224). Въ коммиссію о коммерціи, составленную изъ членовъ сената и высшихъ лицъ, оказано было включить и двухъ купцовъ, извѣстныхъ своею торговлею, а коммиссія должна была имѣть въ виду два вопроса — объ усиленіи заграничнаго отпуска русскихъ товаровъ и упроченіи кредита какъ въ Россіи, такъ и за границей (VII, 328). Мы видѣли, что Екатерина уже высказала заботу о водяныхъ сообщеніяхъ; въ 1765 г. она предложила заняться расширеніемъ устья р. Двины (X, 49). Въ 1767 г. разрѣшено было образовать нижегородскую купеческую торговую компанію на акціяхъ, съ пособіемъ отъ казны. Чтобы установить правильныя свѣдѣнія о торговлѣ, Екатерина распорядилась о печатаніи прейсъ-курантовъ, о чемъ было забыто со времени Петра В. (Солов. XXVI, 28). Посѣтивъ въ 1764 г. Остзейскій край, Екатерина обратила вниманіе на рижскую торговлю и даровала ей новыя льготы. (Сборн. VII, 403). 20 іюня 1766 г. былъ заключенъ торговый трактатъ съ Великобританіей на 20 лѣтъ. Екатерина отказалась тогда отъ проекта морской торговли съ Индіей и Китаемъ (X, 384)[1], но установила таможенный процентъ въ пользу киргизовъ, проводившихъ

1) Китайское правительство отказало въ плаваніи рус: судамъ по Амуру. Солов. XXVI, 53–54.

бухарскіе караваны до Оренбурга (X, 192 Солов. XXVI, 53-54). Основаніемъ въ этомъ случаѣ служило и печальное состояніе русской торговли даже въ Константинополѣ, о которой въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ доносилъ Обрѣзковъ, указывая на полное невѣжество русскихъ купцовъ, которые вовсе не пользуются кредитомъ. И Панинъ написалъ на этомъ донесеніи „выраженія не мягки, но къ сожалѣнію вѣрны" (Солов. XXVI, 135). Положеніе промышленнаго и денежнаго рынка дѣйствительно было непрочно. Одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ купцовъ (Затрапезниковъ) продалъ свою полотняную фабрику за 600,000 р. Къ такимъ же крупнымъ явленіямъ торговаго дѣла относится банкротство придворнаго банкира и владѣтеля многихъ фабрикъ и заводовъ англичанина Гомма, вызвавшее панику въ Амстердамѣ и Лондонѣ. Чтобы поддержать его кредитъ, Екатерина всетаки предпочла выдать ему казенную субсидію (Сборн. X, 192, 193, 203, 207, 209, 250, 251). Чтобы усилить дѣятельность государственныхъ банковъ, она разрѣшила всякому вносить въ нихъ деньги на проценты, не менѣе 100 р. (Солов. XXVI, 129). А въ декабрѣ 1768 г. были введены ассигнаціи, для размѣна которыхъ было положено по 500,000 р. въ московскій и петербургскій банки звонкою монетою (Сборн. X, 313-14). По поводу недостатка лосиныхъ кожъ для войска, Екатерина категорически высказалась противъ существованія фабрикъ въ казенныхъ рукахъ и возражала въ этомъ случаѣ сенату. Но, признавая вредъ монополій, она прибавляетъ, что „всякихъ дѣлъ, касающихся до торговли и фабрикъ, не можно завести принужденіемъ, а дешевизна

В. Иконниковъ 41.

родится только отъ великаго числа продавщиковъ и отно-вольнаго умноженія товара" (X, 258-59). Почти каждое открытіе фабрикъ сопровождалось выдачею привилегіи (Солов. XXVI, 20-21). По случаю открытія турецкой войны, въ 1768 г. была составлена вѣдомость о фабрикахъ, находящих-ся въ вѣдѣніи мануфактуръ-коллегіи (президентомъ ея былъ извѣстный Войековъ). Изъ нея видно, что въ это время со-стояло: шелковыхъ фабрикъ 230, другихъ 256. На послѣд-нихъ оборотный капиталъ былъ до 1 милл. руб. Въ вѣдѣніи бергъ-коллегіи состояли: желѣзныхъ заводовъ 111 съ оборотнымъ капиталомъ въ 1,192,540 р.; 48 стеклянныхъ заводовъ съ капи-таломъ 780,115 руб.; 10 минеральныхъ заводовъ съ капиталомъ 1,280 р. Всего купечества считалось 228,209 чел., платящих въ казну 561,496 р. Всѣхъ крестьянъ на фабрикахъ было 21,286 чел. Изъ нихъ въ фабричной работѣ - 8,332, а 12,954 - въ деревняхъ и въ бѣгахъ. По случаю турецкой войны купечество было обложено сборомъ въ 630,175 р. съ копейками (т. X, 368).

Частные промыслы. Въ области промышленности Екатерина покровительствовала частной предпріим-чивости. Такъ она дозволила частной компаніи ловлю сельдей возлѣ Архангельска (12,008; 12,516), сохранила вольный промыселъ жемчуговъ (12,035); разрѣшила вольную продажу хлѣба за границу, какъ товара (12,170); возобновила китовый промыселъ на остр. Шпицбергенъ (12,158); частныя лица получили право заниматься ору-жейными издѣліями, для продажи и поставки въ казну (12,405); отдала промыслы: сальный, кожевенный, морскихъ звѣрей, трески, моржовый въ вольную про-дажу жителямъ Архангельской губ. (13,141); велѣла

учредить конскіе заводы въ Эстляндіи, Лифляндіи и на остр. Эзель, по указу 1737 г. (11,984) хлопотала объ улучшеніи выдѣлки писчей бумаги и размноженіи бумажныхъ фабрикъ, чтобы присутственныя мѣста могли пользоваться русскою бумагою (12,273; 12,550). Поощряя русское производство, она запретила (секретно) въ 1766 г. употреблять для войскъ сукна англійскихъ фабрикъ (Рус. стар. XXIII, 716); дозволила французу Верди разводить возлѣ Саратова шелковицы, съ ссудою отъ казны (12,284). Съ военною и торговою цѣлями она распорядилась сдѣлать описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря до Персидской границы (11,971) и составить описаніе карты лѣсовъ Архангельской губер. (12,160); ассигновала на вновь устроенный фарфоровый заводъ ежегодно по 15,000 р. (12,357; 12,885) и мн. др.

Лѣса. Мы видѣли, что Екатерина обратила вниманіе на описаніе лѣсовъ Архангельской губ.; но она не приняла серьезныхъ мѣръ въ пользу сохраненія. Разрѣшивъ въ значительныхъ размѣрахъ рубку лѣса помѣщикамъ, военнымъ командамъ, винокуреннымъ заводамъ, иностраннымъ колонистамъ (13,001; 13,144) и вывозъ его за границу (11,960; 12,281), между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи въ нихъ чувствовалась необходимость, она причинила значительный вредъ, допустивъ отдачу на откупъ лѣсовъ Архангельской губ. англійской компаніи купца Гомма (12,223. Сборн. X), которая въ значительныхъ размѣрахъ вывозила его за границу.

Кредитъ. Екатерина подтвердила постановленіе 1754 г. о дозволеніи при коммерческихъ сдѣлкахъ держаться 6% какъ высшей нормы (12,243), а въ рѣшеніяхъ по бан-

-крутскимъ дѣламъ велѣла держаться амстердамскаго устава т.е. обязательнаго для меньшинства кредиторовъ подчиненія постановленію большинства (13.301). Она уничтожила кромѣ того государственную лотерею, существовавшую съ 1760 г., какъ промыселъ неприличный государству, и обманчивый для подданныхъ (Сборн. X, Сумароковъ 12). При этомъ необходимо напомнить, что важнѣйшія распоряженія въ области промышленности безъ сомнѣнія состоялись при участіи Волкова, автора указа о коммерціи при Петрѣ III.

Налоги на промыслы. Со времени Екатерины II сборы съ частныхъ промысловъ все болѣе входятъ въ употребленіе и организуются въ правильную систему. Въ 1763 и съ фабрикъ и заводовъ постановлено взимать по 1 р. со стана, или по 1% съ употребленнаго на производство капитала. Были усилены десятинные сборы съ промысловъ красильныхъ, кожевенныхъ, салотопенныхъ, воскобойныхъ и пр., существовавшіе до 1775 г., когда они были замѣнены правильною гильдейскою пошлиною (съ 1742 г. существовало 3 гильдіи). Другіе промыслы были обложены по пространству занимаемыхъ мѣстъ (1/2 р. съ квадр. саж.), поштучно (квасныя кади) или по наемной цѣнѣ (погреба, постоялые дворы). Въ 1769 г. съ фабрикъ поступило дохода по 1 р. 21,758 р. (Львовъ, Промысловый налогъ, 172-173; Семевскій Очеркъ управл. мануф. промышл., Журн. Мин. Нар. Прос. т. ЛХ 229). Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя сельскія и домашнія занятія были освобождены отъ оброка (П.С.З. 12,258; 12,842). Годовыхъ ярмарокъ при Екатеринѣ считалось 31,

еженедѣльныхъ торговъ 6,916[1]. Обороты Макарьевской ярмарки простирались до 659,480 р.; обороты Москвы – до 1,390,960 р. (Львовъ, 182)

Иностранные колонисты. Еще въ 1763 г. къ Екатеринѣ обратилось нѣсколько тысячъ гернгутеровъ, жившихъ въ Саксоніи и изъявившихъ желаніе переселиться въ Россію. Предварительно она обратилась за разъясненіями религіознаго вопроса къ М. Дм. Сѣченову и архіеп. Гавріилу, которые признали ихъ ученіе сходнымъ съ реформатскимъ и считали возможнымъ допустить ихъ въ Россію, съ обязательствомъ не распространять своего ученія. Такимъ образомъ, въ началѣ 1764 г. имъ разрѣшено было переселиться; при этомъ они представили императрицѣ книгу о своей вѣрѣ на франц. языкѣ въ великолѣпномъ золотомъ переплетѣ (Рус. Стар. XXIII 712; сборн. X, 259). Екатерина очень хлопотала о заведеніи иностранныхъ колоній (VII, 268) и въ іюнѣ 1763 г. была издана инструкція „опекунства иностранныхъ колонистовъ", во главѣ котораго былъ поставленъ гр. Г. Гр. Орловъ. Этою инструкціею опредѣлялись льготы для поселенцевъ (принявшихъ и непринявшихъ подданство) на Волгѣ. Имъ обѣщаны были пособія и содѣйствіе для перваго обзаведенія. Екатеринѣ хотѣлось, чтобы ее переселенцы были преимущественно купеческаго и ремесленнаго состоянія (302–303). Поселенія образовались въ окрестностяхъ Саратова и пользовались собственнымъ

---

1. Въ это время возникли ярмарки въ Иркутскѣ, Якутскѣ и Гижигинскѣ (П.С.З. 13,199).

судомъ и расправою (VII, 308). Уже въ первый годъ ихъ пришло въ Россію до 1,000 челов. (Порошинъ, 102) и гр. Орловъ хвалился золотыми часами, осыпанными бриллiантами прекрасной работы, сдѣланными въ ихъ колоніи. Переселенцы пользовались значительными льготами. Ихъ снабжали пищею, деньгами и всѣмъ необходимымъ для устройства. Для нихъ были отведены участки земли, на которыхъ строились дома по найму отъ казны, а также дозволялось рубить лѣсъ (12,651, 12,827). Съ нихъ не велѣно было взыскивать пошлины за товары, привозимые съ собою на сумму до 300 р. (12,248). При малороссійской коллегіи учреждена была особая экспедиція для завѣдыванія и выдачи пособій колонистамъ въ южной Россіи (13,015). Въ Астрахани и въ Саратовскихъ колоніяхъ для нихъ назначены были пасторы; имъ разрѣшалось строить лютеранскія и католическія церкви (12,303; 12,322). Въ то же время Екатерина выдала грамоту прихожанамъ С. Петербургской Евангелической церкви св. Петра, принявъ подъ свое покровительство новозаведенную при ней школу языковъ, художествъ и наукъ (1764 г. № 12,022). Движеніе колонистовъ изъ-за границы совершалось въ большомъ количествѣ съ 1764–1770 г.г., преимущественно изъ Германіи[1]. Особо отъ нихъ поселилась выше упомянутая евангелическая братія въ 1766 г., основавшая колонію Сарепту. На Волгѣ было образовано 102 колоніи, въ числѣ которыхъ однако было много голышей, желавшихъ воспользоваться льготами и заставившихъ въ 1770 г. пріостановить колонизацію, но она снова возобновилась спустя 12 лѣтъ и направлялась уже

1) Они селились преимущественно въ низовомъ Поволжьѣ и частью въ ниж.

въ Новороссійскій край (Клаусъ, Наши колоніи). Въ 1769 г. Екатерина хвалилась, что саратовская колонія достигла уже 27000 душъ, что каждый округъ имѣетъ церковь своего вѣроисповѣданія и что въ продолженіи 30 лѣтъ не будутъ платить никакихъ податей (Сбор. И. Ист. об. X, 345). Однако заселеніе юговосточныхъ окраинъ Россіи привело къ столкновенію между русскими и колонистами, вслѣдствіе чего правительство рѣшило надѣлить русскихъ поселенцевъ и новыхъ пришельцевъ по 30 десят. земли, но при этомъ они были обложены платою съ десятины (по 10 к). Но такая постановка вопроса являлась несправедливою относительно русскихъ поселенцевъ и сенатъ рѣшилъ было исключить эту статью, что вызвало новыя затрудненія, и дѣло было отложено до рѣшенія Межевой коммиссіи (Солов. XXVI, 152-54). иностранные же колонисты находили себѣ всегда сильную защиту въ лицѣ гр. Г. Гр. Орлова, который пользовался весьма значительными полномочіями. На иностранную колонизацію отпускалось ежегодно 200,000 р. Спустя нѣкоторое время эти колоніи достигли значительнаго благосостоянія. На мѣстѣ — пустыни явились трехъ-этажныя зданія, окружавшія правильныя площади, явились виноградные сады, разныя мастерства, рукодѣлія, табачныя плантаціи, суконныя мельницы, пивварни, магазины, гостинницы, знаменитая горчица, а Сарепта превзошла даже лучшіе уѣздные города и главнѣйшую гернгутерскую колонію Цейстъ близъ Утрехта (Сумароковъ I, 122-123)[1]. Такимъ образомъ Екатерина могла похвалиться Вольтеру, что она дала пріютъ преслѣдуемымъ сектантамъ

1.) Вскорѣ здѣсь возникли минеральныя ванны. Соч. Державина, изд. Грота, I, 302.

вопреки знаменитому акту Людовика XIV, отменившему нантскій эдиктъ (Сборн. X, 204).

Введеніе картофеля. Одновременно съ иностранною колонизаціею изъ Германіи произошло существенное нововведеніе въ земледѣльческой промышленности. Мы говорили о перенесеніи въ Россію картофеля. Сиверсъ предложилъ выписать его изъ Ирландіи; и сенатъ поручилъ это дѣло медицинской коллегіи; при чемъ на выписку "земляныхъ яблоковъ" было отпущено 500 р. Медицинская коллегія съ своей стороны издала наставленія (П. С. З. 12,527 и 12,406) о важности этого продукта, не требующаго ухода за собою и щедро вознаграждающаго трудъ; при дороговизнѣ же хлѣба имъ вполнѣ можно замѣнить послѣдній (Солов. XXVI, 135). Впрочемъ впервые русскіе познакомились съ картофелемъ во время перехода русскаго войска черезъ Пруссію въ семилѣтнюю войну; но тогда это знакомство дорого обошлось имъ, повлекши за собою множество больныхъ въ войскахъ (Болотовъ). Въ Петербургѣ картофель былъ извѣстенъ частнымъ лицамъ еще въ первой половинѣ XVIII в. (Рус. Ст. т. XXVI, 85). Разведеніе картофеля, при ежегодной возраставшей чрезмѣрной дороговизнѣ хлѣба, на что указывала Екатерина (Сборн. X, 215-217; Чт. М.О.И. годъ III т. I, 20), могло, конечно, много содѣйствовать улучшенію сельскаго хозяйства. Но долгое время разведеніе картофеля прививалось плохо и вызывало даже неудовольствія и такъ называемые „картофельные бунты". Въ то же время Екатерина хлопотала о разведеніи въ Сибири такого

рода растеній, которыя могли бы замѣнить хлѣбъ (П.С.З. 12,532)

Заботы о продовольствіи населенія. Вопросъ объ устраненіи условій, вызывавшихъ весьма частыя неурожаи въ Россіи въ этотъ періодъ (1763, 65, 66, 67), обратилъ на себя особенное вниманіе Екатерины. Записка ея о собираніи свѣдѣній по этому вопросу (1767 г) обнимаетъ всѣ стороны его (худое хлѣбопашество, убыль крестьянъ, падежъ скота, дороговизна, винокуреніе и т. п.). Отъ воеводъ и мѣстныхъ жителей были потребованы подробныя свѣдѣнія, касающіяся мѣръ противъ неурожаевъ (Сборн. X, 215-218). Было издано постановленіе о присылкѣ въ сенатъ вѣдомостей изъ всѣхъ городовъ о посѣвахъ и урожаяхъ хлѣба и другихъ продуктовъ (П.С.З. 12,445) и еженедѣльныхъ свѣдѣній о количествѣ хлѣба и припасовъ, привозимыхъ въ Петербургъ и нагружаемыхъ на Ладожскомъ каналѣ (ib 12,900; 12,902).

Лекція 15.

Церковное управленіе. Во главѣ церковнаго управленія стоялъ синодъ; но мы уже знаемъ воззрѣнія Екатерины на отношенія церкви и государства (см. стр. 143). Во главѣ синода становятся лица, вполнѣ расположенныя выполнять желанія и намѣренія императрицы. Въ царствованіе Елисаветы Петровны видное мѣсто въ церковной іерархіи занимали малороссіяне и только въ 1754 г. изданъ былъ указъ, ограничивавшій имъ исключительное преобладаніе на іерархическихъ постахъ (Чт. М.О.И. 1861, III); но сразу этотъ рѣзкій поворотъ, въ особенности при Елисаветѣ, совершиться не могъ. Такъ продолжалось до начала царствованія Екатерины II и еще въ 1763 г., когда нужно

было представить двухъ кандидатовъ на тверскую каѳедру, то членъ синода, малороссъ по происхожденію, Симонъ Тодорскій, настоялъ, чтобы изъ двухъ кандидатовъ, Гавріила Петрова и Ѳеофила Игнатовича, первымъ былъ представленъ Ѳеофилъ; однако Екатерина предпочла Гавріила.

При вступленіи ея на престолъ почти всѣ важнѣйшія іерархическія мѣста заняты были еще малороссами. Въ Петербургѣ былъ архіепископъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ; въ Москвѣ митр. Тимоѳей Щербацкій, плохо владѣвшій даже русскимъ языкомъ; Крутицкимъ архіепископомъ — Амвросій Зертисъ-Каменскій; въ Твери Аѳанасій Вольховскій, уроженецъ Полтавы, перемѣщенный вскорѣ на мѣсто Арсенія Мацѣевича; только въ Новгородѣ занималъ каѳедру извѣстный своимъ протестомъ при Петрѣ III Димитрій Сѣченовъ, положеніе котораго со дня вступленія на престолъ Екатерины измѣнилось. Онъ содѣйствуетъ ея утвержденію на престолѣ; получаетъ санъ митрополита и 1,000 душъ крестьянъ, является во главѣ духовной администраціи и представителемъ отъ духовенства въ Коммиссіи Уложенія, въ началѣ дѣятельности которой онъ умеръ. Такимъ образомъ самолюбіе этого іерарха было польщено и онъ сдѣлался слугою, вполнѣ преданнымъ Екатеринѣ, какъ это онъ доказалъ въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича и въ коммиссіи о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Нѣсколько позже, въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, Екатерина не разъ упоминаетъ о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ, заставивъ преклониться предъ нимъ и такого противника духовной власти какимъ былъ Фернейскій философъ. Она рекомендовала его, какъ „не гонителя и не фанатика“.

(что противоръчило однако его дъйствіямъ въ нижегородской епархіи, относительно раскольниковъ при Елисаветъ). „Въ вашихъ предписаніяхъ нътъ ни одного правила, котораго бы онъ не вырилъ; котораго бы не признавалъ и не сталъ проповъдывать, если было полезно и нужно: онъ совершенно отвергаетъ предположеніе двухъ властей. Нъсколько разъ подавалъ онъ мнъ примъры, о которыхъ я могла бы сказать вамъ, если бы не боялась наскучить. Недавно эта духовная особа доказала чувства свои, которыя вамъ извъстны. Нъкто перевелъ книгу и принесъ къ нему; архіепископъ совътовалъ не выпускать ее, потому что она содержитъ правила, утверждающія двъ власти" (Письма къ Вольтеру, 13-24). Такъ писала Екатерина Вольтеру. Затъмъ слъдуютъ люди также вышедшіе изъ великорусскихъ училищъ, какъ Гедеонъ Криновскій, епископъ Псковской; Гавріилъ Кременецкій, переведенной Екатериною изъ Казани въ Петербургъ, на мъсто Веніамина, отправленнаго въ Казань. Гедеонъ былъ извъстенъ страстью къ роскоши, которая проявлялась въ его обстановкъ и одеждъ; въ Троицкой лавръ, гдъ онъ былъ архимандритомъ, о немъ говорили: „Гедеонъ нажилъ милліонъ"; находясь при дворъ Елисаветы въ качествъ проповъдника, онъ вполнъ сроднился съ придворною сферою. Ученые великороссы усердно выдвигаютъ теперь впередъ своихъ учениковъ и сторонниковъ: Иннокентія Нечаева, Гавріила Петрова, Платона Левшина, которыхъ сама Екатерина ставитъ въ примъръ просвъщенныхъ іерарховъ, въ возраженіи на книгу аббата Шаппа (Антидотъ, 18 вък., IV, 332). Гавріилъ Петровъ при ея вступленіи на престолъ состоялъ ректоромъ Москов-

ской Академіи, а Платонъ-Троицкой семинаріи. Мы знаемъ уже отзывъ Екатерины о Гавріилѣ въ письмахъ къ Вольтеру и то, что ему она посвятила переводъ Велизарія, хотя и онъ подобно Сѣченову не былъ такимъ широкимъ истолкователемъ терпимости, какимъ изображаетъ его Екатерина. Въ своемъ кружкѣ Екатерина отзывалась о немъ, какъ о мужѣ „остромъ и резонабельномъ, а главное не противникѣ философіи" (Знаменскій, Прав. собес. 1875, № 3-й, 109). По смерти ~~Димитрія~~ Сѣченова, Гавріилъ сдѣлался преемникомъ его власти. Платонъ тоже раздѣлялъ модныя въ то время идеи о терпимости, о вредѣ суевѣрій и фанатизма, что видно даже въ нѣкоторыхъ его проповѣдяхъ придворной эпохи (ib. 119-120). Его проповѣди Екатерина посылала Вольтеру (переписка, 77). По окончаніи воспитанія Павла, Платонъ былъ сдѣланъ (1769 г.) членомъ синода, а затѣмъ занялъ мѣсто Гавріила въ Твери съ саномъ архіепископа (1770 г.). Людямъ противоположныхъ мнѣній Екатерина не давала никакихъ важныхъ порученій, а мнѣніе ея о малороссійскомъ духовенствѣ, особенно со времени дѣла Арсенія Мацѣевича, мы знаемъ уже по ея наставленіямъ гр. Румянцову, когда онъ отправлялся генералъ-губернаторомъ въ Малороссію.

Синодъ и оберъ-прокуроры. Въ назначеніи членовъ синода Екатерина была чрезвычайно разборчива и потому нерѣдко тянула дѣла о новыхъ назначеніяхъ. Такъ вакансіи Дм. Сѣченова и Гедеона Криновскаго были замѣщены спустя лишь нѣкоторое время; послѣ убіенія въ Москвѣ архіеп. Амвросія, московская каѳедра оставалась вакантною съ 1771-75 г. Всѣ эти замѣщенія

были совершены лицами, подававшими надежду на „резонабельные сентименты" (Знамен. Пр. Сов. апулъль, 40). Какъ понималось значеніе синода, какъ государственнаго учрежденія въ царствованіе Екатерины, можно видѣть изъ отзыва о немъ кн. Щербатова, человѣка просвѣщеннаго и близкаго къ ней по историческимъ трудамъ. „Въ синодѣ, говоритъ онъ, присутствуютъ архіереи, архимандриты и протопопы по назначенію государя. Онъ управляется какъ сенатъ. Въ немъ обрѣтается оберъ-прокуроръ, особа нужная въ семъ мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать надъ гражданскими правами, къ чему они весьма склонны... Духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющіеся между собою для пріобрѣтенія себѣ большей силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человѣкъ небольшаго чина и по большей части не случайный при государѣ, то может ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться. Правда по нынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но посторонніе тому обстоятельства противились. При Петрѣ В. не смѣли ничего начать; Екатерина I и Петръ II мало царствовали; импер. Анна Ив. имѣла при себѣ герцога курляндскаго, лютеранина, слѣдовательно противнаго духовенству; импер. Елисавета Пет. мало по набожности своей не возобновила чинъ патріаршій, но временщикъ ея Разумовскій, преданный духовенству, больше упражнялся съ ними пить, нежели въ

чистосердечныхъ ихъ намѣреній мы помочь, а покамѣстъ вельможа И. И. Шуваловъ, человѣкъ разумный и совѣтомъ ихъ проискалъ путь прежній. Петръ III былъ внутренно лютеранинъ, а нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, которые знатно во коммиссіи высмѣяли духовныхъ, желая прекратить и конечно изъ преслѣдовать ихъ не выпускать. Но я вѣдаю научилось, чтобы духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распространилъ свою власть. (Статистика образованія Россіи, Чтен. Моск. об. исторіи 1859, кн. III, 1-96)

Въ этомъ мнѣніи высказался взглядъ XVIII вѣка на значеніе духовенства въ государствѣ. Петръ В. полагалъ, что оберъ-прокуроръ синода долженъ быть человѣкомъ смѣлымъ, рѣшительнымъ; Екатерина, какъ послѣдовательница новой философіи, назначала на эту должность лицъ съ соотвѣтствующими понятіями. Въ началѣ ея царствованія оберъ-прокуроромъ синода былъ кн. А. С. Козловскій (съ 1758-1763), участвовавшій въ коммиссіи по отобранію церковныхъ имуществъ.[1] За оберъ-прокурорскимъ же столомъ въ синодѣ состоялъ Гр. Потемкинъ. Съ 1763-68 г. оберъ-прокуроромъ былъ д.с.с. И. И. Мелиссино, человѣкъ просвѣщенный, покровитель литературы. Когда состоялось избраніе члена синода въ Коммиссію Уложенія, онъ предложилъ синоду записку изъ 18 пунктовъ, для составленія наказа синодальному депутату, которые являются выраженіемъ того же философскаго направленія, какого держалась

1. Онъ далъ блестящее образованіе своему сыну (въ Мос. Унив.), котораго Екатерина послала къ Вольтеру съ письмомъ и своимъ портретомъ. Послѣдній зналъ прекрасно языки, переводилъ для русскаго театра комедіи и сочинялъ самъ; написалъ похвальное слово Екатеринѣ. Во время Чесменской битвы онъ былъ взорванъ на воздухъ на одномъ изъ кораблей (Б. Каменскій, III, 81).

въ то время Екатерина и открыто были составлены не безъ ея участія. Въ этихъ пунктахъ мы встрѣчаемся съ такими вопросами какъ примѣненіе полной вѣротерпимости въ отношеніи къ инородцамъ и раскольникамъ въ Россіи; о сокращеніи постовъ; о составленіи коммиссіи изъ особъ, чуждыхъ предразсудковъ, для уничтоженія суевѣрій относительно ложныхъ мощей и иконъ; о запрещеніи носить образа по домамъ; о сокращеніи излишнихъ молитвъ, сочиненныхъ въ позднѣйшее время; о назначеніи вмѣсто вечернихъ и всенощныхъ пѣній краткихъ молитвъ съ поученіями; о прекращеніи содержанія монаховъ и обращеніи этого источника въ пользу бѣлаго духовенства; о дозволеніи выбирать въ епископы изъ бѣлаго духовенства, съ сохраненіемъ брачной жизни; о разрѣшеніи духовнымъ носить пристойнѣйшее (т. е. свѣтское) платье; объ отмѣнѣ поминовенія по умершимъ, допускающихъ вымогательства со стороны духовенства; о мытарствахъ; объ ослабленіи правилъ относительно родства при совершеніи браковъ; объ облегченіи разводовъ и дозволеніи браковъ свыше трехъ; о запрещеніи причащать дѣтей до 10 или 7 лѣтъ. Синодъ, какъ и слѣдовало ожидать, отклонилъ подобный наказъ и составилъ свой въ другомъ родѣ. (Знамен. Прав. Обозр. 1875, №4, 407-408; Чт. М. О. И. 1871 г. кн. III, 14-19; Христіан. Чтен. 1876 г. Сент. и октябрь 223-265). Мелиссино былъ замѣненъ, въ 1768 г. (по 1774 г.), бригадиромъ П. П. Чебышевымъ, который по словамъ Вязина отличался самымъ крайнимъ раціонализмомъ. Онъ же открыто выражалъ свое невѣріе въ присутствіи членовъ синода; задерживалъ изданія сочиненій, направленныхъ противъ безбожія, но былъ потомъ удаленъ, вслѣдствіе растраты казенной суммы (Знам. іб, 403).

Преемникомъ его былъ ст. совѣт. С. В. Акчуринъ (по 1786 г. см. списокъ оберъ-прокурора синода, Рус. Арх. 1866. стр. 601-602).

Распоряженія по церковному управленію. Изъ распоряженій Екатерины, обращенныхъ къ оберъ-прокурорамъ (Рус. Арх. 1870, 744 и д. ср. Сбор. VII, X и др.) видно, что ея вліяніе касалось самыхъ разнообразныхъ вопросовъ синодальнаго управленія, въ которыхъ проявлялись отношенія власти, и стремленія Екатерины дѣйствовать соотвѣтственно съ своими воззрѣніями на церковныя отношенія и явленія. Въ 1767 году Екатерина распорядилась, чтобы чинъ отлученія былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ соотвѣтственно требованіямъ времени. Въ этой редакціи, сдѣланной Гавріиломъ, были опущены имена лицъ, подлежавшихъ отлученію, но оставлены при этомъ имена политическихъ преступниковъ, какъ Отрепьевъ и Мазепа (св. 756). Въ другой разъ Екатерина пишетъ Мелиссино: „Иванъ Ивановичъ! Казанскій купецъ поднесъ мнѣ на Волгѣ образъ, изображающій св. троицу съ тремя лицами и четырьмя глазами, а какъ мнѣ такихъ образовъ видѣть не случалось, то и разсудила послать оный при семъ, съ тѣмъ чтобы вы оный предложили св. синоду и меня увѣдомили, позволено ли такіе образа писать, а я съ своей стороны опасаюсь, чтобы сіе не подало поводу не смышленнымъ иконописцамъ прибавить къ тому еще по нѣскольку рукъ и ногъ, что было бы весьма соблазнительно и похоже было бы на китайскія изображенія." При этомъ она запретила возбуждать преслѣдованіе по этому дѣлу. Но это обстоятельство вызвало распоряженіе, воспрещавшее писать церковныя изображенія лицамъ, кромѣ синодальныхъ живописцевъ

(Антропьева и Колокольникова). Екатерина однако не одобряла столь крайней меры, которая могли вести къ массѣ незаконныхъ „придирокъ" и постановила сразу же изъять надзоромъ со стороны епархіальныхъ архіереевъ (П.С.З. 12,928). Екатерина ссылалась относительно духовенства дѣйствія такихъ государей, какъ Иванъ IV и Петръ В. И въ своихъ распоряженіяхъ, обращенныхъ къ синоду, и въ своей перепискѣ съ энциклопедистами, она прямо опиралась на постановленія Петра В. Въ другой разъ, по поводу намека о чудѣ, Екатерина отвѣчала Вольтеру, что она читала въ предисловіи къ собору царя Ивана Васильевича, что когда царь всенародно произнесъ свое покаяніе, то случилось чудо — солнце показалось въ полномъ блескѣ и освѣтило всѣхъ присутствовавшихъ. „Нынче, говоритъ она далѣе, дѣла измѣнились. Петръ Великій установилъ столько обрядностей для доказательства чуда и синодъ исполняетъ это такъ точно, что я опасаюсь видать то, которое вы мнѣ совѣтуете." (Сбор. X, 175) Однако это не мѣшало Екатеринѣ желать присутствовать лично при открытіи мощей Димитрія Ростовскаго; она извѣщаетъ Панина о происходящихъ исцѣленіяхъ (V, 255). „Философъ настолько возможно, я не допускаю злоупотреблять страстями, писала она еще въ молодости своей матери" (Сборн. VII, 72). Она воздерживалась отъ рѣшительнаго дѣйствія, когда признавала, что было бы несогласно съ существующими учрежденіями. Такъ напр. по вопросу о разводѣ, когда хлопоталъ о немъ для своей дочери гр. Воронцовъ. Она высказала въ этомъ случаѣ только свой взглядъ, что ей все равно придутъ ли супруги къ примиренію или рѣшатся развестись (VII, 335). И на

смотря на сдѣланныя теперь стѣсненія относительно браковъ, ни при комъ не умножились до такой степени разводы, ни при комъ не было такихъ нарушеній въ степеняхъ родства, какъ при Екатеринѣ, по словамъ Щербатова. Она желала провести необходимыя измѣненія посредствомъ коммиссіи Уложенія, но, не достигнувъ этого путемъ соглашенія, она признала силу каноническихъ постановленій и въ тоже время на частныя просьбы отвѣчала такъ: „Понеже по мнѣнію синода къ церковному разводу причинъ нѣтъ, того ради не надлежитъ ихъ разводить, а понеже указомъ предки наши не велѣно такую-то принуждать съ мужемъ быть, того ради не принуждать ее." (XIII, 14). Но относительно монастырей, открытія новыхъ, постриженія монаховъ, назначенія помѣщенія для раненыхъ и больныхъ, она дѣйствовала болѣе рѣшительно, опираясь на законныя основанія. „Новыхъ монастырей, писала она, не строить для того, что большая часть ихъ въ худомъ присмотрѣ и разореніи. Такъ особенно благолѣпіе церковное и государственное больше приращенія имѣть будетъ оттого, чтобъ оныхъ было хотя нѣсколько меньше, да наполненныя монахами и въ пристойномъ изобиліи, также и монастыри бъ въ цвѣтущемъ состояніи, а не разоренные бъ находились." (XIII, 15).

Отношенія Екатерины къ представителямъ духовенства.

Интересно взглянуть на личныя отношенія Екатерины къ духовнымъ властямъ. По поводу одного архіерея, упрекавшаго своихъ членовъ въ синодѣ въ ереси, Екатерина сдѣлала слѣдующую записку: „Я третьяго дня позвала кн. Я. П. Шаховскаго (до 1 авг. 1766 г.) и разсказала ему

всю исторію и что онъ мнѣ совѣтовалъ, что сдѣлано. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы онъ архіерей у прочихъ въ синодѣ при первомъ засѣданіи просилъ словесно прощенія за то, что онъ на нихъ ереси скопчалъ возводитъ, а они, какъ [illegible]: если простятъ, то дѣло выговоромъ съ ихъ стороны кончатся, а если же не простятъ, то имъ подавать формальную на него просьбу и тогда дѣло порядкомъ пойдетъ. Сіе ему объявлено оберъ-прокуроромъ и сказано ему отъ меня келейно, чтобъ онъ воздержался подъ опасеніемъ выключенія изъ синода и отрѣшенія отъ епархіи за невоздержаніе языка, въ чемъ во всемъ уже онъ покорился и спокоенъ по рѣчамъ оберъ-прокурора. Все сіе диктовалъ кн. Шаховской и бывъ въ томъ дѣлѣ разгорячена, ни единаго словечушка не прибавила" (т. X, 72). Для насъ важно указаніе, что въ дѣлахъ синода ея совѣтникомъ является такое лицо, какъ кн. Шаховской, дѣятельность котораго въ синодѣ при Елисаветѣ, въ защиту правъ свѣтской власти, хорошо извѣстна.
Въ 1768 году въ синодъ поступила челобитная за подписью 106 духовныхъ и свѣтскихъ лицъ о перемѣщеніи въ Тамбовъ бывшаго здѣсь епископа Пахомія; но синодъ подвергъ духовныхъ лицъ наказанію, а о свѣтскихъ сообщилъ сенату. Послѣдній отрѣшилъ отъ должности всѣхъ воеводъ и воеводскихъ товарищей, подписавшихъ челобитную (Солов. XXVII, 157-158).

Дѣло А. Мелеса. Дѣло Анатолія Мелеса, возникшее въ этотъ періодъ, наглядно свидѣтельствуетъ, какъ пользовалась Екатерина своею властью каждый разъ, когда интересы политики брали верхъ въ ея соображеніяхъ. Еще при Елисаветѣ Петр. появился въ Россіи съ Афона (1750 г.)

архимандритъ Анатолій Меллесъ, родомъ валахъ, учившійся въ кіевской Академіи. Онъ привезъ съ собою множество святыхъ предметовъ и, какъ полагали, подложныхъ. Синодъ запретилъ ему выставлять этихъ предметы и совершать службы, причемъ имѣлъ поддержку въ Оберъ-прокурорѣ Шаховскомъ. Но черезъ духовника Елисаветы Меллесу удалось поднести ей часть святынь, вслѣдствіи сего онъ сталъ снова служить. Синодъ однако наложилъ на него запрещеніе и хотѣлъ подвергнуть его болѣе тяжелому взысканію; но онъ во время удалился. На востокѣ онъ за границей добился сана епископа отъ Патріарха константинопольскаго и снова возвратился въ Россію, уже въ качествѣ агента отъ южныхъ славянъ, которымъ покровительствовала Елисавета. Но синодъ и на этотъ разъ воспретилъ ему служеніе, а когда Меллесъ отправился къ запорожцамъ, то потребовалъ его выдачи. Съ возвращеніемъ Меллеса, синоду удалось добиться ссылки его въ Сибирь; но при Екатеринѣ ему позволено было переселиться въ нижегородскій монастырь. Тогда снова начались у него столкновенія съ синодомъ, который удалилъ его въ Казанскую епархію. Но съ открытіемъ войны противъ Турокъ, Екатерина вызвала его въ Петербургъ и побудила синодъ издать промеморію о прощеніи, а когда синодъ все еще находилъ подозрительными нѣкоторыя выраженія, Екатерина написала Оберъ-прокурору: „слышала отъ васъ, что доношеніе, поданное епископомъ Анатоліемъ въ синодъ, отдали ему обратно съ тѣмъ", чтобы онъ перемѣнилъ нѣкоторыя слова, полюбопытствовала я оныя видѣть, и, не нашедши въ оныхъ ни малѣйшаго сумнѣнія, признаюсь, что удивилъ меня поступокъ синода, тѣмъ наипаче, что черезъ васъ имъ сказано, что сіи слова изъ [illegible]

нуженъ." И она настояла на возвращеніи ему священства, а затѣмъ исправляла его поступки и напасти (Рус. Арх. 1870, 761). Этотъ Милесъ нуженъ былъ для видовъ Екатерины, когда она во время турецкой войны думала дѣйствовать на славянъ, которыхъ хорошо зналъ Милесъ. Онъ былъ назначенъ состоять во флотѣ, который отправлялся въ Средиземное море подъ начальствомъ гр. Орлова. Но этого мало, послѣ Чесменской битвы Екатерина повелѣла синоду признать его епископскій санъ, противъ котораго такъ сильно возражалъ синодъ при Елисаветѣ. Въ 1772 г. Екатерина дала въ управленіе Милесу [illegible] монастырь, гдѣ онъ впрочемъ предавался пьянству, грубо обращался съ монахами и развлекался на временамъ пушечными выстрѣлами изъ перелитыхъ въ пушки колоколовъ, [illegible] Рус. Арх. 1870 г.)

"Такимъ образомъ не легко обходились философскія и политическія принципы Екатерины синодальнымъ членамъ, [illegible] она и одаривала ихъ посвященіемъ своихъ произведеній и громкою славою передъ литературными знаменитостями Франціи. Митр. Платонъ впослѣдствіи признавался, что положеніе синодальнаго члена было для [illegible] искушеній, среди которыхъ оставалось [illegible] единственное утѣшеніе — терпѣніе. „Къ чему туда зовутъ насъ?" спрашивалъ онъ въ тяжеломъ раздумьи. И такое раздумье наступало обыкновенно вдали отъ [illegible] сферы, какъ свидѣтельствуетъ біографъ Платона, съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли на томъ же Платонѣ, они вполнѣ поддавались ея обаянію. Гавріилъ всегда оставался въ Петербургѣ, никогда не жаловался и не роптавъ на свою судьбу (Чт. по ист. и древн., въ цар. Екат. II, Г. Знамен-

скаго, Пр. Соб. 1875 г.; И. Знаменский, Положеніе духов. при Екатеринѣ II и Павлѣ I М. 1880 г.)

Положеніе духовенства. Обратимся къ положенію русскаго духовенства въ этотъ періодъ. При Екатеринѣ продолжались такъ называемые разборы духовенства, особенно передъ наступленіемъ первой турецкой войны. Такъ, въ 1766 г. состоялись постановленія сената о переписи духовенства, о зачисленіи въ военную службу всѣхъ годныхъ церковнослужителей и дѣтей духовнаго званія, не имѣвшихъ штатныхъ мѣстъ (14-50 лѣтъ) и не записавшихся въ подушной окладъ (П.С.З. № 12,586). Наканунѣ турецкой войны снова было положено взять въ солдаты всѣхъ незанятыхъ сыновей священниковъ и причетниковъ. При этомъ оказалось, что всѣхъ церквей Россіи въ концѣ 1768 г. было 17,518, при нихъ церковнаго клира должно быть 78,651 чел., а на лица состояло 66,025 ч., слѣдовательно недоставало 12,627 чел. Между тѣмъ, при отцахъ находилось неопредѣленныхъ къ церквамъ дѣтей церковниковъ 70,287; кромѣ того безмѣстныхъ священниковъ и діаконовъ 1,472, причетниковъ и сторожей – 1565 ч. Поэтому сенатъ полагалъ взять въ военную службу отъ 15 до 40 лѣтъ $\frac{1}{4}$ часть, да изъ безмѣстныхъ и запрещенныхъ церковнослужителей $\frac{1}{2}$, а $\frac{3}{4}$ изъ первой категоріи оставить для церквей. Семинаристовъ, которыхъ считалось тогда 4,905 вовсе не брать. Императрица утвердила мнѣніе сената. (Солов. XXVIII, 16-17). Въ 1765 и 67 г.г. были отданы распоряженія о поимкѣ всѣхъ бѣглыхъ монаховъ и священниковъ, въ большомъ числѣ проживавшихъ въ Петербургѣ и Москвѣ (83). Въ средѣ духовенства господствовала грубость нравовъ,

которой не чужды были нѣкоторые изъ епископовъ, даже побывавшіе за границею и усвоившіе себѣ внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи. Таковы дѣйствія епископа Кирилла Флоринскаго, описанныя въ извѣстныхъ запискахъ Добрынинымъ (Рус. Стар. 1871, II, 150, 157-159, 410-418, 576 и др.). — Таковы тамбовскіе архіереи, описанные Болотовымъ (II, 725-726). Школа не составляла еще общей потребности даже для духовенства. Изъ 303 священниковъ въ Москвѣ, дошедшихъ до богословія и философіи, было только 95, остальные большею частію вовсе не были въ школахъ (Знамен. 90). Но увеличеніе семинарій и школъ на средства, полученныя отъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, не состоялось (94, 98), а весьма широкая программа, выработанная особою коммисіею, не была приведена въ исполненіе (101-102) Поэтому даже въ московской Академіи и троицкой семинаріи, во все время царствованія Екатерины, большинство учителей было изъ монашествующаго духовенства, не смотря на значительное число учениковъ въ Академіи (до 1,000 чел.). Вниманіе Екатерины преимущественно было обращено на свѣтскія школы.

<u>Матеріальное обезпеченіе бѣлаго духовенства и уничтоженіе нѣкоторыхъ церковныхъ сборовъ</u>. Но Екатерина обратила вниманіе на матеріальное положеніе бѣлаго духовенства. Она отмѣнила множество поборовъ, существовавшихъ при посвященіи въ духовныя званія, замѣнивъ ихъ опредѣленнымъ взносомъ соотвѣтственно званію (1-2 р. П.С.З. 12,373); она надѣлила клиръ при межеваніи опредѣленнымъ количествомъ земли (33 десят., а по указу 1766 г. по 50 дес. П.С.З. 12,603), приписанной къ церквамъ, а не къ

личное владѣніе; съ другой стороны, [illegible] прекратила произвольныя поборы съ мірянъ, установивъ опредѣленную таксу за требы; уничтожила вѣчныя памяти и [illegible] сборъ съ нихъ (12,433), не исключая татаръ и другихъ инородцевъ (13,208). Екатерина воспретила ходить по городамъ и ярмаркамъ съ образами и свѣчами для сбора денегъ (12,501).

Смягченіе наказанія для духовенства. Отношеніе къ монашеству. Въ 1766 г. синодъ ходатайствовалъ о сокращеніи числа молебствій въ викторіальные дни, о поминовеніи умершихъ членовъ царской фамиліи не въ срочные дни, а въ концѣ мѣсяца, и о смягченіи наказанія священникамъ за опущеніе ихъ по какимъ-либо причинамъ, как извѣстно такъ тяжко расплачивались за эти опущенія, особенно при Аннѣ Ивановнѣ.

Императрица утвердила этотъ докладъ (12,618). Въ 1767 г. синодъ издалъ указъ, запрещавшій духовнымъ властямъ наказывать тѣлесно священниковъ и іеромонаховъ (12,909); въ 1771 г. этотъ указъ былъ распространенъ и на діаконовъ (13,603). Впрочемъ онъ не относился къ свѣтскимъ судамъ, куда привлекались духовныя лица, и въ 1769 г. синоду приходилось жаловаться на поводы [illegible] тѣлесныя наказанія духовныхъ лицъ помѣщиками и просить заступничества со стороны свѣтскихъ учрежденій (13,286). Въ 1768 г. синодъ постановилъ, чтобы во всѣхъ епархіяхъ составъ духовныхъ консисторій [illegible] изъ однихъ монашествующихъ лицъ, [illegible] священниковъ (13,163). Петръ III запретилъ [illegible] постригать въ монастыри безъ особыхъ именныхъ указовъ, Екатерина [illegible] потребовала, чтобы оно не совершалось [illegible]

(12,960), чтобы постриженіе происходило при свѣтскихъ честныхъ и достовѣрныхъ свидѣтеляхъ (№ 12,234); запретила возводить въ архимандриты безъ указа синода (12,332) и постриженіе лицъ, подлежащихъ подушному окладу (П.С.З. № 12,573). Всѣхъ монастырей въ это время было 347 (128 муж. и 219 жен.) Изъ коллегіи экономіи опредѣлено было на содержаніе 4353 отставныхъ военныхъ 80,600 р., а на вдовъ и сиротъ 34,400 р. (П.С.З. № 12060).

<u>Церковный судъ.</u> Ограничивъ вмѣшательство духовныхъ консисторій въ дѣла, не подлежавшія духовнымъ судамъ (12,536), Екатерина однако не позволила свѣтскимъ учрежденіямъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла, даже тамъ, гдѣ существовали мѣстные обычаи (въ Остзейск. области, Соловьевъ XXVI т.), подчинивъ ихъ общимъ государственнымъ законамъ. За святотатство, не смотря на несовершеннолѣтіе, преступники подвергались наказанію батогами (12,873).

<u>Отношеніе къ расколу.</u> Въ интересахъ промышленности Екатерина намѣрена была даровать свободу исповѣданія и раскольникамъ, какъ мы видѣли по ея наставленіямъ къ членамъ синода, хотя она не достигла этого вполнѣ. Духовенство предложило различать упорныхъ раскольниковъ отъ готовыхъ пойти на соглашеніе. Къ этому примѣшивались еще вопросы государственной политики: такъ въ теченіе XVIII в. правительство не разъ вызывало и силою привлекало бѣглыхъ раскольничьихъ крестьянъ съ <u>Вѣтки</u>[1].

---

1. Мѣстечко Вѣтка — Могилевской губ. при р. Сожѣ. Заселеніе этой мѣст-

В. Смоленскій

Обѣщаніе свободы совѣсти и поселенія въ Сибири и внутр. Россіи было предложено имъ Петромъ III и Екатериною II въ 1763 г. Но они не повѣрили этому и въ 1764 г. генералъ Масловъ вывелъ всѣхъ вѣтковцевъ военною силою въ числѣ 20,000 чел. Они были поселены большею частью въ Сибири.

Въ это же время стали возникать другія раскольничьи слободы, преимущественно же Стародубье (Макарій, 336). Часть раскольниковъ послѣ манифеста 1762 г. переселилась (120 дворовъ) въ Саратовскую губ. и основала общину на р. Иргизѣ, а другіе въ Москву, гдѣ образовали общины, извѣстныя подъ именемъ Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ — но всѣ эти общины были поповщинскія (350). Въ концѣ XVIII в. послѣдователи этой общины достигли въ Москвѣ уже 20,000 человѣкъ.

Допустивъ смягчающія отношенія къ раскольникамъ, Екатерина отмѣнила преслѣдованіе ихъ за бороду и ношеніе стариннаго платья, а также подчинила ихъ завѣдыванію общихъ присутственныхъ мѣстъ. Кромѣ того тайнымъ раскольникамъ разрѣшили записываться въ расколъ, но все-таки подъ условіемъ двойнаго оклада (386). Для убѣжденія упорствующихъ раскольниковъ, Екатерина поручила написать приличное увѣщаніе ученому Платону.

ности относится къ XVII в., когда при царѣ Алексѣѣ Мих. бѣжали сюда раскольники и образовали здѣсь слободу на землѣ пана Халецкаго. Русское правительство не знало о ея существованіи до времени Петра В. Во время похода здѣсь шведовъ раскольники нападали на нихъ, брали въ плѣнъ и представляли ихъ въ рус. лагерь. Вслѣдствіе чего Петръ В. даровалъ имъ прощеніе. Къ этому времени въ Вѣткѣ и окрестныхъ слободахъ считалось до 40 т.

Пользуясь нѣкоторыми льготами московскіе раскольники съ 1765 стали домогаться установленія для себя особаго епископа (387-88). Нѣсколько позднѣе, въ 1767 г. Екатерина продолжала хлопотать о вызовѣ и примиреніи съ раскольниками, находившимися въ Польшѣ (до 300,000). Въ такомъ смыслѣ она обращалась къ Дм. Сѣченову (Сборн. X, 259), ссылаясь на сильныя притѣсненія и гоненія противъ раскольниковъ со стороны духовенства, въ чемъ она лично удостовѣрилась во время пребыванія своего въ Нижнемъ-Новгородѣ.
Но когда дѣло касалось дѣйствительной почвы, обыкновенно начиналось колебаніе и отступленія. Такъ въ 1765 г. было принято, что записываніе въ раскольники не касается казаковъ, какъ находящихся на службѣ. Кто изъ нихъ пожелалъ бы записаться, тотъ терялъ право на вольную продажу вина, соли, рыбный промыселъ, звѣриную ловлю и приравнивался къ состоянію крестьянъ.

Въ это время правительство неоднократно издавало указы о переписи всѣхъ тайныхъ раскольниковъ, о положеніи ихъ въ двойной окладъ и о присылкѣ о нихъ свѣдѣній въ сенатъ (12,067; 12,215), причемъ подъ двойнымъ окладомъ разумѣлась для купцовъ раскольниковъ общая сложность сборовъ съ торговъ и промысловъ, платимыхъ или въ посады (13,033).

раскольниковъ. Въ царст. Анны Ив. имъ удалось, посредствомъ обмана ясскаго митр., добыть себѣ епископа. Но въ 1735 г. отсюда было выведено въ Россію насильно до 40000 раск. Однако спустя годъ Вѣтка снова наполнилась ими, а затѣмъ здѣсь возникло два монастыря - мужской и женскій, отличавшіеся развратомъ. И до сихъ поръ Вѣтка считается гнѣздомъ раскольниковъ. Геогр. и стат. словарь, изд. геогр. общ. I, 584 Ивановъ, Пол. ист. изв. о древн. стригольник. 72, 83, 187-225.

Понятно, что здѣсь преслѣдовались исключительно интересы фиска, а вовсе не православные или религіозные мотивы. Раскольники несли общую рекрутскую повинность (13,023), но имъ строго воспрещалось принимать къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ (12,422), т.е. этимъ преграждалась возможность распространенія раскола посредствомъ обращенія постороннихъ лицъ. Раскольникамъ, не записывавшимся въ двойной окладъ и обрекавшимъ себя на самосожженіе, грозила ссылка въ Нерчинскіе заводы (12,272; 12,326)[1]; но въ то же время, при соблюденіи этихъ условій, приглашались въ Россію раскольники, жившіе въ Литвѣ и на Вѣткѣ, не только русскаго происхожденія, но даже евреи и иноземцы, крестившіеся въ расколъ (12,260). Отъ двойнаго оклада освобождались старообрядцы, которые не чуждались православной церкви и признавали ея священниковъ, сохраняя лишь нѣкоторые свои обычаи, а потому ихъ не вѣрно было даже называть раскольниками (12,067). Въ 1768 г. синодъ, узнавъ, что въ кіевской губер. построено было двѣ церкви раскольниками и что есть еще часовни на Иргизѣ, въ Елисаветградѣ, въ Дворцовой волости (возлѣ Царева-санчурска), сообщилъ о томъ сенату и настаивалъ на ихъ уничтоженіи. (Сборн. Постанов. по расколу, Кельсіева, I, 3-4). Въ то же время ,

---

1) Въ 1764 г. въ Новгородской губ. раскольниковъ числомъ 61 челов. (мужчинъ и женщинъ) заперлись въ избѣ и грозили сжечься, не желая записываться въ окладъ, но уступили увѣщаніямъ. Болѣе серьезныя столкновенія между духовенствомъ и раскольниками происходили въ Ржевѣ и въ Дубовкѣ, Астраханской губерніи (Соловьевъ XXVI, 38-39).

инженеръ желѣзныхъ заводовъ Петръ Осокинъ, записавшій себя съ семействомъ въ расколъ, былъ лишенъ сенатомъ этого званія и внесенъ въ двойной подушный окладъ; но императрица велѣла разслѣдовать это дѣло, такъ какъ самъ Осокинъ былъ старъ (80 лѣтъ) и слѣпъ. (Солов. XXVII, 158).

Духоборцы. Въ 1766 г., въ Тамбовскомъ уѣздѣ, возникла секта между однодворцами раціоналистическаго характера. Сектанты положили между собою вѣровать и поклоняться не idolамъ, а духомъ; отвергли таинства, образа; священниковъ отвергли, какъ недостойныхъ пьяницъ и сквернослововъ. Сектанты собирались въ домахъ, читали священныя книги и пѣли псалмы или слушали поученіе одного изъ своей среды. По слѣдствію оказалось, что ихъ было очень много. Ихъ участь была рѣшена такъ: мужчинъ записали въ военную службу, дѣтей отдали въ гарнизонныя школы, откуда ихъ размѣстили въ полки; жены и дѣвицы розданы были другимъ однодворцамъ въ работницы (Дѣло въ Госуд. Арх. у Солов. XXVII, 67–68). Изъ ученія ихъ видно, что эта была секта духоборцевъ.

Инородцы и духовная миссія. Между тѣмъ ревизія казанскаго края открыла большія злоупотребленія со стороны лицъ назначенныхъ „для защиты" тамошнихъ крещенныхъ инородцевъ. Поэтому инородцы были подчинены общимъ учрежденіямъ (губернаторамъ и воеводамъ, Солов. XXVI, 33). Знаменитая Новокрещенская контора была уничтожена въ 1764 г. (о Новокрещенской конторѣ Милова, Прав. Соб. 1878 г. № 12). Въ томъ же году Екатерина сложила повинности, которыя несли некрещенные инородцы за крещенныхъ; послѣдніе пользовались льготою только въ теченіи трехъ лѣтъ; но она не соглашалась

отличныя школы для инородцевъ, какъ предлагали синодъ и сенатъ. Для дальнѣйшаго обращенія инородцевъ Казанской епархіи назначено было состоять тремъ проповѣдникамъ; въ Тобольской, Иркутской и Тамбовской губерніяхъ - по два; въ Нижегородской, Астраханской и Вятской губ. - по одному. (Солов. іб. 52). — Чтобы судить, въ какомъ духѣ дѣйствовали до того миссіонеры въ Сибири, приведемъ донесеніе сибирскаго губернатора Ѳ. И. Чичерина. Проповѣдники, по его словамъ, разъѣзжаютъ на подводахъ церковныхъ причетниковъ; къ иновѣрцамъ, живущимъ близъ города они вовсе не заѣзжаютъ, а стараются пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ проповѣдуютъ на русскомъ языкѣ такимъ людямъ, которые никогда не слыхали какъ по-русски говорятъ и убѣждаютъ къ крещенію тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоя пьяныхъ, или напугавши, крестятъ, а перекрести, отъѣзжаютъ въ другія мѣста. На лошадяхъ и на одеждахъ новокрещеннаго, оставивъ ему на бумагѣ символъ вѣры, который этотъ христіанинъ безумно почитаетъ божествомъ, а что въ немъ написано не знаетъ. Черезъ годъ и больше проповѣдники возвращаются для свидѣтельства новыхъ христіанъ и тутъ-то великія придирки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости, обвиняютъ въ отступничествѣ отъ вѣры христіанской, пугаютъ жестокими наказаніями и черезъ то грабятъ безчеловѣчно. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныя мѣста ставятъ болвановъ, а потомъ сами же и сыскиваютъ. Если долго не крещенъ младенецъ, погребенъ ли покойникъ безъ священника или вѣнчаются по домашнему, снова привязываются и кричатъ о поруганіи вѣры. и т. п. Кто

не откупится, будучи плать отъ 300 до 400 верстъ. Чичеринъ настаивалъ на назначеніи въ сибирскую митрополію благоразумнаго человѣка, на учрежденіи школъ для образованія священниковъ изъ инородцевъ и на прекращеніи проповѣди въ отдаленныхъ мѣстахъ. Результатомъ этого донесенія было назначеніе особой комиссіи (изъ новгород. митр. Димитрія, псковскаго епископа Иннокентія и Теплова), которая представила доклады императрицѣ объ удаленіи Тобольскаго митропол. Павла за нерадѣніе и инструкцію относительно характера проповѣди на будущее время (Солов. XXVII, 158-160). Общій духъ этой инструкціи намъ уже извѣстенъ (стр. 141-142). Дѣло это окончилось въ 1768 г. Съ своей стороны правительство заботилось только, чтобы крещенные инородцы не оставались въ средѣ некрещенныхъ и предоставляло имъ переходъ въ другія мѣстности (П.С.З. 12,317; 12,198). Таковы были отношенія церкви и государства въ разсматриваемый періодъ.

Лекція 16-я.

Взглядъ на дворянство въ XVIII вѣкѣ. Мы знаемъ уже взглядъ Екатерины на значеніе дворянства (см. стр. 251) въ государствѣ. Извѣстно, что Петръ В. не признавалъ значенія происхожденія въ прежнемъ смыслѣ слова, а поставилъ его въ зависимость отъ службы (Петръ В. повелѣлъ знатность дворянства считать по его „годности", Сборн. Р.И.О. VII, 238). Вмѣстѣ съ тѣмъ послужившимъ чины присвоивался титулъ „благородства", въ соотвѣтствіе остзейскому рыцарству, давно употреблявшему этотъ титулъ. Постепенно же онъ начинаетъ присвоиваться и всему дво-

рянству, считавшемуся въ отношеніи къ верховной власти до Петра В. въ состояніи холопства. Впервые въ общей формѣ дворянство называется „благороднымъ" лишь въ указѣ 1754 г., но и послѣ того оно продолжало называться еще вѣрными. Манифестъ же „о вольности дворянства" 1762 г. именуетъ россійское дворянство благороднымъ „яко главный въ государствѣ членъ." И въ 1763 г. Екатерина октроируетъ (даруетъ) „благородство" остзейскому рыцарству, которое считало его присущимъ себѣ въ силу прирожденнаго права, какъ и польское шляхетство, откуда уже эти понятія переходятъ къ русскому дворянству. Екатерина II создавала свою теорію дворянства, подъ вліяніемъ рыцарскихъ, феодальныхъ традицій западной Европы и проникнутыхъ ими ученій XVIII вѣка: такъ статьи Наказа о дворянахъ почти цѣликомъ взяты ею изъ Монтескье. Она утвердила окончательно за дворянствомъ названіе „благороднаго", хотя и присвоила его лишь высшему дворянству. Съ точки зрѣнія послѣдняго остальные классы общества, даже низшее дворянство, считались „подлыми"; но въ началѣ это выраженіе не имѣло обиднаго значенія и служило только опредѣленіемъ всякого низшаго разряда; и въ царст. Екатерины II и литература, и лучшіе люди ея времени ведутъ ожесточенную борьбу противъ такого, унизительнаго для человѣческаго достоинства, опредѣленія другихъ классовъ, соотвѣтствовавшаго подобному же воззрѣнію французской знати на canaille – сволочь или чернь (Р. Славачинскій, Дворян. въ Росс., 72-74)[1])

---

1. фонъ-Визинъ въ своемъ „опытѣ россійскаго сословника" понятія

Дворянство при Екатеринѣ II. Извѣстно, что уже въ началѣ царствованія Екатерины II была образована коммиссія для пересмотра правъ дворянства и тогда на этотъ фактъ смотрѣли, какъ на уничтоженіе дворянской вольности, дарованной Петромъ III. На этомъ основаніи и Бѣляевъ полагаетъ (Крестьяне на Руси, 307), что извѣстный указъ Петра III былъ отмѣненъ. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются объясненія сената о необязательности для дворянъ явки на службу и записыванія въ обученіе, и сама Екатерина II въ письмѣ Румянцеву говоритъ, что всякій дворянинъ воленъ служить или не служить (Р. Слават. 197-98). Екатерина щедро жаловала дворянствомъ (ib, 29); она хлопотала объ установленіи опредѣленныхъ гербовъ и въ видѣ особой милости дозволила депутатамъ извѣстной коммиссіи знаки депутатскаго достоинства помѣстить въ ихъ гербы (34). Мы знаемъ также, что она украсила государственнымъ гербомъ — гербы гр. Орловыхъ. Этого мало, она щедро надѣляла своихъ любимцевъ титулами графовъ за личныя заслуги, причемъ нерѣдко они возводились предварительно въ титулы графовъ и князей священной имперіи, о чемъ хлопотала сама императрица. Таковы графы: Безбородко, Дм. Мамоновъ, Завадовскій, Строгановъ, Зубовъ и др. и князья той же имперіи — Потемкинъ, гр. Орловъ и др. (ib. 39). Занесеніе въ дворянскую книгу стало разрѣшаться по докладу государынѣ (50).

„Подлый и низкій“ уже такъ опредѣляется: „слово низкость принадлежитъ къ состоянію, а подлость — къ поведенію, ибо нѣтъ состоянія подлыхъ, кромѣ безчестныхъ“ (изд. Ефрем. 190).

В. Иконниковъ

Въ это время значитъ созрѣваетъ въ средѣ дворянства сознаніе и сословныхъ преимуществъ, облеченныхъ въ юридическія и политическ формы. Имѣя въ виду подробно разсмотрѣть депутатскіе наказы екатерининской комиссіи, при изложеніи дѣятельности этой послѣдней, скажемъ только, что эти сословно-политическія стремленія нашли въ нихъ полное выраженіе. Дворянство желало, чтобы званіе его пріобрѣталось не службою, а пожалованіемъ и рожденіемъ; оно хлопотало о созданіи замкнутаго дворянскаго корпуса, гарантированнаго собственными преимуществами и безопасностью, называя себя особливымъ родомъ людей, поставленныхъ между государемъ и народомъ. Не только малороссійское дворянство, о которомъ гр. Румянцовъ отзывался, что оно не хочетъ сидѣть рядомъ съ мѣщанами, но и великорусское дворянство не скупилось на и совѣтъ мѣстныя эти теры для крестьянъ, вызвавшіе вполнѣ достойный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ лицъ въ екатерининской комиссіи; притязанія остзейскаго дворянства шли еще дальше: оно хотѣло дарованія особыхъ правъ и положенія въ отношеніи къ русскому дворянству (св. 44, 50, 60-63, 75, 90). Екатерина старалась придать гражданской службѣ значеніе вполнѣ достойное для дворянина; но послѣдняя не пользовалась сочувствіемъ дворянства и въ числѣ депутатовъ комиссіи мы видимъ на 20 военныхъ членовъ едва одного, носящаго гражданскій чинъ (140). Дворянскіе депутаты желали получить привилегіи въ примѣненіи наказаній (234); они заявляли права на особый судъ; на образованіе дворянской корпораціи и другія подобныя прерогативы (215-19). Безъ сомнѣнія эти идеи находили себѣ почву и въ современныхъ общественныхъ условіяхъ; и въ воззрѣніяхъ самого правительства на извѣстныхъ отношеній...

Такъ, въ 1766 г. въ „генеральномъ учрежденіи о рекрутахъ“ — этимъ подданнымъ воспрещается носить дворянскія фамиліи, а если между ними найдутся подобныя лица, то ихъ слѣдовало именовать по отчеству, а не фамиліями, вслѣдствіе чего нѣкоторые военные начальники окрещивали всѣхъ своихъ солдатъ по именамъ; даже въ нѣкоторыхъ монастыряхъ принимались только дворяне, а въ другіе или одни купцы и крестьяне (76-77). Артиллерійскій и инженерный корпусъ былъ учрежденъ для шляхетскихъ дѣтей; смольный монастырь, предназначенный для воспитанія дѣвицъ, раздѣлялся на благородное и мѣщанское отдѣленіе (83)[1]. Еще съ Петра Вел. правительство приходитъ къ мысли о необходимости для служащихъ жалованія; но бѣдность казны препятствуетъ осуществленію ея. Съ Екатерины I начинается раздѣленіе должностей на пользующіяся доходами съ дѣлъ (акциденціи) и жалованіемъ. Кругъ послѣдняго постоянно расширяется и при Екатеринѣ II оно присвояется почти всѣмъ служащимъ (156). Но Екатерина считала необходимымъ поддерживать дворянство и другимъ способомъ — раздачею земель, которая при ней достигла значительныхъ размѣровъ.

Служебныя и сословныя права. Обязательность службы, столь тяжкая для дворянъ вообще, была лучшимъ средствомъ для добыванія тѣмъ изъ нихъ, которые могли пользоваться возможными покровительствами. По постановленіямъ Петра В. военные чины были доступны по баллотировкѣ, причемъ и обращалось вниманіе на происхожденіе, а во время Елисаветы каждый дворянинъ обязанъ былъ уже начинать службу солдатомъ.

---

1. Въ заграничныхъ училищахъ въ это время существовали особыя [illegible]

Петръ III освободилъ дворянство отъ службы, установивъ 12-лѣтний срокъ для пребыванія въ нижнихъ чинахъ; но дворяне нашли выходъ такимъ образомъ, что сыновья ихъ стали записываться въ службу съ дѣтства; такъ что въ 1763 г. Екатерина должна была постановить, чтобы малолѣтнимъ не производить въ офицеры, безъ особливаго указа, причемъ (1765 г.) было положено начинать службу съ 15 лѣтъ; но и въ 1785 г. военная коллегія нашла, что дворяне записываются въ службу съ 5-8 лѣтъ. Въ 1770 г. Екатерина поздравила гр. П. И. Панина съ зачисленіемъ новорожденнаго сына ко въ корнеты конной гвардіи (Сборн. рус. ист. общ. XIII, 19-20). Онъ выписанъ изъ малолѣтнихъ лишь въ 1796 г., бывши уже генералъ-маіоромъ. Это будущій вице-канцлеръ, гр. Никита Петровичъ. Екатерина отдавала преимущество при производствѣ дворянамъ передъ недворянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ она возстановила баллотировку для производства во флотѣ (216-217 и) П.С.З. 12,007; 12,063; 12,130; 12,288). Въ первой половинѣ XVIII стол. уже установилось правило, что придворныя званія камеръ-гера и камеръ-юнкера даютъ права на чины 4 и 5 клас., и Екатерина раздавала эти званія сыновьямъ извѣстныхъ фамилій иногда съ колыбели, а чины сами по себѣ давали уже права на высшія должности. Эта привиллегія существовала до 1809 г. когда импер. Александръ I, по предложенію гр. Сперанскаго, отмѣнивши ее и заставилъ массу подобныхъ чиновниковъ избрать другой родъ дѣятельности (227). Еще при Елисаветѣ дворяне, даже женщины, по нали-

---

чоорянъ, которые пользовались даже преимуществомъ перед своими п[illegible]тѣвщиками (Жилосерд. лѣт. XVIII в.).

тическимъ и уголовнымъ дѣламъ, подвергались пыткѣ и тѣлесному наказанію; но при Екатеринѣ, взглядъ которой на пытку сложился вполнѣ въ духѣ современной литературы, эта казнь выводится изъ употребленія; дворянство постепенно освобождается отъ тѣлеснаго наказанія, женщины же дворянскаго происхожденія, подвергавшіяся суду за истязанія крѣпостныхъ и [illegible], въ замѣнъ тѣлесному наказанію, присуждаются къ монашеству или заключенію, хотя на ихъ глазахъ пытали другихъ преступниковъ, а чиновныхъ въ участіи съ ними наказывали тѣлесно и клеймили. (230-232). Между тѣмъ какъ потомственные дворяне получаютъ полное право на поземельную собственность (родовую, пріобрѣтенную, жалованную), личные дворяне, какъ постановленіемъ 1754 г., такъ и по закону 1766 г., были ограничены въ своемъ владѣніи только наличнымъ имуществомъ, и лишались права пріобрѣтенія его на будущее время (240). Екатерина неблагопріятно смотрѣла на стремленіе дворянства къ торговымъ дѣламъ. Поэтому въ 60-70хъ годахъ постоянно высказывается колебаніе относительно участія дворянства въ откупныхъ дѣлахъ, но малочисленность купечества въ этомъ случаѣ побуждала правительство (1769 г.) допускать и дворянъ (260). Въ 1765 генералъ-прокуроръ Вяземскій докладывалъ сенату, чтобы с тѣмъ, кому въ жалованныхъ грамотахъ писать отчество съ окончаніемъ <u>вичъ</u>, доносить государынѣ (П.С.З. 12,533). И въ 1774 г. императрица приказала писать отчество на <u>вичъ</u> гр. Панину, Чернышеву, Орловымъ (П.С.З. № 14,098 Р. Славатинскій 516)

<u>Положеніе крестьянъ.</u> Съ правами дворянства тѣсно связано и положеніе крестьянъ. Теоретической стороны этого вопроса мы коснемся далѣе; а теперь бросимъ

взглядъ на дѣйствительность. Нельзя не замѣтить прежде всего того выдающагося факта, что права крестьянъ въ этотъ періодъ потерпѣли нѣкоторыя новыя ограниченія. Уже въ Январѣ 1765 г. помѣщикамъ предоставлено было отдавать своихъ крестьянъ въ каторжную работу за дерзости (12,311), съ правомъ возвращать ихъ по своему усмотрѣнію (Р. Влад. 287); но это распоряженіе было въ извѣстной степени повтореніемъ указа 1760 г., который между прочимъ имѣлъ въ виду заселеніе пустой Сибири. Потомъ же указъ былъ повторенъ въ 1766 г., причемъ правительство предоставляло себѣ отрѣшать годныхъ изъ нихъ въ другую (военную) службу. Вслѣдъ затѣмъ помѣщики получили право отдавать крестьянъ въ зачетъ въ рекруты (№ 12,557); новый указъ подвергалъ тому же наказанію челобитчиковъ и подстрекателей противъ помѣщиковъ[1]. Такимъ образомъ крестьяне были вполнѣ отданы во власть помѣщиковъ; но это безъ сомнѣнія было вызвано крайнимъ напряженіемъ ихъ взаимныхъ отношеній.[2] Тѣмъ не менѣе правительство сознавало ненормальность послѣднихъ и дѣлало отъ времени до времени существенныя облегченія для потерпѣвшихъ. Такъ, приглашая всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ возвратиться изъ Польши, правительство цѣлымъ рядомъ манифестовъ (1763 и 1764) обѣщало имъ, что они не будутъ возвращены помѣщикамъ, а будутъ

---

1. Вообще изъ 600 челобитныхъ, поданныхъ императрицѣ во время ея путешествія по Волгѣ въ 1767 г., почти всѣ относились къ помѣщикамъ (Сборн. X, 216). Всѣ онѣ были возвращены съ подтвержденіемъ, чтобы впредь не подавали (Солов. XXVII,
2. Въ 1767 г. было сдѣлано распоряженіе о представленіи свѣдѣній Сенату о всѣхъ случаяхъ убійства помѣщиковъ крестьянами (П. С. З. 13,008). Въ этихъ же

поселены, гдѣ пожелаютъ (въ дворцовыхъ и другихъ государственныхъ волостяхъ). Мѣста эти были назначены въ Бѣлгородской, Воронежской и Казанской губ. (П. С. З. 11,725), при чемъ казна обѣщала уплатить за нихъ помѣщикамъ, или зачесть ихъ въ рекруты (11,815; 12,011; 12,042). Затѣмъ велѣно было сформировано изъ нихъ 5 пѣхотныхъ и 2 конныхъ полка для защиты Сибири; негодныхъ же для службы поселить въ Селенгинскомъ и Нерчинскомъ уѣздахъ для распространенія тамъ хлѣбопашества (П. С. З. 11,979; 12,149; 12,395; 12,451; 12,506; 12,507; 12,538; 12,758; 12,857; 12,864; 13,000)[1]. Въ 1768 г. былъ воспрещенъ безчеловѣчный торгъ крестьянами во время наборовъ (13,103. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси 307-314. Побѣдоносцевъ. Ист. очерки крѣпостнаго права – въ собр. соч., изд. въ 1876 г.). Впрочемъ это не распространялось на малолѣтнихъ и стариковъ[2]. Во время 2-й ревизіи (1742) крѣпостное состояніе состояло изъ 3,550,000 душъ; въ начал... царствованія Екатерины, по 3-й ревизіи въ 13 губ., на которыя раздѣлялась тогдашняя Россія, исключая Малороссію и Остзейскій край съ Финляндіею, крестьянъ мужскаго пола было 3,774,919 душъ. Наибольшій процентъ ихъ находился въ Смоленской (74%) и Москов. губ. (70%). Крѣпостность въ остальныхъ губерніяхъ такова: ...

...было издано былъ рядъ указовъ о наказаніяхъ съ предостереженіемъ противъ людей, ищущихъ нарушить благоденствіе, тишину и спокойствіе (см. П. С. З. т. XVIII).

1. Право это было даровано для бѣглыхъ до указа 4 дек. 1762 г. (П. С. З. 12,074; о различіи съ позднѣйшимъ № 13,305).

2. Помѣщичьи крестьяне, убитые въ дракѣ съ посадскими или дворцовыми крестьянами и ... ... 100 р. за душу (12,724).

центра, тѣмъ меньше было въ нихъ крѣпостныхъ. Въ Астрахани, Иркутскѣ и Сибири крѣпостныхъ вовсе не было. Это объясняется тѣмъ, что въ мѣстахъ, ближайшихъ къ центру, больше раздавалось помѣстій. Во 2-й половинѣ XVIII в., въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній, крестьяне были отпущены на оброкъ, какъ свидѣтельствуетъ сама Екатерина въ своемъ Наказѣ и какъ говоритъ въ концѣ XVIII в. Шторхъ. По словамъ Щербатова, такое положеніе вещей объясняется тѣмъ, что помѣщики по дѣламъ службы жили въ городахъ и не всегда считали возможнымъ довѣрять приказчику и теперь, когда они получили право не служить, они все-таки любили жить въ городахъ(1). При томъ эта система освобождала ихъ отъ безпрестанныхъ и непріятныхъ хлопотъ. Но оброкъ далеко не былъ легче барщины(2). Среднее количество оброка въ это время равнялось 2-3 руб. но нерѣдко доходило до 5 р. и даже до 10 р. (Р. Слават. 324), причемъ не всегда обращалось вниманіе на свойства и количество земли, какъ мы видимъ изъ заявленій Сиверса и какъ говоритъ сама Екатерина въ Наказѣ. Въ частныхъ опредѣленіяхъ этихъ отношеній требованія помѣщиковъ достигали нерѣдко безграничныхъ размѣровъ и потому вызывали неправильныя отношенія съ обѣихъ сторонъ. Этой бытовой стороны мы не коснемся дальше. Но закрѣпощеніе продолжало дѣлать успѣхи. Запрещая пріобрѣтать новыхъ крестьянъ купцамъ, сенатъ

---

1. Изъ списковъ дворянъ, составленныхъ въ 1777 г. видно, что большая часть ихъ не жила въ своихъ имѣніяхъ. (Очерки изъ крѣп. права въ Малор. во 2-й пол. XVIII ст. И.И. Семевскаго, мысль, № 69, стр. 1).

2. Крестьяне выморочныхъ имѣній должны были немедленно приписаться П.С.З. 11,903.

ѣлалъ исключенія въ пользу нѣкоторыхъ подъ условіемъ обученія ихъ мореплаванію и заведенія судовъ (Солов. XXVI, 28-29). Наприбыла сдѣлана въ сенатѣ попытка закрѣпостить за помѣщиками половниковъ, пользовавшихся правомъ перехода (30), но кн. Щербатовъ и Олсуфьевъ высказались противъ этого и Екатерина согласилась съ ними. За то купцы пріобрѣтали крестьянъ другимъ путемъ. Они давали имъ пособія, векселя и такимъ образомъ закабаляли ихъ въ службу. Но сенатъ сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи подобныхъ злоупотребленій (46). Мы не говоримъ уже о тѣхъ повинностяхъ, которыя косвенно ложились на крестьянъ. Такъ въ 1764 г. Екатерина повелѣла военной коллегіи распорядиться, чтобы солдаты перестали грабить своихъ крестьянъ и пріостановить постройку мостовъ черезъ болота: „ныне и петербургскія болота засохли", прибавляетъ она (Солов. XXVI, 30).

Расширеніе власти помѣщиковъ должно было повести къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего правительство вынуждено было ограждать свои права отъ вмѣшательства помѣщиковъ въ судебныя дѣла и отъ суда надъ крестьянами (13,516 и Солов. XXVI, 202) Права помѣщиковъ расширились и въ другомъ отношеніи: съ 1762 г. они пользуются переселеніемъ крестьянъ на другія земли только по заявленіи объ этомъ сборщикамъ подушныхъ денегъ или земскому суду, не ожидая даже разрѣшенія (297). Екатерина смотрѣла на продажу крестьянъ, какъ на одну изъ существенныхъ привилегій дворянства (300). Въ царст. Екатерины не разъ поднимался вопросъ о наказаніи помѣщиковъ за насиліе и убійства крестьянъ, но окончательнаго постановленія не было сдѣлано и наприм. Аксаковъ „не находилъ въ существующемъ законодательствѣ такого разрѣшенія (318). Обыкновенно же при Екатеринѣ подобныя преступленія наказы-

ваніе ссылкою въ Сибирь, церковнымъ покаяніемъ (319) и тюремнымъ заключеніемъ. (Собраніе Законовъ № 13,211, въ ноябрѣ 1768). Мы знаемъ, что П. И. Панинъ совѣтовалъ установить опредѣленное количество рабочихъ дней (4) и самыя работы, обязательныя для помѣщичьихъ крестьянъ, а также количество сборовъ и Екатерина одобрила эту мѣру; но и Панинъ предлагалъ ее сдѣлать секретно, а императрица ограничилась пожеланіями. Самая инструкція губернаторамъ 1764 г. не заключала въ себѣ никакого категорическаго пункта о наблюденіи и преслѣдованіи провинившихся въ насиліи помѣщиковъ, как напр. инструкція воеводамъ 1719 г. (345). Угрозы старыя прочитались и не могли быть дѣйствительны; волненія крестьянъ и столкновенія съ военными командами продолжались и получили болѣе опасный характеръ въ слѣдующій періодъ царствованія Екатерины (361). Если правительство могло презрѣвать злоумышленниковъ съ распространеніи слуховъ о свободѣ и т. п., то и оно съ своей стороны подавало эти поводы. Всѣ эти распоряженія и движенія происходили одновременно, когда появляется Наказъ Екатерины, созывается коммиссія депутатовъ, рѣшается крестьянскій вопросъ въ экономическомъ обществѣ, а это не могло остаться безъ вліянія на умы.

<u>Волненія крестьянъ.</u> Между тѣмъ волненія крестьянъ шли своимъ чередомъ. Крестьяне волновались на желѣзныхъ заводахъ кн. П. И. <u>Репнина</u> въ Воронежской губ., отказывались отъ исполненія работъ и волненіе ихъ окончилось наказаніемъ плетьми и ссылкою 10 чел. въ Нерчинскіе заводы; въ селѣ Архангельскомъ крестьяне угрожали помѣщику убійствомъ и сдѣлали открытое нападеніе на воинскую команду; черкассы (малороссіяне), поселенные въ Воронежской губ., въ имѣніи

фельдмаршала Бутурлина, гр. Воронцова, генер. Сафонова, кн. Трубецкаго также отказались отъ повиновенія, но оттуда волненіе перешло въ Бѣлгородскую губ. Они требовали перечисленія ихъ въ государственные крестьяне. Дѣло это тянулось 2 года, но волненіе было усмирено только военною силою, а малороссіянам позволено было переселиться въ другое мѣсто. Въ Тамбовском уѣздѣ (Воронежской губ.) взбунтовались крестьяне вотчины Фролова-Багрѣева и оказали сопротивленіе военной команды, но были разогнаны оружіем. Волненія эти поддерживались слухами объ освободительномъ указѣ и попытку сената объявить, что подобнаго указа не существуетъ. Въ Шуйском уѣздѣ крестьяне села Тейкова и других помѣщиковъ били ли наѣзды на помѣщиков, убивали и мучили ихъ. Въ Переславль-Залѣсском волненіе поддерживалось даже такими надеждами, какъ отбирали помѣщичьи села въ казну и собирали обратно, равно крестьянам монастырских вотчин. Крестьяне Кашинскаго уѣзда помѣщиков Олсуфьева просили императ. объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиков, а затѣмъ, несмотря на посылку противъ нихъ военной команды, такія же просьбы подали сосѣдніе крестьяне - Леонтьевых, Лопухиных, Толстой. Не смотря однако на всѣ запрещенія подавать челобитныя, Екатерина вынуждена была принять ихъ, въ виду настойчивыхъ и многочисленных заявленій о насиліяхъ и злоупотребленіях помѣщиковъ. Просьбы ихъ и самих челобитчиковъ она отправила въ сенатъ, который постановилъ допросить ихъ подъ пристрастіемъ, кто писалъ имъ челобитныя, и тѣхъ взять для допроса, а самихъ крестьянъ частію въ Москвѣ, а частію на мѣстѣ подвергнуть публичному наказанію (1). Однако и сенатъ признавалъ, что въ этихъ

1. Сенатъ постановилъ также взыскивать убытки казны съ непокорных—

жалобахъ есть дѣйствительныя основанія и потому поручилъ нѣкоторымъ изъ сенаторовъ переговорить съ помѣщиками, въ имѣніяхъ которыхъ происходили волненія, о причинѣ неудовольствія крестьянъ, и чтобы они старались пользоваться своимъ правомъ, слѣдуя человѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ работами и оброками. (Солов. XXVII, 17-19, 65-67).

Неурожаи. Мы знаемъ уже, что Сиверсъ указывалъ императрицѣ на переполненіе тюремъ, вслѣдствіе притѣсненій крестьянъ и на множества бѣглыхъ; онъ предлагалъ брать послѣднихъ въ солдаты, отчего помѣщики стали бы человѣколюбивѣе, а крестьяне послушнѣе. Но были и другія причины бѣгства крестьянъ - экономическія. Изъ донесеній нѣкоторыхъ воеводъ видно, что крестьяне по недостатку хлѣба питались, примѣшивая къ ржаной и яровой мукѣ пивной дробь, убойны и мякину отъ льна и конопли или отруби. — Крестьяне подмосковныхъ уѣздовъ продавали скотъ и платье, чтобы добыть себѣ пропитаніе или шли просить милостыню. Сенатъ велѣлъ помѣщикамъ подъ опасеніемъ штрафа, снабжать крестьянъ хлѣбомъ для пищи и посѣва. То же самое было предложено и дворцовой канцеляріи. Вслѣдствіе этого идетъ цѣлый рядъ распоряженій правительства о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ въ дворцовыхъ, экономическихъ (бывшихъ монастырскихъ) и вотчинныхъ имѣніяхъ. (П.С.З. XVII, 12,351; 12,662; 13,017).

крестьянъ (11,875). Въ это время возбужденіе крестьянъ противъ помѣщиковъ было такъ сильно, что въ октябрѣ 1763 г. появился подложный указъ Екатерины сенату о притѣсненіяхъ народу. Онъ былъ сожженъ черезъ палача, а затѣмъ было издано постановленіе, что и вымышленные указы: сожигать съ жестокостью по закону.

Разбои. Болѣе грозныя явленія обнаружились на восточной Украинѣ. Изъ Алаторской провинціи были получены извѣстія о появленіи тамъ шайки воровскихъ людей, вооруженныхъ пушками, ружьями, бердышами и рогатинами, которые сожгли обширное село (400 двор.), многихъ ранили и убили. Другая шайка разграбила заводъ въ Пензенской губерніи и сожгла село княг. Голицыной; были уничтожены деревни и заводы (винокуренные) въ Саранскомъ уѣздѣ; захвачены суда съ транспортомъ и виномъ гр. Шувалова. Хорошо вооруженные и владѣя лодками и лошадьми, эти отряды легко справлялись съ незначительными военными командами, плохо вооруженными и состоявшими изъ престарѣлыхъ и раненыхъ инвалидовъ. Поэтому сенатъ предлагалъ употребить въ дѣло волжскихъ и донскихъ казаковъ; признаніе весьма важное въ виду опасности, грозившей всему Поволжью. Въ виду многочисленныхъ разбоевъ и воровства сенатъ требовалъ немедленныхъ донесеній о всѣхъ подобныхъ случаяхъ (12,681). До какой степени эта почва была опасною во время движенія подтвержденіемъ могутъ служить похожденія яицкаго казака Каменьщикова. Недовольный злоупотребленіями старшинъ, онъ съ 1761 г., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, успѣлъ побывать въ разныхъ городахъ на Волгѣ, вплоть до Далматскаго монастыря.

объявительными, когда они будутъ печатные (Сборн. VII, 321-22; П.С.З. 12,089). Въ 1766 г. послѣдовало повелѣніе, чтобы не вѣрили слухамъ, будто бы существуетъ указъ объ описаніи на имя императр. всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, за наложеніе на нихъ тяжкихъ оброковъ (12,633). Въ такихъ формахъ проявлялись надежды крестьянъ на освобожденіе.

(въ Пермскомъ краѣ), собралъ подписи многихъ крестьянъ и между прочимъ на Демидовскихъ заводахъ, о неудовольствіяхъ ихъ на прикащиковъ, распорядился наказать послѣднихъ и успѣлъ благополучно достигнуть Петербурга, гдѣ былъ схваченъ уже на пути въ сенатъ. Въ это время пришло извѣстіе, что еще въ Исетской провинціи онъ разглашалъ, будто бы Петръ III живъ и вмѣстѣ съ Волковымъ находится въ Троицкой крѣпости, на которыхъ онъ и возлагалъ свои надежды. За это онъ былъ наказанъ кнутомъ, лишенъ ноздрей и сосланъ навсегда въ Нерчинскій заводъ, а казакъ Бѣляхинъ, виновный въ этомъ слухѣ, высѣченъ плетьми (Журн. сената 1766 г., памят. новой Рус. ист. III 384-396)[1]

Сибирскіе заводы. Лица, подобныя Каменщикову всегда могли найти поддержку среди заводскихъ крестьянъ. Такъ въ тоже самое время сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ сообщалъ сенату, что заводскіе управители Крутиковъ и Мельниковъ поступали съ ясачными не лучше разбойниковъ: они грабили ихъ хлѣбъ и скотъ, а самихъ мучили и жгли. Сначала они сознались во всемъ и были приговорены къ удовлетворенію потерпѣвшихъ, но потомъ, найдя поддержку въ начальникѣ заводовъ Порошинѣ, запретили принимать зимою ясачныхъ въ горна, продавать имъ хлѣбъ, вслѣдствіи чего Татары бѣжали въ лѣса. Произволъ ихъ продолжался еще два года, и когда Чичеринъ рас-

---

1. Въ Оренбургскомъ Арх. былъ найденъ указъ Екатерины II-й, отъ 19 марта 1763 г., въ которомъ заявлялся, что священникъ и дьяконъ Спасского села поминали и пѣли въ церкви о здравіи Петра III и распространяли слухъ, что онъ живъ (Рус. Арх. 1871, 1, 252 стр.) показаніе весьма важное на той почвѣ, гдѣ появился Каменщиковъ и гдѣ потомъ является Пугачевъ.

пытавшихся захватить ихъ, то они выступили противъ команды съ отрядомъ въ 200 челов. и перебили посланныхъ, а сами ушли въ Барнаулъ. Послѣ этого Чичеринъ представилъ новый докладъ о совершенномъ разореніи управителями ясачныхъ. „Управители, писалъ онъ, ведя происхожденіе свое отъ рядовыхъ казаковъ, подлѣйшаго въ Сибири народа, носятъ чины сибирскаго дворянства и получаютъ жалованіе отъ 10-15 р. въ годъ, имѣютъ отъ 400 до 500 лошадей и множество всякаго скота и богатства". Они были отрѣшены отъ должности и отданы въ распоряженіе губернатора (Солов. XXVII, 25-26).

Путешествіе Екатерины по Россіи. Поѣздка въ Прибалтійскій край. Личное знакомство съ нуждами края Екатерина считала необходимымъ для своего изученія Россіи и законодательныхъ плановъ. Послѣ Петра В. Екатерина II первая изъ царствовавшихъ особъ предпринимала путешествія съ правительственными цѣлями. Такъ вскорѣ послѣ коронаціи она посѣтила нѣкоторые центральные города Россіи и сообщила свои замѣчанія Панину. 20 іюня 1764 г. она снова предприняла путешествіе въ прибалтійскій край (въ этомъ путешествіи Екатерину сопровождали гр. Г. Г. Орловъ, гр. К. А. Разумовскій, гр. Н. И. Панинъ, Л. А. Нарышкинъ, И. П. Елагинъ и др.), чтобы осмотрѣть балтійскій портъ или Рогервикъ, на который она еще съ начала царствованія обратила вниманіе. Кромѣ того она посѣтила Ямбургъ, Нарву, Ревель, Ригу, встрѣчая вездѣ самый радушный пріемъ. Но въ Нарвѣ, гдѣ представители сословій [illegible] руками, гр. Г. Г. Орловъ отвѣчалъ имъ

по-русски. Въ Ригу явился Биронъ, стала на колѣни, она цѣловала руку той, которой былъ обязанъ возвращеніемъ своего престола. Интересно письмо Екатерины къ Панину по поводу этой встрѣчи. „Герцогъ, писала она, по возвращеніи въ Ригу, принялъ меня съ великолѣпіемъ и медаль нарочно дѣлалъ для пріему, и деньги кидалъ въ народъ." Сказавъ о торжественномъ пріемѣ, оказанномъ ей народомъ, она прибавляетъ: „Пишу къ вамъ это, чтобы показать, что лифляндцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ завоевателей." (Сборн. VII, 368. Солов. XXVI, 9, 16). Мы знаемъ уже мнѣніе Екатерины относительно мѣстныхъ привилегій. Но въ Митаву Екатерина отправлялась подъ неприятнымъ впечатлѣніемъ и только чтобы не показать своего дурного состоянія духа (О пребыв. Екатер. въ Прибал. краѣ см. Два эпизода изъ царствованія Екатерины II, бар. Бюлера, Рус. Вѣст. 1870, № 3 и Прибал. сборн. т. II).

Въ связи съ посѣщеніемъ Екатериною этого края стоитъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, касающихся его благосостоянія. Получивъ обратно имѣнія, отобранныя шведами по редукціи, лифляндскіе и эстляндскіе дворяне въ половинѣ XVIII в. становятся единственными владѣльцами (посессорами) казенныхъ земель въ этомъ краѣ, а сосредоточивая въ своихъ рукахъ земскіе суды и полицію, они имѣли почти неограниченную власть надъ своими крестьянами. Бюргеры ливонскихъ городовъ дѣлаютъ то же самое, сосредоточивши свои привилегіи въ цехахъ и корпораціяхъ, которые достигли в это время наибольшаго развитія. Между тѣмъ, общая цифра привиллегированныхъ сословій (Land und Stadt)

въ городахъ и деревняхъ съ женами и дѣтьми, достигала всего 100,000 чел. Крестьянинъ находился въ самомъ безпомощномъ положеніи, представляя безправную рабочую силу. Цехи, вслѣдствіе своей замкнутости и упадка ремеслъ, пришли также къ полному застою: почти вся торговля въ краѣ находилась въ рукахъ курляндцевъ и пруссаковъ. Задуманный еще въ 1763 г. уставъ о рижской коммерціи (П.С.З. 11,798), былъ оконченъ въ 1765 г. (12,518) и вошелъ въ силу съ 1766 г, ограждая интересы мѣстной торговли и положеніе торговаго класса и ремесленниковъ, а отобраніе таможенныхъ сборовъ въ казну избавило эту отрасль управленія отъ злоупотребленій откупа. Стала сознаваться и потребность въ перемѣнѣ отношеній къ крестьянамъ. Съ половины XVIII в. здѣсь распространяется масонство и книжныя лавки, издаются газеты (Rig. Anzeiger). Въ средѣ дворянъ раздается голосъ въ пользу обезпеченія правъ крестьянъ - это былъ голосъ бар. К.Ф. Шульца, воспитывавшагося въ Петербургѣ въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ. Въ своихъ имѣніяхъ онъ произвелъ размежеваніе, опредѣлилъ норму службы и повинностей крестьянъ, оградилъ положеніе ихъ отъ произвола помѣщиковъ (послѣдніе лишены права сгонять его, продать и подарить) и признавалъ за крестьяниномъ право жаловаться на помѣщика, въ случаѣ нарушенія этихъ правъ. Эти положенія были переведены на латышскій языкъ и розданы крестьянамъ. Въ 1763 г. онъ попытался распространить ихъ между помѣщиками, но безуспѣшно. Утверждая привилегіи этихъ провинцій, Екатерина поручила однако апелляціонныя дѣла отдѣленію 2 департамента сената, а въ вѣдомство

свою же поручила Броуну облегчить участь крестьян и этотъ вопросъ былъ поднятъ на ландтагѣ 1765 г., причемъ дѣятельнымъ защитникомъ его выступилъ тотъ же Шульцъ, которого дворянство грозило: за это выбросить въ окно изъ риттергауза, а положеніе его было серьезно. Но требованіе императ. необходимо было исполнить: дворянство признало движимую собственность за крестьянами; установило норму повинностей, предоставило имъ право жалобъ въ судъ (ордунгсгерихтъ), обязалось не продавать крестьянъ на рынкѣ и отдѣльно мужа отъ жены, установило опредѣленныя наказанія за проступки. Сенатъ съ своей стороны велѣлъ строже наблюдать за мѣстными управленіями (Прибалт. сборн. II, 555–590 и Рихтеръ, Истор. крестьян. сословія въ Приб. краѣ, Рига, 1860). Такъ, съ 1757–1765 г. тянулось дѣло о ревизіи, вслѣдствіе которой, при Елисаветѣ были установлены новыя повинности въ этомъ краѣ, но, по причинѣ жалобъ лифляндскаго дворянства, уплата ихъ въ казну была тогда же остановлена, хотя оно и получило доходы на основаніи этой ревизіи. Оно хотѣло остаться при положеніи 1688 г. Но, по разсмотрѣніи этого дѣла въ 1765 г., сенатъ постановилъ взыскать всю недоимку съ лифляндскихъ дворянъ и сдѣлать внушеніе имъ о неправильномъ толкованіи ими введенныхъ и пожалованныхъ привилегій (П.С.З. 13,241). Въ 1766 г. въ нѣкоторыхъ городахъ Лифляндской губ. введенъ былъ полицейскій уставъ, тотъ же самый, который вошелъ потомъ въ учрежденія о губерніяхъ (12,636.) По случаю же первой турецкой войны съ Лифляндіи и Эстляндіи положено было собирать 150,000

талеровъ въ годъ, изъ которыхъ приходилось 100,000 на Лифляндію а 50,000 на Эстляндію. Нарва должна была вносить ежегодно по 3000 р. Сборъ этотъ продолжался до окончанія войны (по 1775 г.) причемъ изъ него не исключались и коронныя имѣнія (Екат. реформы въ Приб. краѣ, Тилоширова, Вѣст. Евр. 1877, № 12).

Дѣло Мировича. Еще въ Ригѣ Екатерина получила отъ Панина извѣстіе о происшествіи въ Шлюссельбургѣ. Мы знаемъ уже, что Екатерина хотѣла сначала отпустить семейство брауншвейгскаго герцога въ отечество, но потомъ вслѣдствіе возникшаго движенія въ гвардіи, въ которомъ снова упоминалось имя Ивана Антоновича пріостановилось съ этимъ рѣшеніемъ. Появилась даже мысль о постриженіи Ивана VI въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей (сборн. VII, 364), на которое онъ однако не согласился; мы знаемъ также о существованіи весьма характеристической инструкціи объ умерщвленіи его въ случаѣ открытаго насилія со стороны кого бы то ни было съ цѣлью освобожденія; а завѣдываніе шлюссельбургскимъ узникомъ было ввѣрено Н. И. Панину (сборн. VII). Но 5 іюля 1764 г. Панинъ получилъ отъ коменданта Бередникова донесеніе, что въ туже ночь поручикъ смоленскаго полка В. Я. Мировичъ пытался съ своимъ карауломъ освободить Ивана Ант. и объявить государемъ, избилъ и арестовалъ коменданта и вступилъ въ перестрѣлку съ гарнизонной командой, находившейся въ крѣпости, подъ начальствомъ капитана Власьева и поручика Чекина. Онъ приказалъ даже на случай надобности шести-фунтовую пушку и грозилъ разрушить крѣпость. Чекинъ и Власьевъ, видя дурныя послѣдствія, рѣшились заколоть узника.

Явившись съ командою въ казарму, Мировичъ засталъ уже Ивана Ант. лежащимъ на полу мертвымъ. Сдѣлавъ гарни-рѣзкій упрекъ убійцамъ за пролитіе невинной крови, Мировичъ поцѣловалъ его въ руку и ногу, а его самого тутъ же арестовали. При немъ были найдены манифестъ, присяга и повелѣніе, писанное его рукою. Панинъ, донеся объ этомъ императрицѣ, распорядился принять рѣшительныя мѣры и снять допросъ съ Мировича. Екатерина очень встревожилась этимъ обстоятельствомъ, но сначала думала скрыть все дѣло: она распорядилась немедленно погребсти убитаго въ Шлиссельбургѣ безъ огласки и просила держать все это дѣло въ тайнѣ. Она опасалась, что корень этого дѣла кроется въ Петербургѣ и что тамъ существуетъ даже цѣлый планъ противъ нея. Быть можетъ, она руководилась слухами о томъ, что ужна-дерамъ при ея отъѣздѣ въ Прибалтійскій край толковали, что она обвѣнчается тамъ съ Орловымъ и сдѣлаетъ его принцемъ. Неплюевъ настаивалъ предъ Панинымъ (жившимъ съ вел. кн. Павломъ въ Царскомъ селѣ), чтобы Мировича пытать и испытать; но Панинъ не рѣшился на это безъ доклада государынѣ. Какъ ни скрывала Екатерина свое волненіе, но оно было велико: она приходила въ негодованіе отъ ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ въ ложномъ манифестѣ на ея счетъ и подложныхъ письмахъ (о бракѣ съ Орловымъ), въ составленіи которыхъ она подозрѣвала офицеровъ; она выражалась, что все это дѣло не больше, какъ безразсудное сопротивленіе, но спѣшила въ Петербургъ, чтобы разсѣять ложные слухи. Между тѣмъ [illegible] Мировича,

другой изъ заговорщиковъ, Ушаковъ, утонулъ, а потому ни распорядилась допросить его брата.
Изъ допросовъ Мировича было дознано, что онъ, какъ и прочіе политическіе авантюристы, думалъ достигнуть значенія путемъ переворота. Его самолюбіе не выносило, что даже штабъ-офицеры приглашались ко двору; съ своей стороны онъ былъ недоволенъ, что просьбы его и его сестеръ о возвращеніи конфискованныхъ имѣній и о назначеніи пенсіи не были удовлетворены. Дѣдъ Мировича, переяславскій полковникъ, передался вмѣстѣ съ Мазепою на сторону Карла XII и потому дальнѣйшемъ былъ выѣхавъ въ Польшу, а сыновья его жили у черниговскаго полковника Полуботка и лишь потомъ служили въ Петербургѣ, но при Аннѣ Ив. были сосланы въ Сибирь за то, что сняли копію съ дѣла о Полуботкѣ, подвергшемся, какъ извѣстно, опалѣ при Петрѣ II. для отправки его отцу, а также и сами ѣздили въ Малороссію и Польшу. Не получивъ удовлетворенія и потерявъ надежды на успѣхъ своего дѣла, по примѣру 28 іюня 1762 г., Мировичъ вступилъ въ заговоръ съ пріятелемъ своимъ Ушаковымъ. Въ натурѣ Мировича было уже мистическое настроеніе: онъ былъ масономъ и когда рѣшился на свое предпріятіе, то оба пріятеля отслужили предварительно панихиду въ Казанскомъ соборѣ по себѣ, какъ по умершимъ. Они думали совершить свой подвигъ по той программѣ, какъ совершился и переворотъ 28 іюня. Съ Ушаковымъ [illegible] съ этою [illegible] и Мировичъ рѣшился все выполнить одинъ. Таковы были данныя, добытыя слѣдствіемъ. Екатерина писала Панину, что горячка

(Солов. XXVI, 1-18. О Браун. фам., В. П. Поваляева, Рус. Инвал. 1866 № 7; А. Г. Брикнера О Браун. фам. Рус. Вѣст. 1874. Русск. Старина т. XXIV, XXV. Рус. Арх. 1863, XVIII в. III. Бумаги Панина, Рус. Арх. 1871. Рус. ист. сборн. VII, 182-84, 366-73. Чтен. 1860 г. III; 1861 г. I; 1863, II. Зап. кн. В. П. Кочубея и гр. Блудова, см. кн. Ковалевскаго, «Гр. Блудовъ и его время». Записки Дашковой; сборн. XII, 171-74; XXII, донес. Сольмса 262-270; 282-289. Записки Порошина 53. Мат. о Мировичѣ XVIII, 7 II, 367-387; памятн. нов. рус. истори I).

Политическіе противники Екатерины заподозрѣвали ее въ участіи въ этомъ дѣлѣ, объясняя даже, что Мировичъ былъ не болѣе какъ орудіе ея политическаго замысла. Понятно какъ возмутило это Екатерину: отсюда та горячность, съ какою взялась она за раскрытіе всего дѣла. Переписка съ Жофференъ показываетъ, что она сдѣлала даже болѣе, чѣмъ ея литературные друзья считали подходящимъ. Она велѣла напечатать подробный манифестъ объ этомъ дѣлѣ.

Постановленіе о конфискованныхъ имѣніяхъ.

Вслѣдствіе дѣла Мировича, Екатерина прекратила тяжбы-иски на конфискованныя имѣнія, которыя могли возникнуть, не смотря на давность времени. (Солов XXVI, 21).

Новые заговоры. Иностранные резиденты заявляютъ, что дѣло Мировича не произвело общей революціи, какъ думали нѣкоторые, и что съ этого времени престолъ ея еще болѣе укрѣпился (сборн. XII, 174), хотя въ то же время было нѣсколько случаевъ самозванства на Украйнѣ, то во имя Петра II (раскольн. солд. Евдокимовъ), то во имя Петра III (Солд. Гавр. Кремневъ въ Воронежѣ; армян-

Жандановъ; см. П. Чернышевъ въ Смоленской провинціи). Всѣ они были высѣчены кнутомъ [illegible] и сосланы въ Нерчинскъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ продолжали свое ремесло и имѣли даже успѣхъ (Солов. XXV, 124-25 Мордов. Самозванцы I). Сторонникъ Петра Федоровича Батуринъ еще при Елисаветѣ, произносилъ содержался въ Шлиссельбургѣ и увѣрялъ тамъ, что Петръ III живъ, снова явится въ Россію и освободитъ его изъ заключенія. Въ 1768 г. его сослали въ Камчатку, гдѣ онъ успѣлъ надѣлать новыхъ хлопотъ правительству. Въ томъ же году полученъ былъ доносъ, что 18-лѣтній адъютантъ Опочининъ, сынъ генер.-аншефа, выдавалъ себя за сына англійскаго короля, пріѣхавшаго будто бы тайно въ Россію, и Елисаветы Петровны. Онъ составилъ заговоръ съ цѣлью свергнуть престола Екатерину II, истребить Орловыхъ и возвести на престолъ вел. кн. Павла. Опочининъ и другіе, привлеченные къ этому дѣлу, сложили всю вину на корнета Батюшкова, который признался, что первый сталъ говорить о своемъ намѣреніи произвести такой же переворотъ, какой произвели Орловы. Преступленіе Батюшкова было приписано глупости и умопомѣшательству, тѣмъ не менѣе его приговорили къ лишенію чиновъ, дворянства и сослали въ Мангазею, а Опочинина съ тѣмъ же чиномъ послали въ гарнизонъ на линію. Одни, выступая противъ существующаго правительства, стремились произвести переворотъ подобный бывшему, и ждали для себя такихъ же благъ, какими были осыпаны участники послѣдняго; другіе вызывали тѣнь Петра III и также связывали съ его именемъ улучшеніе своей судьбы.

В. Иконниковъ

такъ въ 1769 г. [illegible] Ломакинъ подержалъ въ Астрахани разглашали, что Петръ III живъ [illegible] царство и [illegible] (Госуд. Арх., ч. Сенат. XXVII, 161-163). Подобнымъ, давшее прощеніе раскольникамъ-поселенцамъ, вышедшимъ изъ-за границы, на основаніи манифестовъ указовъ Петра III и Екатерины II, упорно поддерживало эту молву.

Лекція 17.

Общее направленіе внутренней администраціи Екатерины. Карамзинъ, въ извѣстной запискѣ своей, поданной Александру I, говоритъ объ общемъ направленіи царствованія Екатерины такъ: „Екатерина II была истинною наслѣдницею величія Петра В. и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной монархини состоитъ въ томъ, что она смягчила самодержавіе, не утративъ силы его... Петръ, насилуя обычаи народные, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ... Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсей тиранства; слѣдствіемъ были — спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума" (Русск. Арх. 1870 г. 2262-63). Вторая половина XVIII столѣтія, когда [illegible] европейскихъ передовыхъ [illegible] ла по принципамъ [illegible] философскихъ [illegible] политики и гражданскихъ [illegible] цѣлью своихъ стремленій ставили благо народовъ. [illegible] филантропіи полагались въ основаніе законодательства. Въ теоріи, а потомъ были взяты по примѣру [illegible]-

[illegible] кости, [illegible], члены на [illegible].
[illegible]. Взглядъ Екатерины II на этотъ
[illegible]. [illegible] проникну-
[illegible], отличавшаяся [illegible] чувствительнымъ
[illegible], безъ [illegible] человѣческія чувства
[illegible] на престолъ Ека-
терина [illegible] уничтоженіе тайной канцеляріи, отмѣ-
[illegible] указъ [illegible] 1762 г.). Далѣе по-
[illegible] (Соловь. XXV, 168), всегда гото-
[illegible] массы несправедливостей,
[illegible], и [illegible] справами. Примѣненіе
пытки было [illegible] (XXV, 273. Объ употребленіи
ея въ 1767 г. Соловь. XXVII, 199 и далѣе, см. ниже статью Арсеньева).
[illegible] процесса въ XVIII стол. можно судить по
слѣдующимъ статьямъ: „Русскія пытки", истор. очеркъ, составлен-
ный А. Э. Ц. Русск. Ар. 1867; 1139-1167; „Записки [illegible]" (1765)
А. П. [illegible], ib. 1868, 1064-1065; „[illegible] Медвѣдь, разбойни-
[illegible], [illegible] Розанова, ib., 1869, 1082; „Ванька Каинъ", Г. В.
[illegible], [illegible], III, 280-342; „Записки [illegible]
[illegible] въ Россіи", истор. очеркъ Г. П. [illegible], Рус. стар. 1876, т.
VIII, 201-224; „[illegible] тайной канцеляріи при Елисаветѣ Петровнѣ
[illegible]", Рус. Стар. 1875, XII, 523-539; „Люди стараго вѣ-
ка". Г. В. [illegible], Спб. 1880. „Смертная казнь въ отношеніи
[illegible]", А. В. Арсеньева. Истор. Вѣстн. 1881 г. № 3.
Но есть [illegible] собственноручная записка Екатерины II по поводу
[illegible] дѣла Волынскаго, вполнѣ обрисовываю-
щая [illegible] Екатерины на пытки (Чт. М. О. И. 1858, IV
отд. V, [illegible]; она относится къ 1765 г.; вотъ ея содержаніе:
„[illegible]

календарь и записки Мировича, изъ которыхъ убѣдилась, что единомышленниковъ у него не было, но что онъ хотѣлъ убить её. По пріѣздѣ императрицы въ Петербургъ (25 іюля), открылся чрезвычайный судъ, состоявшій изъ членовъ синода, сената и чиновъ первыхъ трехъ классовъ. Судъ просилъ предоставить ему неограниченное право дѣйствія и Екатерина согласилась, выразивши при этомъ, что она прощаетъ виновнаго относительно собственнаго оскорбленія и предоставляетъ сдѣлать постановленіе относительно государственнаго преступленія. Баронъ Черкасовъ и нѣкоторые члены духовенства предлагали пытать виновнаго, но кн. Вяземскій воспретилъ даже рѣчь объ этомъ. Черкасовъ подалъ однако особое мнѣніе, въ которомъ настаивалъ на жестокой пыткѣ. Но собраніе протестовало противъ этого, какъ противъ собственнаго оскорбленія

---

1. Не будемъ удивляться, что воспитанникъ Англіи Черкасовъ стоялъ за жестокую пытку. Ссылаясь на Блакстона, Лекки говоритъ, что въ его время въ Англіи было не менѣе 160 преступниковъ, караемыхъ смертью и нерѣдко случалось, что вѣшали заразъ 10-12 преступниковъ или что 40-50 чел. бывали осуждены въ одни ассизы. Въ случаѣ государственной измѣны, законъ требовалъ, чтобы прежде чѣмъ обезглавить преступника его вѣшали, не давая ему умереть: чтобы, «вынутыя изъ него живого внутренности, были сожжены въ его глазахъ». До 1790 г. женщины, виновныя въ государственной измѣнѣ, могли и иногда были сжигаемы живыми. Мальчики моложе 12 лѣтъ были повѣшены за участіе въ Гордонскомъ мятежѣ 1780 г. Гренвиль

Нѣкоторые недоброжелатели Екатерины (преимущественно иностранные министры враждебныхъ дворовъ) увидѣли во всемъ этомъ комедію со стороны Екатерины, но она предоставила коммиссіи свободно высказаться о пыткѣ (XVIII в. III, 355). Послѣ этого члены синода, отказавшись отъ подписанія смертнаго приговора, нашли однако же Мировича заслуживающимъ жесточайшей казни. Остальные подали приговоръ за смертную казнь. По словамъ Державина народъ, отвыкшій отъ смертной казни со времени Елисаветы, почему-то ожидалъ прощенія; но казнь была совершена (15 сент. 1764 г.).

Солдаты, участвовавшіе въ дѣлѣ Мировича, были прогнаны сквозь строй и разосланы въ отдаленные гарнизоны; Власьевъ и Чекинъ получили награды по 7,000 руб. но были отстранены отъ службы и дали подписку никогда не обращаться къ государынѣ съ просьбами, не принимать участія въ общественныхъ дѣлахъ, о шлиссельбургскомъ происшествіи не говорить и стараться не являться въ многолюдныя собранія и въ обѣ столицы.

разсказчикъ объ этомъ, наивно замѣтилъ: „никогда въ жизни я не слыхивалъ такого жалкого крика"; Ср. Уголовный законъ Екатерины II, выше стр. 277). Въ 1783 г. число злодѣевъ, казненныхъ въ Лондонѣ, было 51, въ 1785 — 97. Сочиненіе Беккаріи, пользовавшееся большимъ успѣхомъ на материкѣ, было очень малоизвѣстно въ Англіи. Даже въ 1813 билль объ отмѣнѣ вырѣзыванія внутренностей и четвертованія за измѣну, предложенный Ромильи, былъ отвергнутъ въ первый разъ, а въ слѣдующемъ году палаты согласились только на отмѣну 1-го акта (перваго) и настояли на сохраненіи четвертованія. (A History of England in XVIII century by W. E. H. Lecky, London 1878. О чрезмѣрн. жестокости наказаній въ арміи и т. п. въ тогдашней Франціи см. у Тэна, Происхожденіе современ. строя Франціи 507–513).

исполнили желаніе Волынскаго, хотя иные и доно-ца, дабы они съ были всѣ согласны отъ такого. Такова-го примѣра въ происшествіи дѣлъ. Императр. Анна своему кабинетному министру Артемію Волынскому приказы-вала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государствен-ныхъ дѣлъ, который онъ и сочинилъ и ей подалъ. Оставалось бы полезное употребить, неполезное оставить изъ его предъяв-ленія. Но, напротивъ того, его злодѣи и какъ сей проектъ не понравился, изъ того сочиненія вынявъ разныя статьи, стали по-казывать и обвели на Волынскаго измѣнническій умыселъ и будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, чего отнюдь на дѣлѣ не показано. Еще изъ сего дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныя рѣчи; ибо до пытки всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительнѣе вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровью; всякій пытан-ный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. Пускай отдаю на разсужденіе всякому честному человѣку, чтобы разсудилъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброю совѣстью полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ; но напротивъ того добрый и усердный патріотъ и рев-нителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. И такъ смертную казнь претерпѣлъ, бывъ невиненъ, и хотя бы онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова (въ на-казаніе особы импер. Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упо-минуто, то бы онъ, бывъ государынѣ цѣломудрая, и

ли случай показать, сколь мало уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на черта величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій государь имѣетъ неисчисленныя кроткія силы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ; если бы Волынскій при мнѣ былъ и я употребила его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое почтеніе къ нимъ; я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истины. А если бы я увидѣла, что онъ не способенъ къ дѣламъ, я бы ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его, будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ! Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣриться на сей аршинъ; а если кто изъ васъ, мои драгоцѣнные потомки сіе наставленіе прочтетъ съ уничтоженіемъ, тѣмъ ему болѣе въ свѣтѣ и особенно въ россійскомъ счастья желать нежели пророчествовать можно!"

Не говоря объ этомъ поворотѣ въ сознаніи высшаго общества относительно правъ человѣка, мы не должны забывать, что начала этого поворота коренятся въ предшествовавшемъ періодѣ и въ общемъ движеніи мысли, которымъ была обязана своими взглядами и стремленіями Екатерина II. Панинъ также говоритъ, что чуть не парализованъ, когда онъ читалъ дѣло Волынскаго (Пороминъ 74), а онъ принадлежалъ къ дѣятелямъ того періода, который предшествовалъ Екатеринѣ II. Еще Елисавета отмѣнила (1754 г.) смертную казнь, хотя болѣе по религіознымъ, нежели по

иными подозрениями.

Общий [illegible] свойствами, [illegible] на физическое и [illegible] состояние [illegible] рина II посылала [illegible] за [illegible] и широкаго плана. Прямо [illegible] (в [illegible]) об учреждении комиссии для сохранения народнаго здравия она поставила: „[illegible] видит, [illegible] несчастливым, [illegible] простираться могут." Но XVIII век [illegible] ким, что они усиливали [illegible] свойства [illegible] сил. Как в философии, так и в [illegible] теориях воспитания [illegible] даёт весьма обширное значение, и проявляла в своей государственной деятельности, принимая их [illegible] Екатерина в первые три года своего царствования [illegible] устройством в столицах и городах [illegible].

Медицинская коллегия. При Петре III [illegible] дений в окружных врачей [illegible] тив прежнего [illegible] преимущества (П. С. З. XV, 11,4[illegible]). При Екатерине медицинская канцелярия, существовавшая со времени Петра В[illegible], была преобразована в медицинскую коллегию ([illegible]), [illegible] президентом которой был А. И. Черкасов, один из основателей Вольнаго экономическаго общества. [illegible] чем, он строго [illegible] медицину и [illegible] сти за [illegible], которые [illegible] нить к своему [illegible]. Сын кабинет-секретаря Елисаветы И. Ант. Черкасова, [illegible]

[illegible] (1742-52?) [illegible] Екатерин[illegible] (съ 1763) [illegible]

[illegible] по провинці[illegible] [illegible]

[illegible] са, но они обязаны были [illegible] членовъ [illegible] государства.

Такъ при выборѣ первыхъ членовъ коллегіи, оказалось, что на службѣ въ Россіи состояло въ то время 45 докторовъ, не считая академиковъ и профессоровъ, а въ числѣ ея членовъ трое излагали свои мнѣнія по-нѣмецки. Впослѣдствіи Екатерина просила Циммермана прислать въ Россію опытныхъ врачей изъ Германіи. Коллегія хлопотала о переводѣ лучшихъ сочиненій на русскій языкъ. По учрежденіи Коллегіи было указано, что она, по сношеніи съ медицинскимъ факультетомъ Московскаго Университета, должна заботиться „сочинять докторовъ изъ подданныхъ россійскихъ, чтобы не принимать безъ разбору иностранныхъ, къ чему теперь нужда приводитъ". Но президенту Коллегіи предстояла по этому поводу тяжелая борьба. Иностранные представители медицинскаго дѣла въ Россіи утверждали, что русскіе не способны къ этой наукѣ и потому въ госпитальныхъ школахъ русскихъ учениковъ учили только практической сноровкѣ: въ такомъ положеніи находились эти школы въ теченіи 80 лѣтъ. Русскіе ученые терпѣли обыкновенно фіаско. Такъ погибли В. И. Щепинъ, поплатившійся за свои познанія въ ботаникѣ, расположеніемъ извѣстнаго Линнея, и П. И. Погорецкій, осмѣлившійся хлопотать о расширеніи курса школьнаго преподаванія въ Москвѣ. Теперь, при участіи [illegible] (1765), въ Московскій университетъ былъ назначенъ другой профессоръ (Эразмусъ) и улучшено преподаваніе въ госпитальныхъ школахъ. Въ 1764 г. Коллегіи поручено было производить испытанія и выдавать дипломы на степень доктора, чтобъ въ интерес

униженія русскихъ врачей. Въ этомъ случаѣ Черкасову приходилось относиться, состоя по выбору и хотя члены коллегіи обращались съ ходатайствами къ императрицѣ, но не имѣли успѣха. Первый, удостоившійся возведенія на степень доктора въ 1765 г., былъ лекарь К. О. Ягельскій, воспитанникъ петербургской школы, но, несмотря на выдержанный имъ экзаменъ, члены коллегіи, подъ разными предлогами, не хотѣли утвердить его въ степени и добились даже доноса императ-цѣ по самоуправству Черкасова. Дѣло это тянулось три года пока въ августѣ 1768 г. императ-ца не подписала указа коллегіи о признаніи Ягельскаго докторомъ медицины и не приказала ему выдать диплома. Это былъ первый русскій докторъ, извѣстный впослѣдствіи штатъ-физикъ въ Москвѣ, написавшій трактатъ о чумѣ, бывшей тамъ въ 1771 г. Но, спустя 14 лѣтъ мы снова встрѣчаемся съ подобнымъ же фактомъ: коллегія не допускала долгое время къ испытанію студента Академіи наукъ Соколова, получившаго степень доктора въ Страсбургскомъ университетѣ. Новый президентъ коллегіи А. А. Ржевскій тогда обратился къ императрицѣ, которая велѣла произвести экзаменъ Соколову, а сенатъ внушилъ коллегіи, чтобы она въ опредѣленіи россійскихъ докторовъ оказывала преимущество предъ иностранцами и поступала бы впредь на основаніи инструкціи 1763 г., составленной Черкасовымъ. Въ то время соблюдалось строгое различіе между словами: докторъ, врачъ и лекарь, которыми иногда себѣ позволяли члены коллегіи для прославленія своихъ ученій (Чистовичъ, 1-е докторскіе диспуты, мед. шк.

1862 г, №№ 16, 17 и 18-й. Бинеръ, Рус. Стар. 1870 г. № 2-й). Въ связи съ расширеніемъ дѣятельности центральнаго учрежденія стоитъ развитіе медицинской части въ Россіи вообще (П.С.З. 11,947; 12,477; 12,893). Къ этому же времени относится введеніе въ Россіи оспопрививанія.

<u>Введеніе оспопрививанія въ Россіи.</u> Въ запад. Европѣ прививаніе натуральной оспы было занесено леди Монтэгю, женою великобританскаго посла въ Константинополѣ, издавшей о ней брошюру въ 1721 г.; но и въ Англіи, и во Франціи она встрѣтила сильный отпоръ, и между прочимъ со стороны ученыхъ и богослововъ Сорбонны. Въ Лондонѣ опытъ былъ сдѣланъ надъ шестью преступниками, приговоренными къ смертной казни, и только нѣсколько времени спустя рѣшилась привить себѣ оспу принцесса Уэльская. Во Франціи подобный подвигъ совершилъ въ 1756 г. герцогъ Орлеанскій. Даламберъ старался доказать пользу статистическими данными; тѣмъ не менѣе Вольтеръ писалъ Екатеринѣ II, въ 1769 что во Франціи дѣло дошло до того, что оспу нельзя было прививать иначе какъ по приговору парламента. „Печально, что сдѣлалось съ нашею націею, которая во многомъ показала великіе примѣры; мы теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываемся варварами, а въ другихъ обнаруживаемъ равнодушіе".

Оспа была занесена въ Россію очень давно; въ 1730 г. отъ нея умеръ Петръ II. По даннымъ медицинской коллегіи оказывается, что двѣ четвертыя части дѣтей достигала совершеннолѣтія, а прочія умирали преимущественно отъ оспы. [illegible] свирѣпствовала

они и въ Сибири, куда Екатерина отправляла нарочно врачей. Въ Ежемѣсячныхъ сочиненiяхъ* Миллера за 1755 г. (янв.) была уже помѣщена статья объ оспѣ, а въ 1756 г. обширная рѣчь Кондамина, сказанная имъ въ парижской академiи наукъ, въ которой излагается исторiя и защита оспопрививанiя. Въ 1764 г. появился трактатъ по этому вопросу доктора Яниша, переведенный на русскiй языкъ (в 1769). Въ томъ же году бывали случаи прививанiя въ Петербургѣ Бахрахта, а въ 1768 г. вызванъ изъ Англiи докторъ [illegible]сонъ для прививанiя оспы въ Петербургъ стараниями англiйскаго консула. Русское общество также относилось съ недовѣрiемъ и боязнью къ этому средству. И вотъ на этотъ подвигъ рѣшается сама импер-ца. Вотъ какъ описываетъ она свое намѣренiе Фридриху II, который былъ противъ привитiя оспы... „Съ дѣтства меня приучили къ ужасу предъ оспою, въ возрастѣ болѣе зрѣломъ мнѣ стоило большихъ усилiй уменьшить этотъ ужасъ; въ каждомъ незначительномъ припадкѣ я уже видѣла оспу. Весною прошлаго года (1767), когда эта болѣзнь свирѣпствовала здѣсь, я бѣгала изъ дома въ домъ, цѣлый мѣсяцъ была изгнана изъ города, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была такъ поражена отвратительностью подобнаго положенiя, что считала слабостью не выйти изъ него. Мнѣ совѣтовали привить оспу сыну. Я отвѣчала, что было бы позорно не начать съ самой себя и какъ ввести оспопрививанiе, не подавши примѣра? Я стала изучать предметъ, рѣшившись избрать сторону наименѣе опасную. Оставаться всю жизнь [illegible] въ [illegible]

людей, или предпочесть маленькую опасность, [illegible] [illegible]ительную и спасти множество жизней народа? Я думала, что выбирая последнее, я избрала самое верное."

Вслед этой цели, к нам был вызван из Англии доктор Димсдаль, у котораго, изъ 6,000, подвергшихся оспопрививанию, умер только один ребенок. Сначала им было сделано несколько опытов в кадетском корпусе и частных домах. 12 октября 1768 г. оспа была привита императрице и ея примеру последовали многие знатные. „Весь Петербург, пишет Екатерина, хочет прививать оспу и привившие [illegible] [illegible]. Я была очень успокоена, увидевши после операции. [illegible] [illegible]; я говорила: теперь ли кричать [illegible] мешать людям спасать свою жизнь [illegible]. Я не ложилась в постель ни на минуту и принимала людей каждый день. Граф Орлов, этот герой, подобный древним римлянам лучших времен республики по храбрости и великодушию, привил себе оспу, а на другой день после операции отправился на охоту в [illegible] снег." (Сбор. X, 302, 307; XX, 246). (Оспа была привита вел. кн. Павлу Петровичу. 22 ноября были приняты [illegible] торжественныя поздравления от Сената, депутатов комиссии уложения, членов коллегий и канцелярий, московского главнокомандующего гр. П. С. Салтыкова и архиепископа Амвросия. 21 ноября установлен на будущее время, как торжество [illegible] знаменитаго и беспримерного подвига." В 1772 г., в память этого события, была выбита медаль. Младенцу Александру Маркову, от котораго взята была [illegible] [illegible] для [illegible], пожаловано было дворянство

оспопрививаніе, причемъ онъ переименованъ былъ Оспеннымъ. Потомъ его приносили во дворецъ и въ забавахъ его принимали участіе Екатерина, Чернышевъ, Орловъ, Разумовскій. „Если хотите знать, кому онъ принадлежитъ, писала Екатерина И. Г. Чернышеву, то братъ вашъ говоритъ, что со временемъ онъ займетъ мѣсто буйнаго и не спрашивайте меня больше." (Рус. Арх. 1871 г, № 9). Димсдаль пожалованъ былъ барономъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, лейбъ-медикомъ и пенсіею въ 500 фун. стер. за то, что какъ самой императрицѣ и ея сыну, такъ и многимъ жителямъ столицы „весьма попечительно, искусно и счастливо привилъ оспу и разрушилъ для пользы всенародной здѣсь предубѣжденія относительно сей гибельной и [illegible] болѣзни." Въ распоряженіи Димсдаля были поставлены воспитательные дома и госпитали, а Екатерина, по обыкновенію, разсказала о всемъ этомъ подвигѣ своимъ заграничнымъ друзьямъ. (Сбор. X, 302–310). Въ Австріи оспопрививаніе вообще было почти одновременно, но какъ писала Екатерина Вольтеру, въ Петербургѣ въ одинъ мѣсяцъ оспа была привита большему количеству людей, чѣмъ въ Вѣнѣ въ восемь мѣсяцевъ. (Вольтеръ т. XVIII, 274). Русскій переводъ руководства Димсдаля появился двумя годами (1770) раньше французскаго. Чтобы уничтожить народные предразсудки, императрица и вел. кн. позволили отъ себя привить матерію другимъ. Въ деревняхъ Орлова на первыхъ же порахъ оспа была привита болѣе чѣмъ ста пятидесяти. Вездѣ почти и на всякомъ только и [illegible] толковали объ этомъ предметѣ. Въ [illegible] былъ открытъ оспенный комитетъ.

Постепенно они появились и въ другихъ городахъ, а медицинская коллегія распубликовала наставленіе о бывшей и привитой оспы. Въ города были разосланы казенные врачи; устраивались оспенные дома въ Петербургѣ, Москвѣ, Тобольскѣ, учреждены были фабрики хирургическихъ инструментовъ и карантины. Въ 1770 год. появляются оспенные дома въ Иркутскѣ и Барнаулѣ и вводится оспопрививаніе среди инородцевъ. Въ 1771 г. умеръ отъ оспы испанскій инфантъ и Екатерина писала по этому поводу Вольтеру: „Не находите ли вы страннымъ, что король преспокойно обрекаетъ на смерть всю свою семью. Его католическое величество, какъ я думаю, велитъ изъ предосторожности пускать себѣ кровь: но, если онъ разсуждаетъ при этомъ послѣдовательно, то почему бы не предохранить своей семьи отъ этой ужасной болѣзни легкимъ средствомъ, которое причиняетъ меньше боли, чѣмъ кровопусканіе? Я увѣрена, что великій инквизиторъ также привилъ бы себѣ оспу, чтобы угодить испанскому королю, который наградилъ бы его за то жирнымъ аббатствомъ, а это право стоитъ какой-нибудь оспинки." (Сборн. XIII, 124).

Въ маѣ 1774 г. умеръ отъ оспы Людовикъ XV и вотъ что опять писала Екатерина Гримму: „По моему срамъ королю Франціи, въ 18-мъ ст. умирать отъ оспы; это варварство. Мнѣ сказывали, что императрица россійская посылала Людовику XV черезъ господина Дюрана (франц. посла) радушный, человѣколюбивый и дружескій совѣтъ, чтобы онъ, не медля ни секунды, приказалъ немедленно привить себѣ оспу. Мнѣ сказывали также, что она больше, чѣмъ кто другой, имѣли право [illegible]

ный совѣтъ, сдѣлавъ удачный опытъ надъ собой и своимъ сыномъ" (Рус. Арх. 1878, III, 8-9. Два эпиз. изъ царств. Екатерины II. Болера, Рус. Арх. 1870 N 1 и 2. Солов. XXVII гл. I; Ист. оспы въ Россіи Вирсевкина, Спб. 1867 г. Собр. рус. зак. о медиц. управ. Петрова. Записка Димсдаля, Сборн. II.)

Вольное экономическое общество. Другимъ не менѣе важнымъ событіемъ въ дѣятельности правительства за это время было основаніе въ Петербургѣ въ половинѣ 1765 г. вольнаго экономическаго общества. По своему плану это общество должно было удовлетворять взглядамъ Екатерины, которые она высказала, какъ относительно земледѣльческаго класса въ Россіи, нуждавшагося въ улучшеніи своего быта, такъ и относительно самаго земледѣлія страны, на которомъ основывалось ея богатство. Еще въ 1764 г. Сиверсъ высказалъ эту мысль. Судя же потому, что планъ устава этого общества составленъ былъ библіотекаремъ Екатерины Таубертомъ и что членами-учредителями его были нѣкоторые придворные, можно полагать, что общество состоялось при непосредственномъ участіи императрицы. Подобныя общества существовали уже въ Шотландіи, Ирландіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, а въ Россіи оно предупредило Австрію и Пруссію. Императрица дала обществу собственный свой девизъ „пчелы, приносящія въ улей медъ", съ надписью „полезное" и 6,000 р. с. на покупку дома (П. С. З. XVI, 12,502). На первыхъ порахъ общество состояло изъ 15 чл. Президентство въ немъ предложено было сначала Р. И. Воронцову, который отказался по незнанію иностран-

ныхъ языковъ, затѣмъ Г. Г. Орлову, который по множеству другихъ, не могъ принять этого мѣста по многимъ дѣламъ, и наконецъ баллотировкой избранъ былъ А. В. Олсуфьевъ, сенаторъ и министръ кабинета (Совр.) императрицы. Цѣль общества прямо указывалась въ стремлении его къ „исправлению земледѣлия и домостроительства." Оно было принято подъ особое покровительство императрицы и не было подчинено никакому другому учреждению. Членами-учредителями В. Э. Общества были слѣдующія лица: президентъ А. В. Олсуфьевъ, гр. Р. И. Воронцовъ (сенаторъ), гр. Г. Г. Орловъ, гр. И. Г. Чернышевъ (членъ адмир. колл.), баронъ А. И. Черкасовъ, д. с. с. Тепловъ, И. И. Тауберть (библіот. императ.), И. И. фонъ Клингштедтъ (вице-презид. юст. кол. лифл. эстл. и финл. дѣлъ), А. А. Нартовъ, членъ бергъ-коллегіи (секрет. для россійс. переписки общества), Пекенъ, ученый секрет. медиц. коллегіи, Модель, членъ медиц. кол., Леманъ, профессоръ химіи при петерб. Акад. наукъ (секрет. общ. для нѣмец. переписки), Фалькъ, профессоръ ботаники при аптекарскомъ садѣ, Эклебенъ, придворный садовникъ, Кельнеръ. Затѣмъ въ первыхъ дѣйствіяхъ общества принимали участіе губернаторъ Сиверсъ, Эпинусъ, старецъ Эйлеръ (академики), сынъ его, профессоръ физики Альбрехтъ Эйлеръ, генералъ-прокуроръ Вяземскій. Шмелинъ, Рычковъ (писменно) и др. Общество положило издавать свои труды, а чтобы дѣятельность его сообразовалась съ дѣйствительными нуждами сельскаго хозяйства въ Россіи, то положено было разсылать во всѣ места вопросовъ съ просьбою, обращенною какъ ко

губернаторамъ и начальникамъ, но и прочимъ гражданамъ сочинять ... ... отвѣты. Р.И. Воронцовъ вызвался выписать изъ Англіи модели машинъ и образцы орудій пахотнаго земледѣлія. Первая награда — медалью въ 25 червонцевъ была предложена тому, кто въ 1766 г. доставитъ наиболѣе пшеницы въ Петербургскій и Архангельскій порты, для отправки за границу. По предложенію же Воронцова общество опредѣлило назначать такія же медали тому, кто первый въ своемъ уѣздѣ заведетъ хлѣбные запасные магазины.

Вопросъ о поземельной собственности крестьянъ.

Но уже въ 1765 г. обществомъ была предложена тема для соисканія на медаль 25 червонцевъ и награду въ 100 черв. о значеніи поземельной собственности въ интересахъ земледѣлія и о владѣніи землею общиннымъ, мірскомъ и, въ противоположность ему, владѣніи участковомъ, на правахъ полной собственности. (Оцѣнка этой задачи сдѣлана въ брошюрѣ К.Д. Кавелина: „Общинное владѣніе", Спб. 1876; нѣм. пер. изд. въ Лейпцигѣ, въ 1877).

Предложеніе обществу было сдѣлано отъ неизвѣстной особы, письмо которой однако было подписано буквами И. Е., ясно указывавшими на императрицу Екатерину. Но прошелъ годъ, а отвѣта не было, поэтому въ концѣ 1766 г. послѣдовало новое предложеніе отъ той же особы съ прямымъ вопросомъ: „нужна ли собственность крестьянину для благоденствія общественнаго?" При этомъ препровождался ящикъ въ 1000 черв. для назначенія этой задачи и на другія нужды общества. Но такая прямая постановка вопроса вызвала еще до его рѣшенія нападки

В. Иконникова

съ одной стороны и похвалы съ другой.

Защитникомъ правъ помѣщиковъ выступилъ поэтъ А. П. Сумароковъ. Въ своемъ, въ высшей степени раздражительном, письмѣ, обращенномъ въ общество, онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ самымъ безцеремоннымъ образомъ.. „Прежде надо спросить, говоритъ онъ, потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ свобода? На это я скажу - потребна ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность... или потребна ли стерегущей меня собакѣ цѣпь? Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ - безъ цѣпи. Однако одна улетаетъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, другое - для дворянина." Отдача земель, по мнѣнію автора, не мыслима потому, что онъ суть дворянскія. Мнѣніе Сумарокова было сдано въ архивъ. Но общество игнорировало и „права, данныя крестьянамъ", извѣстнаго К. Шульца, о которыхъ доложено было въ обществѣ И. И. Мелиссино (смот. выше лекцію 16)

Мнѣнія кн. Д. А. Голицына. Заслуживаетъ вниманія, что на вызовъ общества прежде другихъ отозвался извѣстный уже намъ кн. Д. А. Голицынъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, а потомъ въ Гагѣ, другъ энциклопедистовъ и издатель книги Гельвеція „О человѣкѣ". Въ своихъ письмахъ къ вице-канцлеру Голицыну онъ говоритъ: „Я счастливъ князь, что мои мысли о собственности встрѣчаютъ ваше одобреніе. Ихъ слѣдуетъ считать лишь наброскомъ, но вы придали ему окончательную отдѣлку справедливымъ замѣчаніемъ, что собственность должна считаться средствомъ

для воодушевленія любви къ отечеству." И что воинъ, сражаясь и за самого себя, съ удвоенною ревностью станетъ защищать границы государства, съ которымъ онъ получитъ органическую связь". Голицынъ допускаетъ трудность введенія этого плана во всей Россіи; онъ высказываетъ мнѣніе, что то преобразованіе, которое совершается самимъ народомъ, прочнѣе того, которое вводится по приказанію; но первое идетъ медленно, а для второго нуженъ лишь хорошій примѣръ, и кто же можетъ дать лучшій примѣръ какъ не сама государыня? Земли ея находятся въ ея распоряженіи наравнѣ съ остальными. Если въ нихъ она даруетъ своимъ крестьянамъ собственность, не упоминая даже о земляхъ, принадлежащей господамъ, то такой опытъ ея милосердія не можетъ не произвести чудеснаго дѣй...вія. Этотъ примѣръ вызоветъ подражателей:

1) со стороны людей, хорошо понимающихъ свои выгоды и обладающихъ патріотическимъ сердцемъ;
2) тѣхъ, кто въ дѣлахъ ничего не смыслитъ и пожелаетъ угодить ея Величеству.
3) Наконецъ слѣпыхъ подражателей, готовыхъ слѣдовать модѣ.

Въ подтвержденіе достоинства предлагаемаго порядка онъ указываетъ: „Развѣ наши оброчныя деревни не богаче барщинныхъ? развѣ имѣнія, гдѣ нѣтъ приказчиковъ, не во сто разъ счастливѣе тѣхъ, которыя управляются ими. Онъ предлагаетъ переложеніе повинностей крестьянъ съ натуральныхъ на денежныя;

возстаетъ противъ массы дворовыхъ людей, насильно оторванныхъ отъ земледѣлія; рекомендуетъ ввести для разбора неудовольствій между крестьянами и помѣщиками разъѣздныхъ судей, введенныхъ въ Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ (ссылка на истор. Юма), на королевскихъ послов во Франціи, посылаемыхъ для прекращенія злоупотребленій (ссылка на ист. фран. Мабли). Но чтобы собственность крестьянъ не обратилась въ призрачную, онъ предлагаетъ учредить въ каждомъ изъ областныхъ городовъ присутствіе изъ 15 членовъ спеціально защищающихъ дѣла по земледѣлію и землевладѣнію. Выгоды отъ собственности будутъ и послѣдствіемъ существенны. Независимо отъ любви къ отечеству, которую она внушаетъ, въ ней заключается единственное средство заселить Россію и насадить въ ней науки и искусства. При этомъ авторъ опять снова ссылается на сочиненія Юма „Опытъ о происхожденіи искусства и науки." Онъ указываетъ, что дарованіе собственности пробудило бы въ народѣ привязанность къ тому государю, который сдѣлался бы виновникомъ его благосостоянія. Въ другомъ письмѣ (26 мая 1766 г.) онъ восхваляетъ мѣры Екатерины относительно просвѣщенія, но высказываетъ при этомъ боязнь, опираясь на примѣръ исторіи, что средства эти окажутся слабы, если одновременно не будетъ поднята внутренняя торговля, которая въ свою очередь процвѣтать не можетъ, если не будетъ мало-помалу введено у насъ право собственности крестьянъ на

ихъ движимое имущество."

Онъ привѣтствуетъ желаніе императрицы устроить среднее сословіе, но думаетъ, что затрудненіе будетъ состоять въ устройствѣ его богатства и возможности пользоваться его плодами. Препятствіемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить множество ремесленниковъ, наполняющихъ дома русскихъ бояръ. Между тѣмъ какъ вездѣ въ чужихъ земляхъ дворовые ремесленники запрещены; тамъ существуютъ цехи и потому цвѣтутъ ремесла и искусства, помогая процвѣтанію наукъ и художествъ (снова ссылка на Чеча. Рус. Вѣст. 1876, №2, изъ москов. главн. арх. ин. дѣлъ. А. Рачинскаго).

Необходимо, однако, замѣтить, что письма Голицына испещрены замѣчаніями вице-канцлера и самой императрицы. На его мысли о подражаніи примѣру государыни отмѣчено, что сомнительно, чтобы примѣръ вразумилъ нашихъ соотечественниковъ; къ тому же такое распоряженіе можетъ нарушить безопасность помѣщиковъ; что мало найдется охотниковъ жертвовать выгодами по патріотическому чувству. Голицыну и ему подобнымъ легко и дешево [illegible] великодушничать. Имъ ничего не стоитъ давать право собственности крестьянамъ на земли, полагая земельные собственники будутъ мыслить и заговорщиками. Относительно объѣздовъ судей и повсемѣстнаго устройства почтъ и дорогъ, въ связи съ развитіемъ торговли и умноженіемъ населенія, какъ во Франціи, замѣчали, что вся Франція представляетъ едва половину Новгородской губ. — такъ казалось трудно справиться съ пространствомъ Россіи.

Въ другихъ письмахъ Голицынъ подтверждалъ возможность

исполнения своей главной мысли примеромъ Даний и заявлялъ самъ готовность освободить крестьянъ. Онъ даже выражался, что сочтетъ себя счастливымъ, если ему разрешатъ первому показать примеръ освобожденія. Очевидно, въ самомъ началѣ Голицынъ разумѣлъ подъ крестьянскою собственностью и недвижимую собственность, — землю, какъ видно изъ замѣчаній императрицы, въ которомъ прямо говорится о землѣ. Но, замѣтивъ неудовольствіе, выраженное по этому поводу, Голицынъ въ послѣднемъ письмѣ дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что подъ освобожденіемъ онъ разумѣетъ личную свободу, на движимую собственность и право пріобрѣтать недвижимую собственность (Сборн. XV и Рус. Истор. 1876)[1]

Понятно, какое значеніе должны имѣть мысли Голицына въ историческомъ развитіи этого вопроса помимо вліянія западныхъ идей. Рядомъ съ этимъ онъ высказываетъ глубокое негодованіе по поводу преслѣдованія мысли во Франціи и запрещенія Наказа Екатерины II въ отечество Италіи. Такое увлеченіе тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему честь, что онъ не ограничивается поверхностнымъ усвоеніемъ того либерализма, которымъ такъ любила блеснуть напр. Дашкова, но которая не доросла до самаго простаго пониманія

---

1. Вѣроятно со словъ Голицына Вольтеръ писалъ: „Душа Екатерины почувствовала потребность быть освободительницею человѣческаго рода на пространствѣ слишкомъ 11,000 большихъ квадр. миль. Она предположила совершить это единственно разумомъ; она приглашаетъ вельможъ своихъ еще болѣе возвеличиться, ставъ предводителями свободныхъ людей, въ чемъ подала примѣръ сама освобожденіемъ рабовъ.

необходимости освобожденія крестьянъ и рѣшилась утверждать передъ Дидро благотельное значение патріархальнаго рабства въ Россіи (Записка объ этомъ Дидро напеч. при ея запискахъ).

Отвѣты на задачу В. Э. Общества. На заданную въ экономическомъ обществѣ тему послѣдовало множество отвѣтовъ изъ разныхъ концовъ Европы и на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ (162 соч., въ числѣ ихъ 7 на рус. яз.)[1], но преимущественно на нѣмецкомъ. Лучшіе ученые и экономисты того времени участвовали въ этомъ конкурсѣ. Послѣ разсмотрѣнія этихъ сочиненій въ особыхъ комиссіяхъ, награда была присуждена за сочиненіе, написанное на франц. языкѣ и принадлежавшее Беарде-де Л'Абею, члену Дижонской Академіи. Затѣмъ [illegible] возникъ вопросъ о томъ печатать его или нѣтъ. Сочиненіе это было переведено на русскій языкъ и хотя императрица не находила въ немъ ничего опаснаго, но предоставила рѣшить этотъ вопросъ самому обществу. Интересно, какъ составилось наконецъ большинство въ пользу напечатанія. Въ первомъ засѣданіи въ пользу напечатанія оказалось 3 только и 12 противъ. Потомъ стали поступать письменные отвѣты и въ числѣ согласныхъ было 5; а 15 противъ. Но вслѣдъ затѣмъ, считая голосъ императрицы, въ пользу напечатанія образовалось 12 и противъ 16. Тогда Таубертъ и нѣкоторые другіе члены внесли пред-

---

въ государственныхъ имѣніяхъ (domaines); она помѣщаетъ болѣе 500,000 р. у церкви, не возбуждая со стороны этой послѣдней ропота, потому что ей дано вознагражденіе. etc. (Шебальскій, Екат. II, какъ писательница, Заря 1869 г. № 8, стр. 27-30).

1. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ видъ краткихъ письменныхъ набросковъ (см. Рус. Арх. 1870 г. 288-291).

ложеніе, что препятствіемъ въ этомъ случаѣ безъ сомнѣнія служатъ политическія соображенія, а такъ какъ большинство въ пользу напечатанія оказывается важныхъ въ государств. лицъ, то предложили признать ихъ голоса рѣшающими. Тогда образовалось 15 въ пользу и 13 противъ, и сочиненіе Беарде было напечатано въ Трудахъ Вольн. Эк. Общество (1768 г. кн. VIII, перепечатано. Чт. И.О.И. 1862, II. Исторія вопроса изложена въ ист. В.Э. Об. стр. 1-35).

Въ сочиненіи Беарде мрачными красками изображается страна, живущая рабскимъ трудомъ. Въ основаніе его реформы полагалось съ одной стороны право крестьянъ на поземельную собственность, а съ другой - личная свобода, безъ которой не мыслима и первая. Но Беарде не считалъ возможнымъ немедленное разрѣшеніе этого вопроса. Онъ ставилъ его въ зависимость отъ образованія, которое необходимо дать предварительно, но и потомъ назначаетъ срокъ, въ который крестьяне могутъ получить свободу.

Нѣсколько другихъ отвѣтовъ (5) были удостоены меньшихъ наградъ и похвальныхъ отзывовъ, въ томъ числѣ и сочиненіе русскаго юриста и переводчика при Академіи Наукъ и В.Э. Обществѣ А.Я. Полѣнова (Рус. Арх. 1865; біограф. свѣд. о немъ, ib. 1869 г.)

Сочиненіе послѣдняго также стоитъ за освобожденіе крестьянъ и ихъ право на поземельную собственность, но, подобно Беарде, требуетъ первоначальнаго приготовленія ихъ къ тому, иначе перевоспитанія ихъ понятій.

Между присланными сочиненіями было также много совершенно республиканскаго и крайне демократическаго напр

ленія. Нѣкоторые изумлялись даже этому вопросу на берегахъ Невы. Что же касается императрицы, то, быть можетъ, она хотѣла, посредствомъ этой задачи, ознакомиться съ постановкою вопроса и подготовить для себя почву при рѣшеніи его въ предстоящемъ собраніи депутатовъ въ коммиссію Уложенія, гдѣ снова онъ былъ поднятъ въ смыслѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣла ихъ землею. Проектъ объ этомъ былъ даже составленъ Сиверсомъ, по желанію Екатерины II, и въ 1765 г. предположено было упраздненіе крѣпостной зависимости въ Лифляндіи и Эстляндіи (Блюмъ, I, 192, 362, 434; II, 52-102). Но въ дѣйствительности первый шагъ въ этомъ смыслѣ совершенъ былъ Павломъ I, ограничившимъ барщину 3 днями работы.[1]

<u>Другія занятія общества.</u> Замѣчательно какъ В.Э.Об. понимало иногда свою независимость отъ всякого другого подчиненія, кромѣ власти императрицы. Когда въ 1766 г. сенатъ обратился съ указомъ въ общество объ изслѣдованіи присланной изъ Сибири гречихи, то общество рѣшило вовсе не отвѣчать на него, такъ какъ оно состоитъ подъ единственнымъ покровительствомъ ея величества. Но когда въ 1771 году извѣстный Рабине просилъ чрезъ вице-канцлера Голицына доставить ему

---

1. Образчикъ возраженій, почему крестьяне не могутъ получить свободы см. Рус. Арх. 1870, 289-291. — Замѣчательно, что крайніе защитники крѣпостнаго права именно со времени задачи общества о крестьянской собственности начинали эпоху расторженія связи, многіе вѣка пребывающей между крестьянами и ихъ владѣтелями и возникновенія „мятежныхъ мыслей". Они считали многочисленныя убійства помѣщиковъ 1767 и даже пугачевщину результатомъ преній о крестьянахъ въ коммиссіи Уложенія Чт. М. Общ. Ист. 1861, III 98-99.

свѣдѣнія о Россіи для помѣщенія въ „энциклопедическій лексиконъ" и Голицынъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ обществу, но послѣднее приняло на себя собраніе подобныхъ свѣдѣній (1-35 с. Ис. В. Э. Общ.). Въ интересѣ улучшенія хозяйства и народнаго здравія общество приняло на себя распространеніе картофеля и оспопрививанія въ Россіи. Но важнѣйшимъ средствомъ для утвержденія въ русскомъ обществѣ истинныхъ началъ гражданственности Екатерина считала <u>воспитаніе</u>, къ которому и обратимся мы въ слѣдующемъ чтеніи.

<u>Лекція 19-я</u>

<u>Воспитаніе въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. И. И. Бецкій</u>. Во главѣ воспитательнаго дѣла при Екатеринѣ сталъ Ив. Ив. Бецкій. Онъ былъ побочный сынъ послѣдняго русскаго боярина кн. Ив. Юр. Трубецкаго (находившагося въ плѣну у Шведовъ и баронессы Вреде), отъ котораго и получилъ свою фамилію, какъ и нѣкоторые другіе потомки знатныхъ лицъ того времени ([illegible] Голицыны и т. п. [illegible]). Бецкій родился въ Стокгольмѣ въ 1704 г. и только на 15 году увидѣлъ Россію[1]. Во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего за границей при Елизаветѣ, Бецкій познакомился съ матерью Екатерины въ Парижѣ (см. [illegible], т. I, 7-9, 19-22), сошелся съ Жоффренъ, Вольтеромъ и Дидро, осматривалъ вездѣ человѣколюбивыя и учебныя заведенія.

1. Есть указаніе, что онъ получилъ первоначальное образованіе въ Копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ (Глѣбовъ, Инжен. и артилл. корпусъ, въ Артил. журн. 1863 № 11, стр. 71).

благодаря этимъ отношеніямъ, онъ пользовался родственною привязанностью Екатерины II, былъ ея постояннымъ собесѣдникомъ и чтецомъ и служилъ посредникомъ въ ея сношеніяхъ съ представителями тогдашняго просвѣщенія. При Петрѣ III онъ состоялъ главнымъ директоромъ канцеляріи строеній, но при Екатеринѣ открылась для него болѣе широкая дѣятельность. Возникновеніе воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній при Екатеринѣ много обязано его личной дѣятельности и постоянному участію. При ней онъ состоялъ главнымъ попечителемъ воспитательныхъ заведеній, шефомъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, который получилъ при немъ новое образованіе и президентомъ Академіи художествъ (по 1794 г). Въ этихъ заведеніяхъ и Смольномъ монастырѣ содержалось на его счетъ нѣсколько воспитанниковъ и воспитанницъ. Его трудъ „собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими въ пользу общества установленіями" (Спб. 1789-91, 3 т.), дважды былъ изданъ за границей. Въ 1773 г. сенатъ поднесъ ему золотую медаль, выбитую въ честь его заслугъ. (Словари - Б. Каменскаго, Евгенія и Геннади; матеріалы о Бецкомъ въ чтен. 1863, IV; журн. министр. народ. просв. 1853, 77. Біографія Бецкаго Пятковскаго; въ Днѣ 1867 №№ 4,5,7,8,9. Оцѣнка педагогич. воззрѣній у Снегирева, Рус. педаг. Вѣстн. 1857-58 г.г. II и III; Рус. Арх. 1865-66 г.г. Матеріалы для ист. воспит. дома, Москва 1863. О педагогич. значеніи соч. Екатерины II, Н. Лавровскаго 1856). Бецкій сложилъ съ себя свои званія не задолго до своей кончины, послѣдовавшей въ 1795 г. (Колотовъ, I, 161).

Впрочемъ по своему личному характеру Бецкій не былъ вполнѣ безупреченъ: современники винили его въ упрямствѣ въ ущербъ дѣлу (Фальконетъ), въ склонности къ интригамъ[1] и неуклонномъ преслѣдованіи своихъ цѣлей (Зап. Ржевскаго, Рус. Арх. 1871). Но обратимся къ его дѣятельности.

Воспитательныя теоріи XVIII вѣка. „Корень всему злу, говоритъ Бецкій въ своемъ докладѣ импер-цѣ, - это воспитаніе" (П. С. З. XVI, 12,103). Авторитетами для Екатерины и Бецкаго въ области воспитанія служили: Монтень, Локкъ и школа физіократовъ. Два первые выступили противъ суровой школьной дисциплины XVI и XVII в. и педантическихъ пріемовъ изученія древнихъ писателей. Сочиненія ихъ обоихъ имѣли большое вліяніе на Руссо и Базедова - основателей новой педагогической системы XVIII ст., не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи (его учрежденіе: „Филантропинъ"). По мнѣнію Кене, главы физіократовъ, единственное средство противъ злоупотребленій кроется въ общественномъ воспитаніи: они же возможны, если нація просвѣщена. Государство обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстную форму, не только преобразовывать, но и вполнѣ измѣнять его. Воспитывая гражданъ, оно можетъ дѣлать изъ нихъ, что ему угодно, полагали физіократы. Еще подробнѣе этотъ взглядъ развитъ въ запискѣ извѣстнаго Тюрго, поданной Людовику XVI въ 1775 г. Онъ предлагаетъ уже централизацію воспитательной системы, которая должна состоять въ сосредоточеніи учебныхъ заведеній въ однѣхъ рукахъ, отъ народн. школъ до Университетовъ и академій, и въ изданіи руководствъ,

---

1. Гр. Сиверсъ упрекаетъ его въ интригахъ и представляетъ человѣкомъ безпокойнымъ (Блюм. II 323); Щербатовъ - въ любви къ лести и деспотизмѣ (О поврежд. нрав. Рус. Стар. 1871, III, 673).

которыхъ изученіе обязанностей гражданина, какъ члена семейства и общества, должно быть основаніемъ для всѣхъ прочихъ знаній. Онъ ратуетъ противъ ремесленнаго образованія, т.е. спеціальнаго, въ ущербъ гражданскому, и стоитъ за нравственный элементъ воспитанія. Новая система должна образовать на всѣхъ ступеняхъ общества людей добродѣтельныхъ и полезныхъ... На этотъ недостатокъ общаго нравственнаго элемента въ образованіи, на недостатокъ воспитанія, при многостороннемъ ученіи, съ особенною силою указываетъ Дюкло (+1772) въ "Considerations sur les moeurs de ce siècle", отзывъ котораго приводитъ Фонъ-Визинъ въ письмахъ изъ Франціи: «Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобы одинъ сталъ богословомъ, другой - живописцемъ, третій-столяромъ, но чтобы каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ."

Генеральный планъ воспитанія, задуманный Екатериною II имѣетъ много общаго съ педагогическими воззрѣніями физіократовъ. Онъ изложенъ отчасти въ „Наказѣ" и подробнѣе въ „докладахъ" Бецкаго, на котораго возложено было выполненіе ея воспитательныхъ плановъ, наконецъ въ ея литературныхъ произведеніяхъ. (Галаховъ, I, 402 и 403).

Планы Бецкаго. Бецкій долго жилъ за границею и вполнѣ проникся духомъ французскаго просвѣщенія. Сторонники исключительно русскихъ началъ воспитанія

не любили его за эту французоманію, за страсть къ французскому языку въ воспитаніи юношества (Сумароковъ и др. Зап. Порошина, 435, 490). Изъ писемъ Екатерины къ Жофренъ мы узнаемъ, что Бецкій былъ ея постояннымъ собесѣдникомъ: „Онъ начнетъ съ того, пишетъ она, что положитъ на столъ книгу и увеличительное стекло, потомъ какой-нибудь планъ, нѣсколько свертковъ, конверты, письма, наконецъ камни граненые и неграненые, часто кладетъ вещи, которыя нашелъ на улицѣ, и онъ же потомъ мнѣ говоритъ: - „Ахъ, государыня, никогда у васъ не найдешь уголка, гдѣ бъ можно было положить что-нибудь" (Сборн. рус. ист. общ. I).

Подобно физіократамъ, Бецкій признаетъ въ воспитаніи такую силу, которою даруется новое бытіе и производится новой родъ подданныхъ; подобно имъ онъ возлагалъ на государство обязанность воспитывать народъ; подобно имъ онъ ждалъ отъ новой системы искорененія двухъ существенныхъ недостатковъ - односторонности спеціальнаго образованія и пренебреженія нравственнымъ началамъ въ развитіи человѣческихъ способностей. Но эти идеи не были у Бецкаго простымъ заимствованіемъ, такъ какъ первый докладъ его о воспитаніи юношества обоихъ половъ относится къ 1764 г., т.е. предшествовалъ книгѣ Дюкло (1765 г.) и запискѣ Тюрго. Эти мнѣнія были общими въ тогдашней педагогической литературѣ. Послѣ этого перваго доклада Бецкій развилъ свои мысли въ цѣломъ рядѣ другихъ записокъ. Всѣ эти работы вмѣстѣ съ другими постановленіями изданы отдѣльною книгою въ 3-хъ частяхъ

(1789-91 и П.С.З. т. XVII, 12,785; 12,957; 12,741).

Мы уже знаемъ, что работы Бецкаго было поручено издать за границею Дидро, во время пріѣзда его въ Россію.

Въ своихъ запискахъ Бецкій разсуждаетъ о воспитаніи такъ: „Образованіе со времени Петра В. имѣло цѣлію усвоить цивилизацію на столько, на сколько она пригодна была для матеріальныхъ потребностей государства. Это было собственно ученіе, пріобрѣтеніе знаній для успѣшнаго отправленія той или другой службы." Этою практическою цѣлію образованія Бецкій объясняетъ недостаточность результатовъ отъ существующихъ: Академіи, училищъ и заграничнаго обученія. Это было внѣшнее усвоеніе европейскихъ формъ, прикрывшихъ старое невѣжество. Опытъ показалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ добраго прямаго гражданина; напротивъ онъ становится вреденъ для того, у кого еще съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель... При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіями успѣшныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ." Отсюда слѣдуетъ необходимость развитія физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ въ учащихся, но при томъ такъ, чтобы воспитаніе сердца стояло на первомъ планѣ, иначе благонравіе. Эти начала повторяются во всѣхъ его учебныхъ уставахъ. Но эта цѣль не будетъ достигнута, пока дѣти остаются при старой породѣ, т.е. въ родительскихъ домахъ. Отсюда предпочтеніе закрытыхъ заведеній, въ которыхъ оставались учащіеся до 18-20 возраста и въ которыхъ

вая система воспитанія направлена была на укорененіе нравственныхъ идей добра, благонравія, благопристойности, соболѣзнованія къ бѣднымъ, склонности къ порядку, опрятности и т. д. Однимъ словомъ — „насаждать всѣхъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя образуютъ прямыхъ гражданъ." По „Наказу" эта система воспитанія должна была произвести людей средняго сословія. Поэтому при кадетскомъ корпусѣ, при Академіи художествъ были учреждены воспитательныя мѣщанскія училища, воспитанники которыхъ, отличавшіеся въ благонравіи и успѣхахъ, получали потомственную свободу. Такою системою воспитанія Екатерина и Бецкій мечтали создать новую породу людей: „безъ сомнѣнія справедливо всего свѣта общее мнѣніе, что доброе или худое состояніе нравовъ у каждаго человѣка во всю его жизнь зависитъ отъ перваго его добраго или худаго воспитанія... Самыя худыя и несчастныя замужества ни отъ чего иного происходятъ, какъ отъ воспитанія обоего пола въ незнаніи и невѣжествѣ." Новыя воспитательныя заведенія должны были внести въ общества новыя воззрѣнія и имѣть непосредственное вліяніе на него. Но они были недостаточны а потому у Бецкаго родилась мысль дѣйствовать на мнѣнія общества посредствомъ литературы. Въ 1766 г. онъ составилъ извлеченіе изъ лучшихъ авторовъ „о воспитаніи дѣтей", которое разослано было при особомъ указѣ Сената во всѣ присутственныя мѣста для всеобщаго свѣдѣнія[1]. Эти наставленія касаются главнѣйшихъ вопросовъ физическаго воспитанія отъ рожденія ребенка до 16 лѣтъ, раздѣленнаго на 3 період

1) Оно было напечатано въ 1766 году подъ заглавіемъ: „Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ писателей съ нѣкоторыми физическ-

съ предписаніемъ особыхъ условій для каждаго. Эти наставленія служатъ, по замѣчанію Н. А. Лавровскаго, краснорѣчивымъ выраженіемъ просвѣщенной заботливости императрицы объ установленіи на разумныхъ началахъ воспитанія и объ устраненіи вредныхъ послѣдствій господствовавшей тогда небрежности въ дѣлѣ воспитанія. Указавъ въ общихъ чертахъ на правила благоразумнаго воспитанія, Бецкій разсматриваетъ главныя условія тѣлеснаго воспитанія: одежду, пищу, сонъ и т. д., правила, касающіяся ихъ духовнаго состоянія, на сколько оно зависитъ отъ тѣлеснаго.

Важность этой реформы понимала именно такъ, какъ она выражена въ обращеніи Бецкаго къ Екатеринѣ, въ его генеральномъ планѣ воспитательнаго дома: „Петръ В. создалъ въ Россіи людей, Ваше Величество влагаетъ въ нихъ души." Такъ поняла и современная литература. Въ надписи къ статуѣ Петра В. Сумароковъ говоритъ:
„Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу."
А Херасковъ свою повѣсть „Нума" заключаетъ словами:
„Почтеньбя къ тѣмъ святымъ словамъ я въ вѣкъ не рушу,
„Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина душу."
Доклады Бецкаго были наполнены мыслями Локка, Монтескье, Руссо и др. писателей этого направленія. Въ правилахъ же физическаго воспитанія онъ часто ссылается на сочиненіе доктора Санхеса „Traité de l'éducation de la jeunesse" (1760), написанное на тему, заданную женевскимъ человѣколюбивымъ обществомъ.

Учебныя заведенія. Въ началѣ царствованія Екатерины въ Россіи было всего нѣсколько свѣтскихъ учебныхъ заведеній:

...ями и примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества (Спб.) и имѣло три изданія.

В. Иконникова

одна академическая гимназія, 4 военныхъ училища, двѣ гимназіи — въ Казани и Москвѣ. Недостатокъ въ учителяхъ былъ полный, какъ видно изъ объявленія даже морскаго кадетскаго корпуса о шести ваканціяхъ въ одно время. Въ столицахъ потребность обученія удовлетворялась преимущественно частными <u>иностранными пансіонами</u>. (русскихъ было всего два — одинъ Тредьяковскаго). Подобные пансіоны существовали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ (напр. Оренбургѣ), но вообще въ провинціи довольствовались простымъ ученіемъ русской грамотѣ, а нѣкоторые дворяне выписывали домашнихъ иностранныхъ учителей, но часто весьма неудачно (Вороновъ I, 5-6). Въ запискахъ Порошина мы находимъ разсказъ, какъ у одного московскаго дворянина чухонецъ нанялся вмѣсто француза и выучилъ дѣтей вмѣсто французскаго языка чухонскому (Зап. 256)[1].
Со времени Елисаветы при университетѣ въ Москвѣ и Академіи Наукъ въ Петербургѣ, были положены экзамены для иностранцевъ на званіе учителей, но уже во второй половинѣ царствованія Екатерины II гр. Сегюръ замѣчалъ: «Забавно, иногда даже смѣшно видѣть какихъ странныхъ людей удостаиваютъ въ Петербургѣ и провинціяхъ званія учителя или гувернеровъ и гувернантокъ.

---

1 „Нѣтъ страны, гдѣ бы столько трудилось на образованіе, какъ въ Россіи, пишетъ Бельвкуръ (1774). Здѣсь богатые въ высшемъ сословіи держатъ столько воспитателей, сколько дѣтей, и гувернеры эти получаютъ хорошее жалованіе, хотя весьма часто не стоятъ его... Въ выборѣ этихъ людей мало обращаютъ вниманія на достоинства. Хотятъ имѣть француза и берутъ того, кто случится. Зато послѣдствія дурного выбора и [illegible] попадаются люди съ понятіями и манерами нашихъ парикмахеровъ и лакеевъ" (Древ. и нов. Рос. 1875, N 11, стр. 280).

Русскіе должны бы были винить себя за ту непростительную довѣрчивость, съ какою они принимаютъ къ себѣ въ домъ людей, неимѣющихъ никакихъ ручательствъ въ своихъ знаніяхъ, талантахъ и честности. Вещь непостижимая!"
Преподаваніе въ пансіонахъ шло на иностранныхъ языкахъ, какъ и въ Академическомъ училищѣ Тауберта, гдѣ преподаваніе велось по-нѣмецки. Подобные пансіоны существовали для дѣвочекъ и мальчиковъ и въ нихъ иногда преподавались только иностранные языки, танцы и пѣніе. (Солов. XXVI, 319-21). Но такъ какъ въ этихъ заведеніяхъ не преподавался Законъ Божій, то это побудило завести при городскихъ магистратахъ русскія школы для дѣтей обоихъ половъ. Начало имъ было положено въ Архангельскѣ гражданиномъ Вас. Крестининымъ (автором ист. Архан. и Холмогоръ). Въ Кіевѣ училище содержалось на средства коллегіи экономіи (П.С.З. 12, 604). Для магистратскихъ школъ предполагалось издать учебники и наставленія для учителей (Солов. XXVII, 323)[1].
При Екатеринѣ II былъ расширенъ кругъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ. При основаніи московскаго воспитательнаго дома (1763), предложеннаго Екатеринѣ Бецкимъ, были приняты во вниманіе уставы подобныхъ домовъ, существовавшихъ въ Голландіи, Франціи, Италіи, которые посѣтилъ Бецкій, а уставъ воспитательнаго дома въ Москвѣ былъ составленъ помощникомъ Бецкаго, профессоромъ московскаго Университета Барсовымъ.

---

1. Духовной коммисіи было поручено завести во всѣхъ епархіяхъ при архіерейскихъ домахъ училищные дома и учредить въ 2 или 3 мон-ряхъ каждой епархіи главныя училища, но это распоряженіе осталось на бумагѣ. (Солов. XXVI, 322). Въ школѣ Тауберта въ 1755 г. считалось 30 учениковъ 5-6 л. (Ж.М.Н.П. 1866 IV, 128)

Воспитательныя учрежденія въ Западной Европѣ.

Слѣды учрежденій съ специальной задачей воспитывать покинутыхъ младенцевъ встрѣчаются уже въ VIII ст., не считая попытокъ, сдѣланныхъ на Востокѣ въ первые вѣка христіанства. Колыбелью этихъ учрежденій въ Западной Европѣ считаютъ Италію, причемъ устраивались особыя помѣщенія для тайнаго приноса дѣтей. Эти учрежденія возникли преимущественно при церквахъ. Въ XIII – XV ст. Италія покрылась уже цѣлою сѣтью воспитательныхъ домовъ и движеніе это нисколько не ослабѣло въ новый періодъ европейской исторіи. Карлъ VII во Франціи въ 1445 г. еще сопротивлялся помѣщенію незаконныхъ дѣтей въ больницу братства св. Духа. Въ XVII ст. покровительство имъ брали на себя церковь, правительство, города и знатныя лица. Но правильная организація воспитательнаго дома въ Парижѣ получила начало только въ 1640 г. благодаря инициативѣ Сенъ-Винцента Поля, который успѣлъ подѣйствовать на дамъ высшаго круга и выхлопоталъ субсидію у правительства. Людовикъ XIV соединилъ это учрежденіе съ главнымъ госпиталемъ и далъ новыя средства. Кромѣ того были подобныя же учрежденія въ окрестностяхъ Парижа. Въ первое двадцатилѣтіе въ воспитательный домъ было принесено 7,668 младенцевъ, а въ послѣдующее время число ихъ все увеличивалось и достигло въ послѣднюю четверть XVIII ст. 129,143 чел., вслѣдствіе чего самая смертность ихъ достигла 20%. Въ Лондонѣ воспитательный домъ былъ открытъ въ 1739 г., въ Стокгольмѣ въ 1753, основанный франкмасонами; въ Вѣнѣ только въ 1780 г., въ

. . . .

Гамбургъ въ 1795 г., причемъ въ позднѣйшій періодъ въ протестантскихъ земляхъ воспитательные дома закрывались почти во всѣхъ государствахъ, такъ какъ законодательство ихъ предоставляетъ матери указывать отца, на котораго и возлагаетъ попеченіе о дѣтяхъ.

Воспитательныя учрежденія въ Россіи до Екатерины.

Въ древней Россіи забота о незаконнорожденныхъ также принадлежала церкви: при Мих. Ѳед. она возлагалась на патріаршій приказъ. Никонъ устроилъ въ Новгородѣ домъ для сиротъ, но попеченіе о нихъ сливалось съ благотворительностью вообще. Только въ 1706 г., въ 3 вер. отъ Новгорода митр. Іовъ основалъ первый спеціальный пріютъ для незаконнорожденныхъ, въ Колмово-Успенскомъ монастырѣ. Петръ В., любившій Іова за его сочувствіе своимъ планамъ, назначилъ на содержаніе этого пріюта доходы съ монастырскихъ вотчинъ, а царская фамилія присылала сюда отъ себя пожертвованія. Кромѣ того, тотъ же Іовъ основалъ въ своей епархіи до 10 сиротскихъ пріютовъ. По смерти Іова его богоугодныя заведенія постепенно закрылись; но еще въ 1712 г., при учрежденіи во всѣхъ губерніяхъ госпиталей, при нихъ были устроены отдѣленія для незаконнорожденныхъ по примѣру Іова, въ предупрежденіе вящшаго грѣха, сирѣчь убійства. Въ 1715 г. повелѣвалось при церквахъ устроить госпитали и помѣщенія для зазорныхъ дѣтей, которыхъ дозволялось класть тайно въ окно. Содержаніе этихъ заведеній и кормилицъ возлагалось на доходы съ губерній. Въ Петербургѣ подобное заведеніе было устроено въ 1714 г., въ Москвѣ - мальчики

. . . .

воспитывались въ Андрониевскомъ, а дѣвочки въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Но во всѣхъ губерніяхъ эти учрежденія не успѣли возникнуть при Петрѣ В. Преемники его отдавали такихъ дѣтей, пришедшихъ въ возрастъ, на фабрики и въ частные дома. На воспитаніе же и образованіе этихъ питомцевъ ни въ Россіи, ни въ западной Европѣ почти не обращалось вниманія.

Воспитательный домъ въ Москвѣ 1763 года.

Но въ учрежденіи воспитательнаго дома въ Москвѣ Бецкимъ – эта цѣль уже предусмотрѣна, чѣмъ оно и отличается отъ предшествовавшихъ примѣровъ. Въ докладѣ по этому поводу Бецкій обращаетъ вниманіе на безчисленныя звѣрскія злодѣянія, совершаемыя надъ незаконнорожденными и необходимость сберечь для государства массу подданныхъ, ежегодно погибающихъ въ незрѣлые лѣта. Приносимыя дѣти по его мнѣнію должны быть съ выгодою и пользою воспитаны, что уменьшило бы число шатающихся по улицамъ и нищенствующихъ безстыдно молодыхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ полагалось создать третій или средній степень состоянія, котораго до сихъ поръ Россія произвести не могла, но который необходимъ для упроченія въ народѣ наукъ и искусствъ. Воспитательный домъ, открытый въ Москвѣ съ госпиталемъ для сирыхъ и неимущихъ родильницъ, долженъ былъ, по плану Бецкаго, „преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу новое воспитаніе и новое порожденіе." Предполагая, что питомцы воспитательнаго дома составятъ третій чинъ въ государствѣ, Бецкій желалъ дать имъ при-

личное воспитание и знание ремеслъ, чтобы потомъ они могли содѣйствовать своими знаніями, относящимися къ коммерціи, купцамъ и фабрикантамъ. Чтобы оградить ихъ отъ закрѣпощенія, питомцамъ запрещено было вступать въ бракъ съ крѣпостными людьми, а дѣти крѣпостныхъ, принесенныя въ дома, выкупались у помѣщиковъ. Обученіе въ воспитательномъ домѣ имѣло *профессіональный характеръ*; воспитанники распредѣлялись по способностямъ: къ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и простымъ работамъ. Такимъ образомъ имъ былъ открытъ доступъ въ университетъ и академію художествъ. Этотъ воспитательной домъ находился подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы и управлялся опекунами. Екатерина пожертвовала въ пользу дома 100,000 р., вел. кн. Павелъ Петровичъ 50,000 р. и ежегодно жертвовали по 10-80,000 р. Другіе жертвователи получали, за свои вклады, чины. На содержаніе домa опредѣлена была ¼ часть доходовъ съ общественныхъ удовольствій и съ картъ, которыя должны были клеймиться; но главная поддержка учрежденія состояла въ правѣ получать частныя суды и отдавать ихъ на проценты. Воспитательному дому дозволялось устраивать лотереи. Учрежденія Бецкаго вызвали достойныя похвалы въ иностранной литературѣ (Колотовъ, I, 75-80) и въ небольшомъ кругѣ мыслящихъ людей въ Россіи. И хотя желанія Бецкаго далеко не были достигнуты, но гуманныя начала, положенныя въ основаніе его учрежденій, были въ то время *новымъ словомъ* въ дѣлѣ народнаго воспитанія

1) Ибо сколько бѣднаго честнаго званія человѣкъ ни былъ отъ палки удаляясь, трудно и для того больше за чинами безъ памяти люди гоняясь,

въ Россіи. Дидро считался его попечителемъ; извѣстный филантропъ <u>Говардъ</u> посѣтилъ его. Въ библіотекѣ этого учрежденія были сочиненія Боннета, Декарта, Пуффендорфа, Локка, Вольтера и мн. др., а энциклопедія аккуратно высылалась сюда по назначенію Бецкаго.
Вліяніе идей Бецкаго не замедлило отразиться на законодательствѣ и дѣятельности правительства по этому вопросу. Оно старалось всячески смягчить отношенія духовенства и народа къ ни въ чемъ неповиннымъ младенцамъ - незаконнорожденнымъ (П.С.З. 12,033). Московскому воспитательному дому былъ отведенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ архіерейскій домъ съ церковью и дворомъ для незаконнорожденныхъ (12,926). О такомъ же учрежденіи сталъ Бецкій хлопотать и въ Петербургѣ; но тутъ его желаніе осуществилось только въ 1770 г. и сначала оно было только отдѣленіемъ московскаго воспитательнаго дома. Оно помѣщалось возлѣ Смольнаго монастыря, а въ пожертвованіяхъ на него принимали участіе императрица, нѣкоторые сановники и духовныя лица. Въ 1764 г. въ Московскомъ домѣ принято было 523 младенца, 1767 — 1,089. Всѣ они считались православнаго исповѣданія. Уходъ за дѣтьми практиковался по правиламъ доктора Санчеса. Но и въ русскихъ, какъ и въ заграничныхъ домахъ, вслѣдствіе скопленія, обнаружилась сильная смертность, заставившая прибѣгать къ раздачѣ ихъ по деревнямъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ открылись частные пріемные дома, изъ которыхъ дѣти доставлялись въ Москву и Петербургъ. (Пятковскій, <u>Вѣст. Евр. 1870 г</u> № 11, Спб. воспитат. домъ, Рус. Стар. т. XII, XIII.)

"дабы тьма защищаться", писалъ Московск. опекунъ Бецкому.

Матеріалы для ист. моск. восп. дома, т. 1863, I).

Смольный институтъ. Воспитаніе матерей семействъ, для той общественной реформы, какая предполагалась въ воспитательной системѣ Бецкаго, должно было занять видное мѣсто. Въ этомъ отношеніи Екатерина считала образцомъ учрежденіе, находящееся въ деревнѣ Сенсиръ, въ огромномъ версальскомъ паркѣ, въ верстѣ отъ Парижа, откуда она хотѣла имѣть и своихъ воспитательницъ. Такимъ образомъ 28 іюня 1765 г. состоялось уже открытіе Смольнаго института въ Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ, основанномъ Елисаветою на берегу Невы, съ церковью по проекту Растрелли. Имя свое это заведеніе получило отъ деревни Смольной, извѣстной дегтярными заводами. Пріемъ воспитанницъ сюда допускался отъ 6 лѣтъ до 10 подъ условіемъ полнаго интерната. Дворянское отдѣленіе института заключало 200 дѣтей, а мѣщанское – 100. Кромѣ общаго образованія (иностранные языки, исторія, географія, русскій языкъ), воспитанницы учились музыкѣ, живописи, вышиванію золотомъ и шелкомъ, пѣнію и танцамъ, домостроительству, но особенное вниманіе обращалось на правила благонравія и учтивости. Онѣ давали иногда драматическія представленія, причемъ, по совѣту Вольтера, изъ піесъ, дававшихся на сценѣ, обыкновенно исключались всѣ неприличныя мѣста[1] Мужскія роли разыгрывались въ длинныхъ фракахъ.[2] Сама Екатерина любила посѣщать это заведеніе, вела съ воспитанницами переписку и под-

---

1 Читали соч. Вольтера, Сумарокова и др. сборн. рус. ист. общ. XIII, 225-227.
2 Или въ длинныхъ русскихъ кафтанахъ Колотовъ I, 159.

В. Иконниковъ

держивала эти сношенія даже по выходѣ ихъ изъ заведенія (Колотовъ, I, 148-60. Зап. Дашковой. Письма Екатерины къ Левшиной, Рус. Арх. 1870 г. Зап. первой воспитан. смольн. инст. Г. И. Ржевской Рус. Арх. 1871).

Другія воспитательныя учрежденія. Съ преобразованіемъ въ 1764 г. академіи художествъ, при ней было учреждено воспитательное училище для мѣщанъ (П. С. З. 11, 275). Въ 1766 г. былъ преобразованъ сухопутный кадетскій корпусъ, при которомъ также является мѣщанское училище и еще въ началѣ царствованія Екатерины инженерная и артиллерійская школа была преобразована въ кадетскій корпусъ для дворянъ русскаго происхожденія (¾) и остзейскаго дворянства и дѣтей иностранцевъ (¼). Въ уставѣ сухопутнаго корпуса было обращено уже вниманіе на распредѣленіе воспитанниковъ по возрастамъ (5) и приготовленіе воспитателей и учителей изъ мѣщанскихъ дѣтей, воспитывавшихся въ корпусѣ. При преобразованіи корпуса было запрещено употребленіе тѣлесныхъ наказаній - правило, общее всѣмъ учрежденіямъ Бецкаго (истор. свѣдѣн. объ училищ. въ Рос. Арсеньева, Уч. Зап. Акад. Наук, I. Вороновъ, истор. спб. учеб. окр. I; Глѣбовъ, Артилл. инжен. кад. корпусъ въ царствов-е Екат. II, Арт. жур. 1863 г. № 11).

Болѣе широкимъ требованіямъ науки должны были удовлетворять старая Академія Наукъ и молодой Московскій университетъ.

Лекція 19-я

Наука и высшее образованіе въ началѣ царствованія Екатерины II. Академія наукъ по плану Петра В. должна была удовлетворять двоякой цѣли: учить и науки совершать т. е. она совмѣщала въ себѣ гимназію, университетъ и академію. Но постоянныхъ лекцій въ Академіи не было, отчего университетъ существовалъ почти номинально. Академическая гимназія не давала надлежащей подготовки въ особенности, когда съ учрежденіемъ кадетскихъ корпусовъ, дворяне стали туда отдавать своихъ дѣтей, академическія же учебныя учрежденія получали учениковъ изъ семинарій, по выбору, или „изъ подлыхъ", какъ говорили тогда. Въ самыхъ академическихъ гимназіяхъ при Елисаветѣ Петровнѣ были заведены аристократическіе порядки - для дворянъ, выражавшіеся въ особыхъ столахъ и обстановкѣ, какъ это было въ тогдашнихъ нѣмецкихъ гимназіяхъ и университетахъ, гдѣ титулы играли столь важную роль. Во 2-й половинѣ царствованія Елисаветы и въ началѣ царствованія Екатерины въ Академіи лекціи читали: по юриспруденціи и политикѣ - Штрубе-де-Пирмонтъ (по 1757 г., но продолжалъ писать), авторъ нѣсколькихъ сочиненій по исторіи законодательства; по исторіи права Георгъ Федоровичъ; по химіи - Ломоносовъ; по ботаникѣ Крашенинниковъ; по механикѣ - Крафтенштейнъ; по анатоміи и физіологіи - Бургаве. Знаменитый Эйлеръ руководилъ русскими учеными въ Берлинѣ (Румовскимъ и Котельниковымъ).

Но къ концу царствованія Елисаветы большею часть эти лекціи прекратились. Одинъ Браунъ велъ постоянный курсъ философіи. Академія, подвергшаяся деспотическому управленію своей канцеляріи, во главѣ которой стоялъ Шумахеръ, почти въ началѣ своего существованія стала пустѣть, лишившись лучшихъ своихъ силъ. „Большая часть приглашенныхъ изъ-за границы отказалась вступить въ академію, не желая быть лакеями въ передних Теплова и Шумахера," говоритъ Ломоносовъ. Въ то время какъ Университетъ имѣлъ не болѣе 17 студентовъ, а гимназія 50 учениковъ, кадетскій корпусъ, по словамъ Ломоносова, процвѣталъ. И докладъ Бецкаго Екатеринѣ 1767 г. подтверждаетъ, что хотя въ Россіи и существовали Академія Наукъ и другія училища, но почти никакихъ плодовъ отъ нихъ не было видно. Поэтому отправка русскихъ студентовъ за границу и теперь признавалась единственнымъ средствомъ для поддержанія ученаго достоинства академіи. Въ академіи шла ожесточенная національная вражда между русскими и нѣмцами. Чтобы поднять авторитетъ академіи, и Миллеръ, и Ломоносовъ признавали необходимымъ даровать ей широкую автономію, которою она и должна была пользоваться по регламенту Петра В.

Чтобы пріохотить къ академіи лицъ изъ высшаго сословія, Ломоносовъ полагалъ необходимымъ даровать студентамъ ея значительныя служебныя права, а Тауберть, занявшій мѣсто тестя своего, Шумахера, открылъ при академіи даже училище

съ цѣлью привлечь въ нее дворянъ. Уже въ 1766 новый президентъ Академіи, замѣнившій гр. К. Г. Разумовскаго, В. Гр. Орловъ, заявлялъ радость, что въ это время вступили въ академическую гимназію первые ученики изъ средняго дворянства — братья Хвостовы; но и они пошли потомъ въ военную службу. Такое печальное положеніе побудило правительство закрыть въ 1766 г. академическій университетъ. Еще въ началѣ царствованія Екатерины Разумовскій совѣтовалъ академикамъ прекратить распри между собою, наблюдая благопристойность и честь Академіи. Ломоносовъ получилъ даже отставку (1763 г.), но имп-ца остановила указъ сенату и сама посѣтила Академію, выслушала рѣчи, сказанныя по-нѣмецки и по-русски, а не по-латыни, какъ это было прежде. Она приняла отъ Миллера новыя изданія, а на другой день всѣ академики были во дворцѣ и цѣловали руку императрицѣ. Вскорѣ однако между Ломоносовымъ и Шлецеромъ возникли печальныя пререканія по поводу отъѣзда послѣдняго за границу, при чемъ Ломоносовъ требовалъ отобранія у него рукописей. Но Разумовскій сильно поддерживалъ Шлецера, воспитателя его дѣтей, и доставилъ ему званіе ординарнаго профессора. Уже тогда Разумовскій задумывалъ реформу Академіи, но это не состоялось по случаю отъѣзда его за границу, послѣ лишенія гетманскаго достоинства. Въ это время д'Аламберъ былъ избранъ въ почетные члены Академіи.

Ломоносовъ. Послѣ продолжительной борьбы со всѣми

невзгоды при Елисаветѣ, съ воцареніемъ Екатерины, для Академіи пробился также лучъ надежды. Подъ вліяніемъ непріятностей Ломоносовъ вынужденъ былъ подать Екатеринѣ собственное заявленіе о своихъ заслугахъ, хотя врагамъ его удалось на нѣкоторое время возбудить противъ него императрицу, которая, немного спустя, обезпечила его матеріальное положеніе. Ломоносовъ привелъ въ порядокъ академическую гимназію. Въ это время онъ издалъ свою „древнюю россійскую исторію" и работы по металлургіи. Екатерина сама посѣтила его и разсматривала его мозаичныя произведенія, наблюдала физическіе и химическіе опыты. Трудно было пробиваться тогда русскому ученому. Въ покояхъ цесаревича надъ Ломоносовымъ смѣялись, а нѣмцы, имѣвшіе тамъ вліяніе, не могли терпѣть его. Не стыдились обзывать его старымъ „<u>дуракомъ</u>". Онъ скончался 4 апр. 1765 г. и въ бумагахъ его найдена была собственноручная записка, слѣдующаго содержанія: „За то терплю, что стараюсь защитить <u>труды Петра Великаго</u>, чтобы выучились Россіяне, чтобы показали свое <u>достоинство</u>. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ". Но въ той же средѣ думали иначе. „Что дурака жалѣть", повторяли тамъ, „казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ" (Записки Порошина). Всѣ бумаги Ломоносова достались президенту Академіи В. Г. Орлову, объявившему опечатать его, а еще за годъ до смерти по его указанію снаряжена была экспедиція для отысканія пути изъ сѣвернаго океана въ

восточную Индію и Америку, дважды потерпѣвшую неудачу, но снова воскресшую въ наше время. (Солов. XXVI, 277-287. Пекарскій, П. Лапанскій, чт. М.О.И. 1865, I. Миллеръ, Извѣст. Евр. 1865. О Шауфертѣ, сборн. X, 21, 41; о его училищѣ чт. 1866, IV. Соп. Разумовскихъ, Васильчикова т. I о сѣверной экспед. у Галлиц. англич. въ рос., 219-224).

Г. Ф. Миллеръ и Августъ Шлецеръ. Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины возбудились надежды и въ другомъ членѣ Академіи - Миллерѣ, которому также не давали работать. Его многотомныя выписки изъ архивовъ оставались безъ употребленія; ему запрещалось писать по русской исторіи, такъ какъ видѣли въ его трудѣ профанацію русской національности. Теперь онъ издалъ свой „опытъ новой русской исторіи", которую началъ съ Бориса Годунова, до котораго довелъ свой сводъ Татищевъ. Авторъ критически относится къ источникамъ и надолго установилъ общую точку зрѣнія на личность Годунова. За нимъ остается и другая важная заслуга - онъ пріучилъ русскую публику къ серіозному журналу. Его „ежемѣсячныя сочиненія", (съ 1755-64 г) начались съ 500 и дошли до 1200 экземпляровъ. (Пекарскій Ист. Ак. Н., т I (біографія Миллера), разбор[illegible] сочи., Лимонтина, въ соврем., т. XXV-XXVI, Ф.Г. Мил., Соловьева, ibid. т. XLVII) Въ 1765 г. Миллеръ былъ перемѣщенъ директоромъ воспитательнаго дома въ Москву и затѣмъ получилъ въ свое вѣдѣніе главный арх. иностранныхъ дѣлъ и оказалъ большія услуги архивному дѣлу въ Россіи. Благодаря ему, появился въ Россіи Шлецеръ. Съ начала онъ былъ

домашнимъ учителемъ у Миллера и занимался въ пансіонѣ Разумовскаго, но вскорѣ изучилъ славянскій и русскій языки и заинтересовался русской исторіей и лѣтописями. Мрачными красками описываетъ Шлецеръ положеніе ученаго въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, гдѣ послѣднее ремесло считался болѣе полезнымъ, нежели наука. Только при Екатеринѣ сдѣлалось возможнымъ изданіе статистическихъ свѣдѣній и историческихъ памятниковъ, не навлекая гоненій и непріятностей со стороны духовенства и другихъ. Отказавшись ходить на помочахъ у Миллера, Шлецеръ занялся изученіемъ лѣтописей въ связи съ византійскими и славянскими источниками, пригодившимися ему потомъ для комментарій его «Нестора». Только участіе Екатерины спасло его отъ непріятныхъ дѣйствій его недоброжелателей. Онъ получилъ званіе ординарнаго академика (до того онъ былъ адъюнктомъ), достаточное содержаніе, право заниматься русской исторіей и временный отпускъ за границу. Но, по возвращеніи, онъ недолго оставался въ Академіи и предпочелъ профессуру въ Геттингенскомъ университетѣ. Онъ считалъ себя ученикомъ Вольтера, а современная нѣмецкая исторіографія признаетъ его отцемъ новѣйшей исторической критики (автобіогр. Шлецера, изд. Акад. Наукъ въ XIII т. Сборн. Ак. Н., Солов. въ Рус. Вѣстн. 1856 г., Бестужевъ Рюминъ, Истор. Вѣстн. 1881 г., Поповъ въ московс. сборникѣ). Благодаря Шлецеру при Академіи начато было изданіе лѣтописей (Ист. библ. т. I: древняя лѣтопись по Кенигсбергскому списку и Никоновская)

Леонардъ Эйлеръ. Екатерина много хлопотала, чтобы переманить въ Петербургскую Академію изъ Берлина

1) Кромѣ того онъ издалъ „Русскую Правду" Спб. 1676 и „объ избраніи королей въ Польшѣ" 27. 1764 г.

знаменитаго Эйлера, котораго не хотѣлъ отпускать Фридрихъ II и достигла своего желанія, причемъ окружила его всевозможными удобствами и почетомъ, вознаградивъ убытки, нанесенные ему русскими войсками въ Берлинѣ (1,200 р.) Сборн. X, 58, 67, 137. Перепис. Эйлера Чтен. 1866 IV, Пекарскій, I). Эйлеръ подалъ Екатеринѣ мысль объ отдѣленіи Академіи Художествъ отъ Академіи Наукъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, у него образовалась катарактъ. Операція ея снятія была неудачна и онъ почти не могъ ничего писать самъ. Тѣмъ не менѣе уже въ этотъ періодъ онъ написалъ свои «Элементы Алгебры» и три объемистые тома діоптрики, цѣлое интегральное исчисленіе; вычисленія кометы, солнечнаго затмѣнія и прохожденія Венеры въ 1769 г.; новую теорію луны и теорію мореплаванія и огромное количество статей. Екатерина щедро вознаградила его. Умиралъ въ 1783 г. Эйлеръ оставилъ Академіи 5 своихъ учениковъ (Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Ник. Фуссъ и др.), пользовавшихся извѣстностью. Три сына Эйлера оставались жить въ Россіи. Императрица старалась удержать, хотя и неудачно, извѣстнаго собирателя историческихъ и географическихъ матеріаловъ о Россіи Бюшинга (знаменитый «магазинъ»), когда его звали профессоромъ въ Геттингенъ (Сборн. X, 7-8); она вызывала Галлера для продолженія трудовъ по отечественной исторіи Іос. [illegible] (X, 173) и Беккаріи для своихъ законодательныхъ работъ (Сборн. X, 183).

Ученыя экспедиціи. Съ Академіею Наукъ тѣсно связаны ученыя путешествія, совершенныя членами

и лучшія цѣлью описаніе Россіи въ естественномъ, геграфическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Такъ были снаряжены 4 экспедиціи — двѣ Астраханскія и двѣ оренбургскія. Во главѣ первыхъ стояли Гмелинъ и Гильденштедтъ, вторыя, подъ начальствомъ Палласа, состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова, Озерецковскаго. Кромѣ своей прямой цѣли, они обязаны были обратить вниманіе на внутреннее устройство и недостатки русскихъ областей, на нравы и потребности жителей. Путешествіе ихъ продолжалось съ 1768 — 74 г. Оренбургскія экспедиціи осмотрѣли сѣверную, восточную и западную часть Россіи; Астраханскія — южную до персидскихъ областей и Персію до Кавказа и Грузіи и самыя эти страны. Описанія, составленныя членами экспедицій (изданныя на иностр. и рус. яз.), познакомили Россію и Западную Европу съ массою неизвѣстныхъ до того свѣдѣній о Россіи и странахъ, къ ней прилегавшихъ; они сдѣлали множество открытій въ естественномъ царствѣ и наблюденій; собрали множество областныхъ словъ, чѣмъ облегчили знакомство съ литературною терминологіею, заимствованною въ позднѣйшихъ трудахъ иностранными рѣченіями (Галаховъ, Ист. словесн. I, 536. Др. и нов. рус. Паллас, 1875). Мы знаемъ уже о неудачно окончившейся сѣверной экспедиціи. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ доносилъ объ открытіи и приведеніи въ подданство Алеутскихъ островковъ, совершенное казаками Васютинскимъ и Лазаревымъ, которые были произведены за это въ сибирскіе дворяне. При этомъ были присланы въ Петербургъ образцы тамошнихъ

растений, мѣховъ, одежды и др. вещей — „курьезныхъ", а также они хотили прислать и одного изъ тамошнихъ жителей; но Екатерина поставила въ условіе, чтобы это было сдѣлано добровольно, безъ малѣйшаго принужденія, и поручила спросить — не были ли прежде у этихъ островъ другіе Европейцы (П.С.З. 2,589).

Университетъ. На университетъ также отразилось вліяніе новаго духа. Съ 1767 г. въ немъ было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ. Конечно, это распоряженіе касалось русскихъ профессоровъ, но число ихъ при Екатеринѣ (съ 1765 г.) значительно возрасло: это были — Аничковъ (по философіи), Афонинъ (естеств. науки), Зыбелинъ (медикъ), Веніаминовъ (медикъ), Десницкій, Третьяковъ (юристы), Сырейщиковъ (по философіи), Браницевъ (тоже), Чеботаревъ (историкъ), Страховъ (физикъ) и др., большею частью побывавшіе уже за границею. Изъ прежнихъ профессоровъ, Рейхель этотъ впервые въ Россіи (1764–65) читалъ курсъ статистическаго содержанія, но только въ 70-хъ годахъ названіе этой науки было ... употребительнымъ. До 1764 г. въ юридическомъ факультетѣ былъ всего одинъ профессоръ — Дильтей, объявившій, что будетъ читать на французскомъ языкѣ приватныя историческія лекціи и будетъ обучать универсальной исторіи и хронологіи отъ сотворенія міра; цѣна каждаго курса — 10 руб., а бѣднымъ безплатно. Свой курсъ онъ напечаталъ и пустилъ въ продажу по 2 руб. за экземпляръ. Въ 1765 г. у него возникли большія непріятности по университету и его хотѣли удалить, но, по распоряженію императрицы, онъ былъ оставленъ

(Соловьев XXVI, 309–310). Въ 1764 г., по рекомендации Миллера, былъ вызванъ въ Россію К. Г. Лангеръ по статистикѣ и народному праву и оставался до 1774 г. Свои лекціи онъ излагалъ отлично, проводя, впрочемъ, ту мысль, что при оцѣнкѣ преступленій слѣдуетъ обращать вниманіе на ихъ мотивы, и возставалъ противъ пытокъ. Отъ него остался географическій словарь (3 части) на русскомъ языкѣ, 4 рѣчи и др. сочиненія. С. Рейхъ, бывшій фрейдъ, Аничковъ служили ему авторитетами въ изложеніи началъ политики. Съ 1765–66 г. читалъ въ университетѣ курсъ[1] философіи, бывшій студентъ Моск. университета Аничковъ, слѣдуя Вольфу, Винклеру, Баумейстеру. Ученый Маттеи трудился надъ описаніемъ греческихъ рукописей синодальной библіотеки. Ученіе новой шотландской школы принимали въ университетъ два ученика Глазговскаго университета, Щепинъ и Десницкій, ученики Блакстона, Юма, Фергюсона, А. Смита. Подъ вліяніемъ первого они внесли прагматическій элементъ въ русскую юриспруденцію. Ученія ихъ отличались многостороннимъ изученіемъ предмета и философскимъ направленіемъ. Они напечатали нѣсколько рѣчей и другихъ сочиненій. Въ медицинскомъ факультетѣ былъ также одинъ Керштенсъ, читавшій врачебное вещесловіе, но въ 1762 г. въ него вступилъ Эразмусъ, первый, открывшій каѳедру анатоміи, хирургіи и повивальнаго искусства, причемъ былъ устроенъ и анатомическій театръ, но помощія, не смотря на требованія университета и распоряженія начальства, трупов не доставлялось.

---

1. Въ концѣ царствованія Елизаветы въ Моск. университетѣ было на-

Переводы. Переводы въ университетскихъ изданіяхъ занимали видное мѣсто. Такъ въ 1768 г. проф. Барсовъ издалъ переводъ „Политическихъ Наставленій" Билфельда, сдѣланный по повелѣнію Екатерины II кн. Шаховскимъ; Чеботаревъ — «Краткую всеобщую исторію» Фрейера; Б. Каменскій — «Элементы новой философіи» Баумейстера. Дильтей издалъ нѣсколько сочиненій по исторіи права, также русскій географическій атласъ съ опытомъ географіи Россіи (Рус. Универ. въ связи съ ход. обществ. образ., Вѣст. Евр. 1876 г.)

Въ 1767 г., въ Москвѣ образовалось общество для перевода французской энциклопедіи (Соврем. 1857, N 7, смѣсь стр. 73), въ которомъ участвовали профессора университета и молодые люди нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій.

Еще 1735 года при Академіи Наукъ существовало россійское собраніе, имѣвшее своею цѣлью переводъ лучшихъ произведеній иностранной литературы на русскій языкъ, а потомъ такъ называемый переводческій департаментъ, издавшій нѣсколько цѣнныхъ сочиненій, преимущественно съ франц. языка. Гораздо шире эта задача поставлена при Екатеринѣ II. Она образовала особую коммиссію для переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, опредѣливъ на это изъ собственной шкатулки 5000 р. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимали, конечно, произведенія такъ называемой просвѣтительной эпохи, затѣмъ писателей классической древности и др. (Ист. Рос. Ак., Сухомлинова, т. I, 4-9). О результатахъ дѣятельности этой коммиссіи мы скажемъ въ слѣдующемъ періодѣ царств—ія Екат. II. Иногда въ переводчи-

---

... собрание ... 30-74 ... которомъ 4 готовились для театра. Солов. XXVI, 336.

зъ этимъ причинамъ участие и сената. По ея инициативѣ переводилась книга Гуго Гроція "о правѣ мира и войны" (1757), хотя 1-й томъ этого сочиненія пролежалъ 2 года въ синодѣ, куда онъ былъ отданъ для цензуры, и, лишь когда вышелъ 2-й томъ, вмѣстѣ съ первымъ — оба были тогда цѣликомъ печатаны (Солов. XXVI, 332).

<u>Дѣло о диспутѣ въ Московскомъ университетѣ</u>

Несмотря однако на такое направленіе общественной мысли, иногда и съ высоты университетской каѳедры вызывали некоторые преслѣдованія, порождавшія неприятные последствія. Въ такомъ видѣ представляется намъ дѣло о диспутѣ въ Моск. университетѣ (31 августа 1769 г.), предметомъ которого было сочиненіе Аничкова "О началѣ и происхожденіи натуральнаго богословія". Профессора, по большей части нѣмцы, упрекали автора за послѣдованіе мнѣніямъ Лукреція и заставили перепечатать сочиненіе. Оно встрѣтило также оппозицію со стороны московск. архіепископа Амвросія, находившаго въ немъ антихристіанскія мнѣнія и дерзость. Дѣло это доходило до синода и тянулось до 1787 г., когда было сдано въ архивъ; авторъ, [illegible] не могъ получить каѳедры ординарнаго профессора, несмотря на неоднократныя представленія конференціи университета. Тѣмъ [illegible] сама Екатерина относилась къ произведеніямъ Руссо и др. сочиненіямъ этого направленія. Въ позднѣйшее время надзоръ за иностранными книгами былъ возложенъ на Академію Наукъ и Университетъ (Сбор. VII, 315. [illegible] ак. Н. I Біографія Таубрта).

Русскіе студенты въ иностранныхъ университетахъ.

Другою школою европейской науки для русскихъ ученыхъ служили заграничные университеты. Еще со времени Елисаветы Петр. въ Кильскомъ универ. находилось нѣсколько русскихъ студентовъ. Въ началѣ цар-ія Екатерины 4 студента находились въ Англіи, другіе учились въ Упсалѣ, въ Кенигсбергѣ, Лейденѣ, Страсбургѣ[1]. Особенно часто сталъ посѣщаться при Екатеринѣ Лейпцигскій университетъ. Тутъ воспитывался В.Г. [illegible]овъ, и по возвращеніи его, рѣшено было отправить туда 12 студентовъ для изученія права (1766 г). Съ 1766 по 1770 г въ Лейпцигѣ находилось 15 человѣкъ, въ ихъ числѣ А.Н. Радищевъ, оставившій біографію одного изъ своихъ товарищей Ушакова (умершаго насильственною смертью въ 1768 г), и Кутузовъ, переводчикъ Мессіады и пріятель Карамзина. Біографія Ушакова даетъ прекрасный матеріалъ для оцѣнки вліянія современныхъ идей. Любимый ученикъ извѣстнаго Геллерта, Ушаковъ зачитывался Юма, Беккаріи, Локка, Гельвеція, на книгу [illegible] составилъ комментаріи, обрисовывающія [illegible] автора и значеніе въ то время [illegible] идей французской философіи. Біографія Ушакова богата цѣнными сужденіями о политическихъ и религіозныхъ вопросахъ, бывшихъ тогда

---

1. Въ [illegible] воспитывались сыновья гр. К.Г. Разумовскаго по окончаніи собственнаго пансіона, гдѣ преподавалъ Шлецеръ (назвавшій его: [illegible]), [illegible], изучавшій естественныя науки, [illegible] - русскій юристъ, перешедшій изъ Страсбурга въ Геттин-

въ ходу. Въ своихъ же комментаріяхъ Ушаковъ возставалъ противъ смертной казни. Впослѣдствіи уже, подъ вліяніемъ Руссо, Бейля и др., Радищевъ написалъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», проникнутое понятіями о равенствѣ, свободѣ и горячими тирадами противъ крѣпостнаго права. свое сочиненіе онъ посвятилъ Кутузову, а въ составленіи его Екатерина подозрѣвала еще другаго Лейпцигскаго студента Челищева (Библ. зап. 1859. Изв. Ак. Н. IX. Соврем. 1856, №8. Галаховъ, I, 535. Жиз. Ушак. въ сборн: 1806, II. О лейпц. студ. письма Зиновьева, Рус. Арх. 1870, 932. Сбор. Р.И.О., 107-131, 209. Рус. Арх. 1866, 445-452. Наша статья: Рус. универ. Инст. Евр. 1876 г.).

Другая колонія молодыхъ ученыхъ (5 чел.) была отправлена въ Геттингенскій универ., основанный въ 1735 г. и скоро заявившій себя систематическою борьбою противъ научной схоластики. Профессорами здѣсь были извѣстные ученые: Михаэлисъ, Гейне, Гаттереръ, Ахенваль, Гимбергеръ, Федеръ, Муррай, Вальхъ и др. Спеціально для изученія богословскихъ наукъ и восточныхъ языковъ за границу отправлено было (въ 1765) 12 учениковъ изъ семинарій, которые слушали лекціи въ Геттингенѣ, Оксфордѣ, Лейденѣ. Эти студенты предназначались на каѳедры для проектировавшагося богословскаго факультета въ Москвѣ; но онъ не осуществился, и они отправились учителями въ семинаріи; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ заявили себя трудами по исторіи и истор. церкви.

ченія (1760 г). Позже въ Страсбургѣ учились Д.И. Салтыковъ, Кн. Д.В. Голицынъ, Кн. И.Г. Щербатовъ, И. Рибопьеръ и др. Ученіе и ученики въ XVIII в. Шугурова. Рус. Арх. 1866, 304-324.

(Сол. XXVI, 216-19, Сухомлиновъ, Ист. Рос. Ак. I. Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II, Вѣст. Евр. 1873, №11, 300-317)
Религiозная терпимость и свобода мнѣнiя въ церковныхъ вопросахъ отразилась и на русскомъ питомцѣ Геттингенскаго университета, будущемъ епископѣ Дамаскинѣ (Семеновъ-Рудневъ, ст. бiограф. у Сухомлинова ibid). Препятствiемъ для открытiя вышеупомянутаго богословскаго факультета тогда, какъ и отчасти теперь, — были, конечно, тѣ узкiя условiя религiозной жизни, на какiя обречено было русское общество. Вѣра понималась не какъ извѣстное убѣжденiе, а какъ установленная форма. Такъ, вслѣдствiе цензурныхъ требованiй, не могъ быть изданъ переводъ обширнаго труда Тиллемона, извѣстнаго французскаго ученаго XVII в.: «Исторiя первыхъ вѣковъ христiанства», въ которомъ критически разсматриваются церковныя событiя. Переводъ этотъ сдѣланъ Павломъ Пономаревымъ, ученикомъ Моск. Духов. Академiи и Моск. университета, а впослѣдствiи архiепископомъ Амвросiемъ (Сухомлиновъ, I, 230-231).
Мы упоминали также о посылкѣ за границу купеческихъ дѣтей, для образованiя опытныхъ торговыхъ людей (Сборн. VII, 402. Рус. Стар. XIII).
Планъ публичной библiотеки. Въ 1766 г. въ Петербургѣ образовалось общество съ цѣлью учрежденiя публичной библiотеки (здѣсь), задуманной на весьма широкихъ основанiяхъ: она должна была состоять изъ русскихъ печатныхъ книгъ и рукописей, школы и типографiи; а члены ея должны были заботиться о переводѣ лучшихъ иностранныхъ сочиненiй на русскiй языкъ. Проектъ ея былъ составленъ В. М. Салтыковымъ; учрежде-

В. Иконниковъ

ми же и названы: гр. А. Строгановъ, И. И. Мелиссино, К. Крузе, кн. П. Голицынъ, кн. В. Лобанскій, кн. П. Хованскій, Ал. Волковъ, Ив. Миллеръ, гр. Н. Головинъ, Гр. Шиловъ, ст. Лопухинъ и др. (18 чел.). (Библіогр. зап., т. III, 69-80). Но учрежденіе этой библіотеки не состоялось. Въ молодости Б. М. Салтыковъ былъ агентомъ И. И. Шувалова въ Женевѣ, для сношеній съ Вольтеромъ, и писалъ его къ Шувалову настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ Делисахъ, тогдашнемъ пребываніи Вольтера (Сочинен. кн. П. А. Вяземскаго, V, 9).

Академія художествъ и искусства. Съ начала своего царствованія Екатерина обратила вниманіе и на Академію художествъ. Шуваловъ представилъ ей работы Академіи и картины Лосенка (Андрей Первозв.), учившагося въ Парижѣ, а также профессора исторіи живописи Торелли. Въ 1763 г. Шуваловъ составилъ «Учрежденіе Академіи художествъ», регламентъ и штаты. По отъѣздѣ его за границу[1] Академія была ввѣрена Бецкому, съ неограниченною властью[2]. Въ это время въ ней было 90 учениковъ и велись правильные классы. Директоръ Академіи избирался каждые 4 мѣсяца собраніемъ профессоровъ изъ ихъ среды, по баллотировкѣ. Во время торжественныхъ актовъ устраивались выставки картинъ и чертежей и

---

1. Шуваловъ провелъ за границей 14 лѣтъ (1763–77), живя въ Вѣнѣ, Парижѣ и Италіи и сохранивъ за собою только управленіе Москов. Унив. Б. Каменскій, V

2. На Ак. худож. расходовалось 20,000 р. изъ таможен. сбора и 6,000 р. изъ Штатсъ-конторы (П. С. З. 11,766). Уставъ. П. С. З. № 12,275.

присуждались премии (Слов. XXVI, 340-341). Преподавателями были иностранцы. Съ 1764: Бецкій завелъ при ней воспитательное училище для мальчиковъ, отъ 5 до 15 лѣтъ. Тогда же приступлено было къ постройкѣ зданія нынѣшней Акад. Шуваловъ прислалъ изъ Италіи старательно сформованныя гипсовыя формы античныхъ изваяній. Екатерина пожертвовала Академіи купленное собраніе картинъ у Лоррена и кн. Куракиной; а въ 1773 г. въ Акад. галлереѣ считалось уже болѣе 300 оригиналовъ, кромѣ рисунковъ, гравюръ, статуй, медалей и т. п. Для процвѣтанія гравировальнаго искусства приглашенъ былъ Вернье. Вообще при завѣдываніи Кокоринова, Академія находилась въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Заведены были классы: литейныхъ, золочильныхъ и столярныхъ ремеслъ. Искусства разбивались на отдѣлы: живописи, скульптуры, гравированія, архитектуры. Лучшіе окончившіе ученики посылались обыкновенно за границу. Изъ русскихъ скульпторовъ этого времени болѣе извѣстенъ Гордѣевъ; изъ граверовъ заслуживаютъ вниманія Соколовъ и въ особенности Евграфъ Чемесовъ, лучшій ученикъ Шмидта[1]. Въ продолженіе 6 лѣтъ (1759-65) онъ награвировалъ 14 портретовъ, но, несмотря на это небольшое количество работъ, Чемесовъ можетъ быть названъ лучшимъ русскимъ портретнымъ граверомъ 18 вѣка. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ манеру знаменитаго своего учителя. Лучшими изъ произведеній Чемесова считаются портретъ фельдмаршала Миниха, собственный портретъ Чемесова и превосходный портретъ императрицы Елисаветы

---

1. За портреты его работы платили 500-1500 р.

Петровны[1]! Замечательны также многія работы Чемесова резцомъ портреты Петра В., Елисаветы Петровны съ Токе, гр. Гр. Г. Орлова съ Ротари. Изъ другихъ учениковъ Шмидта известны: Я. Васильевъ, Грековъ, Виноградовъ и Герасимовъ. Въ 1762 г. Шмидтъ уехалъ въ Берлинъ, а въ 1765 г. умеръ и Чемесовъ, после чего граверный классъ Академіи сталъ падать. Впрочемъ съ 1762–68 г. при Академіи состоялъ хорошій граверъ Радигъ, приглашенный изъ Парижа. Въ 1767 г. приглашенъ былъ изъ Нюренберга ландкартный граверъ Ротъ; въ 1771 году выписанъ изъ Парижа Хенрикель для выгравированія статуи Петра В. (Фальконетта), съ рисунка Лосенка, но онъ сделалъ одну голову Петра (работы Калло), а статуя выгравирована была только въ 1774 г. и рисунокъ съ нея отосланъ въ Парижъ (Д. Ровинскій: Акад. Худож. до времени Екатерины II, Отеч. Зап. 1855 т. CII; Русскіе граверы и ихъ произведенія, М. 1870, стр. 40–50; работы Чемесова изданы также г. Ровинскимъ. Русскій граверъ Чемесовъ — геліографич. копіи съ его произвед., Спб. 1878 г. статья П. Н. Петрова въ Библ. для чт. 1860 г. №4). Изъ русскихъ портретистовъ известенъ былъ Антроповъ, написавшій для сената портретъ Петра III за 400 р. Портретъ Екатерины II былъ написанъ Датскимъ живописцемъ Эриксеномъ (Соч. XXV, 343). Была она представлена въ гвардейскомъ мундире на серой лошади въ моментъ вступленія своего изъ Петергофа въ Петербургъ, въ 1762 г. Его находимъ тутъ весьма сходнымъ. —

1- Есть портретъ Екатерины II [illegible]

(Порошинъ, 312). Въ 1771 г. Вольтеръ писалъ Екатеринѣ: „Я имѣлъ честь видѣть въ моей обители княгиню Дашкову. Вошедши въ мою гостиную, она тотчасъ же узнала Вашъ портретъ mezzo-tinto, тканый шатласъ и окруженный [illegible]. Ваше И. В. конечно получили такой же отъ г. Ласаля; это образцовое произведенiе искусства, которое процвѣтаетъ въ Лiонѣ, а скоро перейдетъ и въ Петербургъ, или въ Адрiанополь, или въ Стамбулъ, если дѣла будутъ идти такъ, какъ теперь" (здѣсь разумѣется турецкая война, сборн. рус. истор. общ. XIII, 122).

<u>ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА</u>. Чтобы почтить память Петра В., Екатерина приступила къ созданiю ему статуи, для созданiя которой былъ вызванъ, какъ мы знаемъ, <u>Фальконетъ</u> (см. выше стр. 234-237).

Вмѣстѣ съ Фальконетомъ прибыла въ Россiю его ученица, дѣвица <u>М. А. Колло</u>, служившая ему помощницею въ его работахъ надъ статуею Петра В. Сдѣланный ею бюстъ Дидро до того былъ похожъ, что Фальконетъ разбилъ тотъ бюстъ, который онъ передъ самъ сдѣлалъ съ Дидро. Она предлагала своему учителю такiя замѣчанiя на счетъ его проекта памятника Петра В., которыя имѣли огромное влiянiе на его сочиненiе. „Я обязанъ любезнѣйшей Колло превосходнѣйшими совѣтами, писалъ Фальконетъ Дидро; она заставила меня уничтожить [illegible] глупостей." Въ 1777 (?) она вышла замужъ за сына Фальконета, прiѣхавшаго тогда въ Петербургъ. Въ Россiи она выполнила нѣсколько превосходныхъ бюстовъ съ натуры: Екатерины II, вел. кн. Павла Петровича и кн. Гр. Орлова; Генриха IV и Сюлли [illegible] Екатерины; но самыя удачныя ея работы-

были бюсты Дидро и Фальконета, оставшіеся въ Россіи и принадлежащіе эрмитажной коллекціи. Главная же заслуга ея, безъ сомнѣнія, состоитъ въ созданіи проэкта головы для памятника Петра В. Въ моделѣ голова самого Фальконета не нравилась императрицѣ. Тогда вызвалась сдѣлать модель головы Колло, и Фальконетъ первый призналъ ея превосходство передъ своими. Импер-ца вполнѣ согласилась съ нимъ. Правда искусственные букли, какихъ Петръ, по своей простотѣ, никогда не носилъ, и лавровый вѣнецъ, надѣтыйся въ то время примѣчательно памятнику, непріятно рѣжутъ теперь глаза, но никакія недостатки не въ состояніи ослабить той силы и энергіи, какая запечатлѣна рукой художника на лицѣ Петра. Въ то время Колло имѣла всего 20 лѣтъ (см. біогр. Фальконета и Колло, В. В. Стасова, въ Древ. и Нов. Рос. 1877 г., № 4, 329-346, съ изображеніемъ бюста Фальконета, работы Колло, и портретомъ послѣдней; Сборн. Рус. Ист. Общ. XVII; Соч. Дидро и Фальконета, цитир. въ ихъ біографіяхъ)

Въ память дня рожденія Петра В. положено было основаніе Исаакіевскаго собора, задуманнаго еще Елисаветою, вмѣсто деревянной церкви, существовавшей при Петрѣ В. Въ началѣ 1768 г. было сдѣлано распоряженіе о заготовленіи мрамора и дикаго камня (13,066). Постройка ж была задумана въ стилѣ <u>византійскомъ</u> съ пятью главами и легкою колокольнею. Работы по постройкѣ собора должны были производиться вольными людьми (Сборн. X, 444). Но онъ не былъ оконченъ при Екатеринѣ. Знаменитый Растрелли уже сошелъ со сцены (1763 г.), а изъ русскихъ архитекторовъ въ это время упоминаются

братья князья Дмитрій[1] и Сергѣй Ухтомскіе, Мичурины, Баженовъ, Яковлевы и др. (Солов. XXVI, 341-42).
Въ это время Екатерина и стращила еще Европу своими замыслами; она приводила ее въ восторгъ (Сборн. V, 277) и вотъ Виттенбергскій Университетъ подноситъ ей дипломъ на степень доктора; Берлинская Академія Наукъ дипломъ на званіе почетнаго члена (1768), при чемъ члены ея желали „чтобы хотя нѣсколько лучей ея славы упали на нихъ“. Она отвѣчала имъ: „Вся моя наука заключается именно въ томъ, что всѣ люди-братья, и всю мою жизнь я проведу въ изученіи искусства поступать согласно этому правилу... Если я до сихъ поръ достигала чего, то благодаря именно этой истинѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ она препроводила въ Берлинскую Академію двѣ карты, недавно выполненныя въ Россіи: теченія Волги отъ Твери до Каспійскаго моря и карту Каспійскаго моря. (X, 280-82).

Лекція 20-я

<u>Отрицательное вліяніе французской образованности.</u> Мы видѣли, что уже во второй половинѣ царствованія Елисаветы французское образованіе стало быстро распространяться въ русскомъ обществѣ. Французскіе нравы были идеаломъ утонченности во всей Европѣ, и если царствованія Екатерины I, Анны Иванов., правленіе брауншвейгской фамиліи естественно

---

1. Строитель колокольни въ Троицкой-Сергіевской Лаврѣ.

служили проводникомъ нѣмецкихъ нравовъ, въ силу господства Нѣмцевъ въ высшей администраціи и обществѣ Россіи, то французскіе нравы стали настолько же прививаться при Елисаветѣ. Извѣстно, что Петръ В. готовилъ старшую свою дочь за одного изъ нѣмецкихъ принцевъ (Анна Петровна, вышедшая за Голштинскаго принца); другую Елисавету - за французскаго (о чемъ и велись уже переговоры), а поэтому ее преимущественно учили французскому языку. Но вліяніе французскаго языка и нравовъ явилось незамѣтнымъ при дворѣ, когда во главѣ придворнаго общества появились Воронцовы и Шуваловы, проникнутые французскими симпатіями. Уже въ это время поклоненіе франц. идеямъ и франц. общественности стало преобладающимъ. Мы знаемъ похвалы Вольтера импер-цѣ Елисаветѣ за ея покровительство фран. языку. И какъ ни была религіозна императрица Елисавета, она не въ силахъ была противодѣйствовать общ. ихъ стремленію.

Эту смѣсь русскаго, нѣмецкаго и французскаго элементовъ въ языкѣ и нравахъ прекрасно выразилъ Сумароковъ, завоевавшій уже себѣ первое мѣсто въ русской литературѣ, какъ драматическій писатель. Въ статьѣ журнала «Трудолюбивая Пчела», издававшагося въ Петербургѣ въ 1759, озаглавленной - «о истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка», Сумароковъ доказываетъ, что заимствованіе чужихъ словъ не обогащаетъ, а портитъ языкъ; что русскій языкъ такъ зараженъ этого ядомъ, что и теперь очищать его трудно, а если это обогащеніе продолжится, то и вовсе нельзя будетъ надѣяться на его очищеніе. «Сказывали мнѣ, говоря;

мъ, что нѣкогда Нѣмка московской нѣмецкой слободы говорила: „Mein мужъ кат долой, lief черезъ заборъ und fiel ins грязь!" Это смѣшно, да и это смѣшно: „Въ дистракціи и дезеспере, аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я ку сюръ противъ ривала своего буду реванжироваться"... „Но что еще больше портитъ языкъ нашъ, заключаетъ Сумароковъ, — это худые переводчики, худые писатели, а паче всѣхъ худые стихотворцы...."[1]

Въ другой статьѣ — „О несправедливыхъ основаніяхъ" — Сумароковъ глубже смотритъ на недостатки поверхностнаго образованія. Въ ней автору приходилось доказывать своимъ современникамъ такія элементарныя понятія, какъ необходимость уваженія къ ученому сословію и наукѣ въ обществѣ и необходимость основательныхъ знаній какъ для дворянъ, такъ и для людей военнаго званія.

Сумароковъ ратовалъ за національное воспитаніе противъ современныхъ французскихъ и нѣмецкихъ учрежденій въ Россіи (Порошинъ, 435). Борьба противъ иноземнаго вліянія выступаетъ на первый планъ уже въ концѣ цар—ія Елисаветы Петр. Но замѣчательно, что даже при болѣе глубокомъ пониманіи просвѣщенія, какимъ была проникнута императрица Екатерина, это раздвоени

---

1. Въ Запискахъ Порошина читаемъ: „Иные русскіе въ разговорахъ своихъ мѣшаютъ столько французскихъ словъ, что кажется будто говорятъ французы, и между французскихъ словъ употребляютъ русскія. Иные столь малосильны въ своемъ языкѣ, что все съ чужестраннаго отъ слова до слова переводятъ въ рѣчахъ и письмѣ и т. д. (слѣдуютъ примѣры) 14-15.

В. Иконниковъ

въ наукѣ національныхъ и иноземныхъ элементовъ съ солидностью продолжало существовать. Мы видѣли, что въ учебныхъ заведеніяхъ, возникавшихъ при Екатеринѣ, всюду удерживается раздѣленіе на дворянское и мѣщанское отдѣленія.

„Трудолюбивую пчелу" смѣнило (1760) „Праздное время, въ пользу употребленное". И здѣсь, въ статьѣ „Сонъ" Тимьтолена жалуется русской Палладѣ (т.е. Елисаветѣ) на господство иноплеменниковъ, которые не заботятся ни о процвѣтаніи языка и словесности, ни объ успѣхахъ русскаго просвѣщенія. „Подъ игомъ иноплеменниковъ науки процвѣтать не могутъ", говоритъ Сумароковъ, имѣя въ виду Академію Наукъ, съ которою онъ поссорился изъ-за цензуры и своихъ членовъ. Въ вышеупомянутой статьѣ (Сонъ) Сумароковъ выставляетъ на видъ нападки на Академію Наукъ и на новыя заведенія ученаго, проникнутыя иноземнымъ вліяніемъ (Рус. Арх. 1873 г.), а равно и на стараго президента Разумовскаго, „чуждаго истиннаго духа науки"; достается также и Тауберту - „прожорливому волку," и Шумахеру; но дань уваженія отдается Ломоносову. Впрочемъ болѣе рѣзкія сатиры, именно потому, что онѣ били на верхи, подвергались преслѣдованіямъ. Такъ, когда въ 1764 г. появилась сатира на франц. и рус. языкахъ, озаглавленная: „Каталогъ книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ," причемъ каждое заглавіе какой-нибудь книги относилось къ какому-нибудь высокопоставленному лицу, по его качествамъ[1]; то главнокомандующій

1. Напр. „Увѣнчанная добродѣтель"- соч. г-жи .... т.е. Екатерины II; „Искусство и средство нравиться"- соч. ея сына (Павла); „Энциклопедія"- соч. Панина; „Торжество Вакха"- соч. Бутурлина (фельд-

Москвы Салтыковъ донесъ объ этомъ импр-цѣ, какъ о своевольи и наглости молодыхъ людей, дерзнувшихъ распустить въ Москвѣ ругательныя сочиненія, въ которыхъ затрогивалось до 300 чел., подвергнувшихся такимъ образомъ „безчестію". Онъ предлагалъ сжечь эти пасквили рукою палача и императрица одобрила эту мѣру (Сборн. VII, 392, Рус. Арх. 1871 П.С.З. 2, 213). Вообще, виновные въ сочиненіи пасквилей строго наказывались (12,890).

Театръ. Еще при Елисаветѣ существовалъ въ Петербургѣ публичный русскій театръ, находившійся нѣкоторое время подъ дирекціею Сумарокова; кромѣ того здѣсь же былъ французскій театръ и опера подъ управленіемъ итальянца Локателли, представленія которой (на итал. языкѣ) иногда съ балетами, давались для публики. Въ Москвѣ театръ находился въ тѣсной связи съ университетомъ, и нѣкоторые изъ студентовъ готовились для театра. Въ канцеляріи университета производился выборъ женщинъ и дѣвицъ, желающихъ поступить на сцену (Солов: XXVII, 336-[illegible]). Тогда [illegible] знатныя персоны и дворянство приглашались въ университетскій театръ, а [illegible] у директора бывалъ для нихъ [illegible]. Это былъ вольный русскій театръ того же Локателли, подъ завѣдываніемъ Хераскова, впрочемъ скоро прекратившій свое существованіе (Лонгиновъ, Рус. театр. въ Петерб. и Моск., Сборн. Ак. Н. т. XI, 15).

[illegible]тартюфа); „Исторія прошедшаго времени" — соч. Шувалова; „Польза путешествій" — соч. Воронцова (канцлера); „Записки" — соч. Дашковой; „Никогда не бывать [illegible] такому" — соч. [illegible]вера (намекъ на [illegible] Петромъ III [illegible] [illegible])

Фонъ-Визинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ для представленія куратору университета Шувалову, пришелъ въ восторгъ отъ русскаго театра на которомъ, впрочемъ, шла переводная пьеса (Генрихъ и Пернила Гольберга). Онъ восхищался извѣстнымъ тогда актеромъ Ѳ. Г. Волковымъ (+ 1763)[1], шутки котораго заставили его забыться и хохотать до потери всякой благопристойности. Потомъ онъ познакомился съ нимъ у своего дяди и отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ съ глубокими познаніями, не уступавшемъ государственному человѣку. Здѣсь же онъ познакомился и съ другою театральною знаменитостью – Ив. Аѳ. Дмитревскимъ. Но, когда въ 1763 г. Ф.-Визинъ написалъ сестрѣ, что у него былъ этотъ артистъ съ женою, то отецъ отвѣчалъ ему, что это предосудительно для дворянина (Соч. Ф.-Визина, изд. Ефремова, 367)[2]. Но въ придворной средѣ и въ средѣ поклонниковъ франц.

---

1. При вступленіи на престолъ Екатерины братья Ѳ. и Г. Волковы были пожалованы въ дворяне и получили 700 д. крестьянъ. (см. выше стр. 88).

2. Дмитревскій былъ первымъ актеромъ, членъ Вольнаго Экон. Общ., Рос. Академіи и др.. Онъ родился въ 1736 г. и началъ свое театральное поприще въ Ярославлѣ, вмѣстѣ съ основателемъ русскаго театра, Волковымъ, участвуя въ женскихъ роляхъ. Въ этихъ ролях онъ появлялся въ 1752 и въ Петербургѣ. Получивъ образованіе въ Ярославской семинаріи, онъ изучилъ потомъ и как...скихъ иностр. языка: французскій, нѣмецкій и италіанскій. Въ 1765 г. Екатерина для усовершенствованія въ театральномъ искусствѣ отправила его за границу. Тогда онъ посѣтилъ: Голландію, Францію и Германію. Въ Парижѣ И. И. Шуваловъ познакомилъ его съ Лекеномъ, Брizаромъ, г-жами Дюменилъ и Клеронъ. Вмѣстѣ съ Лекеномъ онъ отправился въ Лондонъ, чтобы увидать знаменитаго Гаррика. Однажды за ужиномъ, Гаррикъ, желая показать свое искусство, измѣнилъ до того черты своего

литературы и иностраннаго театра существовало предубѣжденiе противъ русскаго театра и его актеровъ, которое высказывалъ велик. кн. Павелъ Петровичъ Порошину, называя ихъ просто «комедiантами». Въ началѣ цар-iя Екатерины въ Петербургѣ и Москвѣ давались оригинальныя и переводныя пьесы Мольера, Вольтера, Лафона, Гольберга, Буасси, Пуассона и др.)(1)

Въ 1765 г. Въ Петербургѣ открылся на непродолжительное время частный народный театръ, подъ открытымъ небомъ, за дешовую плату, въ которомъ любителями, преимущественно

лица, что одна половина его казалась веселою, а другая - печальною. Дмитревскiй удивлялся и восхвалялъ его, но вдругъ поблѣднѣлъ и съ судорожными движенiями упалъ съ кресла. Гаррикъ и Лекенъ встревожились, но смѣхъ Дмитревскаго вывелъ ихъ изъ заблужденiя. Возвратившись въ Парижъ, онъ игралъ на театрѣ герцогини Виллеруа роли Гусмана въ Альзирѣ и Оросмана въ Заирѣ, вмѣстѣ съ Лекеномъ. Въ 1767 г. онъ вторично отправился во Францiю для приглашенiя францyз. актеровъ. Актеромъ онъ оставался по 1787 г, а въ послѣднiй разъ игралъ на сценѣ въ 1797 г. Ему принадлежитъ нѣсколько переводовъ и передѣлокъ съ иностранныхъ трагедiй, комедiй и оперъ и похвальное слово Сумарокову. Бантышъ Каменскiй, словарь достопамятныхъ людей II, 224-227.

Во время второй поѣздки своей за границу, Дмитревскiй, будучи въ Лейпцигѣ, отдалъ въ руки Вейсе свои сочиненiя: Извѣстiе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ, напеч. въ нѣм. переводѣ, въ 1768 г., и „Исторiю рус. театра", оставшуюся неизданною. (Лонгиновъ, рус. театръ Сборн. Ак. Н. XI, 25) ср. Библiограф. Зап., III, 609-633 и Матерiалы для исторiи рус. лит. П. А. Ефремова, С. Петерб. 1867.

1. Кромѣ того, были напечатаны: „Менехмы" Реньяра (перев. Лукина), „Ревнивый" Кампистрона (перев. Лукина), „Щеголеватый скороходъ",

листировыми, какими были Мольера и Гольберга. Изъ русскихъ въ этомъ періодѣ известны были: Лукина: — «Мотъ любовью исправленный», «Награжденное постоянство», «Щепетильникъ»; Ельчанинова: «Наказанная вертопрашка» въ рядѣ соч. Сумарокова и, какъ полагаютъ, «Бидоны», Княжнина. Въ оперѣ давались: «Карлъ Великій», «Ифигенія въ Тавридѣ», соч. Коллеллини, музыка Галуппи (Сумк. XXVII, 337 и Лонгинов. 24). Существовалъ театръ и въ Ярославлѣ, — родинѣ первыхъ русскихъ актеровъ (Порошинъ 101).[1]

Въ спискѣ переводовъ 1764 г. встрѣчается уже имя Фонъ-Визина и именно онъ передѣлалъ изъ Грессе комедію «Сидней», подъ заглавіемъ «Корионъ» (напечат. въ Библіот. для чтен. 1835 г.), а въ 1766 онъ читалъ Екатеринѣ II свою рукопись комедіи «Бригадиръ», съ которой начинается новый періодъ въ исторіи рус. театра.

Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ. Фонъ-Визинъ (род. 1744) получилъ образованіе въ Москов. гимназіи и Университетѣ (при Елисаветѣ), и былъ въ числѣ первыхъ его учениковъ; но по отзывамъ его, преподаваніе въ гимназіи шло крайне плохо: [illegible] ученики [illegible]

Мольера, «Притворная больная». Детуша, «[illegible]». [illegible] Гольберга (Херн. «Картуша», «Лондонскій купецъ», Вольтера (его же), «Новый ученый» Лессинга (его же), [illegible] Гольберга (его же). [illegible] за (его же), «Сенека» Клейста, «Хлѣбосольный отецъ», Дидро, и др.

Дирекціями ведали [illegible]: бар. Сиверсъ, а съ 1768 И. П. Елагинъ.

1. О придворномъ театрѣ см. также: Арапова, Лѣтопись рус. театра, Спб. 1861; Драматическій Словарь, Новикова, 1787 (второе полное изданіе Спб. 1831 г.)

на экзаменахъ по пуговицамъ, указываемымъ учителемъ и даже получившіе медали не знали, куда течетъ Волга), причиною чего были отчасти лѣность учениковъ, но еще больше нерадѣніе и пьянство учителей"[1]; однако онъ же говоритъ, что въ слѣдующій періодъ состояніе университетскаго училища значительно улучшилось. Удостоенный медали, онъ былъ награжденъ вмѣстѣ съ нею капральскимъ чиномъ. Тѣмъ не менѣе Ф.-Визинъ считалъ себя обязаннымъ въ своемъ образованіи Университету. Здѣсь онъ хорошо выучился по-латыни и нѣмец. языку, а больше всего онъ получилъ тутъ, по его собственнымъ словамъ, вкусъ къ словесности. Въ 1760хъ годахъ при университетѣ издавалось нѣсколько журналовъ, по разнымъ наукамъ, въ которыхъ принималъ участіе Д. Фонъ-Визинъ и его братъ. ("Полезное Увеселеніе" Хераскова, 1760-62; "Собраніе лучшихъ сочин." Рейхеля, "Доброе намѣреніе" 1764 г). Въ 1761 г былъ напечатанъ его переводъ басенъ Гольберга; затѣмъ появились: "Жизнь Сифа, царя египетскаго", Террасона, "Превращенія" Овидія, "Посланіе къ слугамъ моимъ"; перев. соч. Кларка: "Доказательства бытія божія" и др. Еще въ 1762 г Ф. Визинъ зачисленъ былъ переводчикомъ въ иностранную коллегію, гдѣ успѣлъ обратить на себя вниманіе канцлера Воронцова, доставившаго ему возможность побывать за границею, а потомъ онъ служилъ при статсъ-секретарѣ Елагинѣ, велъ борьбу съ своимъ литературнымъ противникомъ и сослуживцемъ Лукинымъ. Въ 1770 г. онъ поступилъ

---

1. Примѣры тогдашней педагогической дѣятельности въ этомъ отношеніи см. въ статьѣ Шугурова: "Ученіе и ученики въ XVIII в." Рус. Арх. 1866 304-324.

секретаремъ къ Панину, у котораго пользовался вліяніемъ надъла (къ нему обращаются за содѣйствіемъ такія лица, какъ Бибиковъ, Сальдернъ, Штакельбергъ, кн. Н. В. Репнинъ, гр. И. А. Остерманъ, Обрѣзковъ, Мусинъ-Пушкинъ и др. Полное соб. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. V, Фонъ-Визинъ Спб. 1880 г., стр. 43). Свою жизнь онъ изложилъ въ извѣстномъ „Признаніи", нѣчто въ родѣ исповѣди Руссо. Намъ предстоитъ еще коснуться его литературной дѣятельности въ слѣдующемъ періодѣ. Его первое произведеніе „Бригадиръ" выражало тоже недовольство внѣшнимъ европеизмомъ, на который намъ приходилось указывать выше. Типы, выведенные въ немъ, могутъ быть раздѣлены на добронравныхъ и порочныхъ, а благонравіе составляетъ главную цѣль воспитанія, по мнѣнію автора. Самыя имена дѣйствующихъ лицъ (Добролюбовъ, Правдинъ и т. п.) указывали задачу произведенія. Но главный интересъ пьесы сосредоточивался, конечно, на современныхъ явленіяхъ. „Иванушка", — баловень своей матери, представляетъ отрицательный типъ современнаго воспитанія. Воспитанный въ пансіонѣ, содержимомъ франц. кучеромъ, а потомъ въ Парижѣ, Иванушка влюбляется въ совѣтницу, находя единственный недостатокъ въ ней — это то, что она русская. Послѣдняя же выражаетъ претензіи новыхъ женщинъ: кокетство, страсть къ модамъ и легкость во взглядахъ на супружескія обязанности. Совѣтникъ — современный судья подьячій, нажившійся взятками, противъ которыхъ такъ громко ратовали первые указы Екатерины II. Впрочемъ современные подьячіе и взятокъ не брали, и дѣла не дѣлали, ибо многіе не знали даже грамматики. Такимъ образомъ содержаніе

комедія вовсе не соотвѣтствовало своему заглавію; пьеса часто переходитъ въ каррикатуру, хотя и не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго», замѣчаетъ Вяземскій. На счетъ Бригадира Панинъ (Н.И.) выражался: «она всѣмъ родня, никто не можетъ сказать, чтобы не имѣлъ [illegible] подобной или бабушки, или тетушки, или какой-нибудь свойственницы». И онъ же назвалъ эту комедію — первою въ русскихъ нравахъ. Въ свое время она имѣла громадный успѣхъ на сценѣ, чѣмъ и объясняется этотъ поворотъ въ области русскаго драматическаго искусства, къ которымъ относится это произведеніе (Галаховъ, 411-414; Драматич. Словарь 1787 г. стр. 28.).

Театральная публика. Современные журналы и писатели сохранили намъ нѣсколько интересныхъ подробностей о театральныхъ нравахъ того времени. Въ сатирическомъ журналѣ 1769 г. — «Всякая Всячина» — читаемъ: «Наши дворяне и большая часть молодыхъ людей такъ чрезвычайно большіе охотники до театральныхъ представленій и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театръ и съ нетерпѣливостью дожидаются [illegible] большое [illegible], [illegible], или представленія. [illegible] [illegible] [illegible] и несогласіяхъ [illegible], нѣкоторыя [illegible] главныхъ героевъ [illegible], [illegible] [illegible]. Какъ [illegible], Ле-Сажъ, или [illegible], Ларжильера и пр. [illegible] [illegible], [illegible], [illegible] — составляютъ [illegible] многочисленныхъ разговоровъ». Игра франц. актеровъ и русскихъ сценическихъ

В. Иконниковъ

-шего пера плоды, а коли мало, такъ, конечно, [illegible] правленные. Началась комедія. Первое дѣйствіе до конца пр[illegible] шумѣли, хохотали, [illegible] и табакъ нюхали, два главные рускаго языка ненавистники - [illegible]овъ и Чушевановъ(?), разносили по партеру пролог[illegible], сказывая зрителямъ, что весьма ихъ жалко, терпя представленный вздоръ слушать. Второе дѣйствіе побудило зрителей ко вниманію, а въ послѣдующихъ была тишина, рѣдко случающаяся. Сверхъ(?) въ противоположность желаніямъ моихъ ненавистниковъ, комедія большій успѣхъ имѣла, нежели я уповать могъ. И лучшимъ(?) [illegible] на сцену подобныхъ [illegible]торовъ въ одной изъ своихъ пьесъ.

Въ 1769 г. Бельмонти и Чинти получили пятилѣтнюю привилегію на содержаніе въ Москвѣ рускаго театра, при чемъ Сумароковъ заключилъ съ ними условіе, что безъ его согласія они не будутъ давать его пьесъ въ театрѣ, такъ какъ онъ желалъ, чтобы его произведенія появлялись на сценѣ только тогда, когда онъ убѣдится, что они хорошо разучены актерами. Въ 17[illegible] Сумарокова упросили разрѣшить поставить на московской сценѣ „Синава“. Онъ далъ свое согласіе, но потомъ раздумалъ по причинѣ неудачныхъ репетицій. Это такъ раздосадовало московск. главноком. гр. П. С. Салтыкова, что онъ въ гнѣвѣ бросился изъ-за кулисъ на сцену къ Бельмонти во время представленія. Его неожиданное появленіе здѣсь заставило съ [illegible] изъ актеровъ потѣшить публику. Послѣ этого онъ велѣлъ сыграть пьесу въ другой день. Сумароковъ отъ волненія захворалъ и не показался въ театрѣ; актеры исполняли свои роли весьма дурно, а публика шумѣла, шикала и свистала. По поводу этого печальнаго случая Сумароковъ написалъ свою знаменитую элегію

въ которой сумѣлъ всю свою досаду на оскорбителей его излить и съ которой онъ обращался за утѣшеніемъ къ Елисаветѣ, Екатеринѣ и Вольтеру (Д. Дмитріевъ, Рус. театр. публика во времена Сумарокова. Древн. и Нов. Рос. 1875, № 3, стр. 312-316).

Екатерина сама прочитывала пьесы Сумарокова, назначенныя для представленія въ театрѣ, и по поводу послѣдней исторіи у нея возникла даже переписка съ нимъ. Сумароковъ жаловался на самоуправство Бельмонти и Салтыкова, но Екатерина отвѣчала: « Фельдмаршалъ желалъ видѣть трагедію вашу, сіе вамъ дѣлаетъ честь. Пристойно было въ томъ удовольствовать перваго на Москвѣ начальника. Если же гр. Салтыковъ заблагоразсудилъ приказать играть, то уже надлежало безъ оговорокъ исполнить его волю. Вы больше другихъ, чаю, знаете сколь много почтенія достойны заслуженные, славою и сѣдиною покрытые мужья и для того совѣтую вамъ впредь не входить въ подобные споры, черезъ что сохраните спокойствіе духа для сочиненія и мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленія страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ. На отвѣтъ же Сумарокову она сказала: „ Напишите ему, что письма его много получены, что я на нихъ отвѣтствовать не буду, для того, чтобы ссоры съ нимъ писемъ ему не наносили снова досады и что впрочемъ желаю ему здравствовать и не лишиться жизни, здоровья и ума, какъ онъ то пишетъ ко мнѣ. «

Бельмонти и Чинти получили право давать всякія пьесы, на какомъ языкѣ пожелаютъ съ соблюденіемъ только <u>строгой благопристойности</u> и съ тѣмъ, чтобы новыя пьесы были напередъ просмотрѣны <u>цензурою</u>. (Сборн. русск. истор. общ. XIII, 13-18).

Нравы общества. Нравы современнаго общества представляли благодарный матеріалъ и для сатиры, и для комедіи, которая достигаетъ при Екатеринѣ II вполнѣ національнаго характера и глубины воззрѣній. Сатирическихъ журналовъ и вообще этого направленія намъ придется коснуться въ изложеніи слѣдующаго періода (1769-74), какъ болѣе богатаго этого рода произведеніями.

Не смотря на Академію Наукъ, университетъ, гимназіи, кадетскіе корпуса и т. п. учрежденія, дворянство далеко еще не было грамотнымъ. Яснымъ доказательствомъ тому служатъ наказы дворянскихъ депутатовъ коммиссіи Уложенія. Почти въ каждомъ изъ нихъ встрѣчается нѣсколько неграмотныхъ дворянъ въ офицерскихъ чинахъ, не говоря о вахмистрахъ и солдатахъ. Въ нѣкоторыхъ наказахъ число неграмотныхъ подписей не ограничивается цифрою 8, 9, 10, а достигаетъ 80 на 49 (въ Наказѣ михайловскихъ дворянъ). Гораздо болѣе образовательный элементъ замѣчается въ малороссійскомъ дворянствѣ (Р. Славатинскій, 178-79), отчасти подъ вліяніемъ Польши и болѣе близкаго вліянія Западной Европы. За то тѣмъ шире прививалась внѣшняя цивилизація и подражательность, свойственная младенческимъ культурамъ. Интересный матеріалъ въ этомъ родѣ представляютъ мемуары извѣстнаго авантюриста Казановы, пребываніе котораго въ Россіи относится къ 1765-66 г. (Брюс. 6 т. 1826-28, Рус. Стар. 1874, IX, 533-61). «При поѣздкѣ изъ Россіи въ Петербургъ, говоритъ онъ, я позволилъ стать сзади моей кареты бѣдному французу-лакею, который за это служилъ мнѣ безплатно. Спустя три мѣсяца послѣ того, я былъ не мало удивленъ, увидѣвъ его восмъ себя за столомъ, у гр. Чернышева,

въ качествѣ гувернера при сынѣ его. Въ домахъ знатныхъ людей все было поставлено на французскій ладъ, столъ, напитки, удовольствія. Игра въ фараонъ[1] была въ большомъ ходу, при чемъ проигрывали безъ зазрѣнія и выигрывали безъ хвастовства. Сразу проигрывали по 10,000 р. и болѣе, но неплатежа долговъ не считали за безчестное*. Волковъ въ своемъ письмѣ гр. Г. Г. Орлову говоритъ: «Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ (т.е. при Петрѣ III) положить пришло зубы на полку, если бы я не игралъ очень счастливо и не выигралъ около 8,000 р., чему весь дворъ свидѣтель». (Рус. Стар. XI, 485). Державинъ поправилъ свои обстоятельства, благодаря неожиданному выигрышу 40,000 р. — (см. Записки). Екатерина воспретила большія, азартныя игры (П. С. З. 11,677) и карточную игру вообще (12,263), увеличила пошлину на привозныя карты (12,530); наконецъ повторила законъ объ уничтоженіи карточныхъ долговъ и запретила неотдѣленнымъ дѣтямъ, при живомъ отцѣ, отдавать въ долгъ (12,593).[2] Казанова замѣчаетъ, что французскія книги въ большомъ почетѣ у русскихъ, особенно сочиненія Воль-

---

1. Такъ названа потому, что на одной изъ картъ было изображеніе фараона. О крибедже и др. карточныхъ играхъ того времени см. "Два письма изъ царств-ія Екатерины II" Рус. Вѣст. 1870, № 9 и 10.

2. Въ 1763 г. Екатерина писала гр. Салтыкову: «До меня доходятъ непріятные изъ Москвы слухи: начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной карточной игры. Вы сами знаете, что такія непомѣрныя игры ни къ чему иному не служатъ, какъ только къ совершенному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревенскихъ фабрикантовъ». Афанасьевъ, Русскіе сатирическіе журналы 217.

ра, которыя для московита представляютъ всю французскую литературу. Великій писатель посвятилъ Импер-цѣ свою "философію исторіи", о которой онъ самъ отзывался, какъ о сочиненіи нарочно написанномъ для Екатерины. Мѣсяцъ спустя послѣ выхода 3,000 экземпляровъ этого сочиненія, оно было импортировано въ Россію и раскуплено на расхватъ въ одну недѣлю. Каждый русскій, читавшій по-французски, носилъ его въ своемъ карманѣ, словно молитвенникъ или катехизисъ. Люди высшаго круга только и бредили Вольтеромъ и клялись его именемъ. Прочитавъ его, они считали себя обладателями историческихъ знаній, вовсе не думая изучать тѣ источники, которыми онъ пользовался".

Роскошь увлекала къ полному разоренію. Тотъ же Казанова свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ всѣ болѣе или менѣе извѣстные дома были открыты и ничего не стоило проникнуть въ нихъ. Тоже самое повторяетъ Белькуръ въ своихъ запискахъ (Древ. и Нов. Рос. 1875, N 11). Этотъ французъ конфедератъ, тотчасъ по прибытіи изъ Сибири въ Москву (1774), представился главнокомандующему столицею, кн. Волконскому, который далъ ему квартиру въ домѣ кн. Одоевскаго и приказалъ доставлять ему и его спутникамъ все необходимое. Белькура онъ приглашалъ къ своему столу на все время пребыванія его въ Москвѣ, "и я, прибавляетъ авторъ воспоминаній, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принималъ это приглашеніе, что столъ у него былъ хорошій и особенно отличался прекрасными винами всякаго рода, и что домъ его вообще былъ гостепріимный". Русскій офицеръ Васильевъ тоже хвалитъ гостепріимство Волконскаго (Зап. Васильева въ Румянц. муз. № 280). Въ противоположность

этому стоитъ припомнить отзывъ Фонъ-Визина въ его письмахъ изъ заграницы о томъ, какъ «скаредно» принимали его даже богатые люди въ Италіи и Франціи. Въ то время какъ Бельбуръ такъ ласкали русскіе (гр. З. Гр. Чернышевъ предложилъ даже ему вступить въ русскую службу), французскій повъренный въ дълахъ (Дюранъ) отказалъ ему въ денежномъ пособіи для возвращенія во Францію. „Иностранныя книги, иностранный ученый" были уже фирмою для достиженія цъли въ Россіи и сама Екатерина не была чужда этого увлеченія. Такъ, приглашеніе извъстнаго экономиста де-ла-Ривьера окончилось, какъ мы видъли, самымъ комическимъ образомъ (Сборн. X, 240-42).

Воспитаніе. Еще въ 1757 г. Мессельеръ, состоявшій въ свитъ франц. посольства въ Петербургъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ отзывался о французскихъ учителяхъ и воспитателяхъ, находившихся въ Россіи. Это были большею частью, бъглецы, спасавшіеся отъ преслъдованія закона, банкруты, развратники и даже женщины дурного поведенія, побывавшія въ передълкахъ у парижской полиціи (Рус. Арх. 1874, I, 973). Понятно, какое воспитательное вліяніе могли имъть подобныя лица. Бельбуръ также не хвалитъ этотъ разрядъ людей. «Дворянинъ, который желаетъ быть свътскимъ человъкомъ, говоритъ онъ, долженъ имъть датскую собаку, скорохода, много прислуги (дурно одътой) и француза-учителя. Большее число такихъ учителей не принимаетъ очень высокаго размъра ихъ вознагражденія. Но, къ сожалънію, въ выборъ этихъ людей мало обращаютъ вниманія на достоинства. Хотятъ имъть француза и берутъ того, какой случится. За то вслъдствіе дурного выбора учителей и жалованія, которое не поощряетъ ихъ къ усердію въ этомъ званіи, гораздо меньше

убираньемъ, чѣмъ бы слѣдовало, понадаются люди съ пошлостями и манерами нашихъ парикмахеровъ и лакеевъ".
Вотъ отзывъ того же Белькура о русскихъ женщинахъ: "Дамы русскія, побывавшія въ Парижѣ, по большей части усвоили себѣ дурной тонъ нашихъ француз. модницъ и привезли съ собою въ Россію. Хорошаго же тона онѣ и пріобрѣли и весьма далеки отъ этой цѣли, какъ въ отношеніи пріятнаго разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обращеніи и въ туалетѣ. Другія дамы, не бывавшія за границей, хотятъ подражать тѣмъ, которыя подышали воздухомъ Франціи; но имъ удается усвоить только дурное. Какъ ни стараются онѣ хорошо одѣваться, у нихъ все выходитъ не складно. Три-четыре косынки, однѣ безъ вкуса, дѣлаютъ ихъ похожими на кормилицъ, нарядившихся въ дѣтскія пеленки. А то, что открываютъ грудь, переходя предѣлы приличія... Здѣсь открыто говорятъ, что такой-то господинъ живетъ въ связи съ такой-то дамой... Къ тому же онѣ любятъ вино и крѣпкіе напитки... Какъ мужчины, такъ и дамы очень жестоки со своими рабами. Послѣдніе, не рѣшаясь мстить силою, нерѣдко прибѣгаютъ къ отравѣ".
Долги. Екатерина жаловалась на массу должниковъ, находившихся въ тюрьмахъ, въ которыхъ не хватало уже мѣстъ (VII, 237). Долги гр. Андр. П. Шувалова побудили отобрать всѣ его заводы въ казну, причемъ одинъ его долгъ заемному банку равнялся 300,000 р. (ib. 326). Извѣстный Гѣбовъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ нажить 225,000 р. долгу, причемъ содержаніе его пасынка обошлось ему въ 20,000 р. (VII, 347). Не смотря на банкротства и взысканія побаи

ковымъ долгамъ, Екатерина разрѣшила однако выдать сфар-шалу Разумовскому 80,000 р. безъ процентовъ (ib. 229); Волковъ состоялъ должнымъ банку 15,000 р. (ib. 485). Знатные дворяне, жившіе за границей, впадали въ неоплатные долги, такъ что правительство вынуждено было принимать противъ нихъ особенныя мѣры. Между тѣмъ, когда Екатерина оказала пособіе гр. С. Салтыкову въ 20,000 р., то онъ совсѣмъ не расплатился со своими кредиторами, а заложилъ даже екатерининскій крестъ (ib. 355). Репнинъ и Нарышкинъ, служившіе въ придворномъ штатѣ, надоѣдали Екатеринѣ о помощи и забирали впередъ слѣдуемое имъ содержаніе. По этому поводу она сама высказалась противъ « расфуфренныхъ дворянчиковъ », которые втираются въ придворное вѣдомство, а ничего не смыслятъ, кромѣ „петиметрства" (ib 404). Отсюда неизбѣжно происходили громадные росты, противъ которыхъ Екатерина вынуждена была прибѣгнуть къ особому указу (ib. 351-52). Даже извѣстный своею честностію, кн. Шаховской, не брезгалъ отдавать деньги въ ростъ (Рус. Стар. 1880 г. т. XXIX, Очеркъ цар. Елисав., Шефера). Въ Петербургѣ для мало-мальски порядочнаго человѣка не мыслимо было не имѣть кареты, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ можно было обходиться безъ нея, и жизнь здѣсь была дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ (Біогр. Эйлера у Пекарскаго, ср. Біогр. Ф. Эмина, Кизимскаго, 40). При Елисаветѣ гофмаршалъ Нарышкинъ имѣлъ карету, которая вся, не исключая и колесъ, была выложена зеркальными стеклами; а весь кафтанъ его былъ вышитъ серебромъ (Порошинъ, 24). Екатерина воспретила парчевыя платья, положила пошлины на заграничные

кареты и уничтожила дорогие маскарады и ужины (ib. 53). При дворѣ было обнаружено расхищеніе драгоцѣнныхъ вещей (Сборн. X, 25-26). Екатерина II была вынуждена принять мѣры относительно имѣній гр. Ягужинскаго, приведеннаго въ полное разстройство (ib. 96). Не рѣдко возникали процессы по семейнымъ преступленіямъ, какъ братоубійства и мужеубійства (ib. 97, 98), или обнаруживаются непривлекательные поступки въ средѣ извѣстныхъ фамилій, каковы дѣла Александра Грузинскаго, сына Б. Ромина, Андрея, сына Сумарокова и т. п., рельефно обрисовывающія семейные нравы высшей среды того времени (Сумарок. 251 Сборн. X, 59-61, 88, 70-71).

Придворныя увеселенія. Въ это время въ Парижѣ вставали еще рано, обѣдали часа въ два, а въ восемь ужинали (Рус. Арх. 1878, II, 464). Екатерина вела такойже образъ жизни (см. выше, стр. 218-219). Даже большие придворные балы начинались тогда часу въ седьмомъ и кончались въ девятомъ. Иногда импер-ца танцовала первый менуэтъ съ вел. княземъ, но обыкновенно онъ открывалъ балъ польскимъ съ одной изъ старшихъ придворныхъ дамъ. Во время баловъ императрица играла въ пикетъ или въ ломберъ. Вел. князь танцовалъ иногда въ балетахъ на придворномъ театрѣ. Театръ начинался около 6ти часовъ и кончался въ девятомъ или восьмомъ. Въ тѣ дни, когда не было театральныхъ представленій при дворѣ, бывали концерты, но оркестръ въ это время былъ въ худомъ состояніи. Въ числѣ увеселеній импер-цы была также охота. Она ѣздила на царскосельскую дорогу и въ Петергофъ стрѣлять дичь (Порошинъ и Сборн. Рус. Ист. Общ. XIII, 312).

На придворныхъ <u>маскарадахъ</u> мужчины иногда наряжались въ женское, а женщины въ мужское платье. Въ первыхъ годахъ царствованія Екатерины происходили <u>турниры</u> на Царицыномъ лугу, мѣромъ, для чего устраивалось особенное мѣсто съ амфитеатромъ, какъ будто бы императрица воскрешала передъ дворянствомъ времена рыцарства. Самая пышная карусель была дана въ Петербургѣ въ 1766 г. Богатыя одежды, доспѣхи, плащы-ри, драгоцѣнные камни, красота женщинъ представляли необычайное до того времени зрѣлище. Участвовавшие въ немъ, были въ костюмахъ разныхъ народовъ и раздѣлялись на четыре кадрили: славянскую, индійскую, римскую и турецкую, надъ которыми начальствовали приближенные импер—цы. Всѣмъ торжествомъ завѣдывалъ церемоніймейстеръ, одѣтый во франц. платье. Участвовавшій въ турнирахъ, выказывали свою ловкость на лошадяхъ, отрубая головы кукламъ, изображавшимъ мавровъ, и пронзая копьями тигровъ и кабановъ, сдѣланныхъ изъ картона. Среди карусельнаго мѣста возвышалась трибуна, въ которой присутствовалъ главный судья (фельдмарш. Минихъ); кромѣ того было еще 12 судей, записывавшихъ число выигранныхъ призовъ. Въ турнирѣ могли принимать участіе только дворяне. Въ особой залѣ дворца было назначено совѣщаніе судей для присужденія призовъ, послѣ чего гр. Минихъ обратился съ рѣчью къ дамамъ и кавалерамъ. Первый призъ былъ присужденъ гр. Бутурлиной и гр. Н. П. Чернышевой (брилліантовыя серьги), которыя уже раздавали призы другимъ. Послѣ раздачи наградъ былъ придворный большой ужинъ для участниковъ въ карусели. Изъ вельможъ въ это время отличались

большимъ гостепріимствомъ и блистательною обстановкою своего дома гр. П. Б. Шереметевъ. У него бывали домашніе спектакли, въ которыхъ участвовалъ вел. князь и др. придворныя лица. Однажды была поставлена здѣсь француз. комедія Ла-Гранжа Contretems (препятствіе). Импер-ца не разъ посѣщала домъ Шереметева (Вейдемейеръ, Дворъ и замѣч. люди въ Рос. во второй полов. XVIII ст. I, 47-61).
Нравы грубости. Вліяніе роскоши, вызванное отчасти подражаніемъ, отчасти новыми общественными условіями, а съ другой стороны грубость нравовъ вели за собою неправильныя отношенія между дворянами и крестьянами: въ такомъ духѣ былъ составленъ подложный указъ (1763), обличавшій помѣщиковъ въ притѣсненіяхъ крестьянъ, на который обратила вниманіе Екатерина (іb. VII, 321-22). Случаи убійствъ помѣщиковъ крестьянами, какъ мы видѣли, были не рѣдки. Въ 1763 г. Екатерина заявляла смоленскому генералъ-губернатору, что въ его губерніи было раскрадено до 40,000 душъ (іb. 305). Жизнь не по средствамъ и страсть къ роскоши заставляли помѣщиковъ прибѣгать къ вымогательствамъ съ крестьянъ; а между тѣмъ городская и столичная жизнь все болѣе отвлекала помѣщиковъ изъ деревень; въ это время большая часть ихъ имѣній находилась подъ управленіемъ прикащиковъ, или была обложена значительнымъ оброкомъ. Если во времена Анны Ив. (какъ видно изъ запис. Данилова), были помѣщицы, заставлявшія въ своемъ присутствіи совершать экзекуціи за плохо сваренныя щи и т. п., то нисколько не удивитъ насъ, что тамъ, гдѣ нравы не смягчились даже внѣшнимъ «европеизмомъ» — подобныя явленія

продолжают существовать, и замечательно, что они съ особенною рѣзкостью обнаруживаются въ средѣ женщинъ. Въ 1768 г. вдова тайнаго совѣтника Жарбы Ефремова, за убійство своей крѣпостной, была предана церковному покаянію (Солов. XXVII, 154). Въ настоящемъ періодѣ вскрыты были раскрыты злоупотребленія помѣщичьей власти жены ротмистра конной гвардіи, извѣстной Салтычихи (Дарьи Салтыковой), владѣтельницы болѣе 600 д. крестьянъ въ нѣсколькихъ уѣз., незнавшей впрочемъ даже грамоты. Жертвою ея сдѣлалось (съ 1756 г) множество крестьянъ и дворовыхъ, преимущественно женщинъ, безъ различія возраста. Раскаленныя щипцы, утюги, горячая вода, жестокіе побои, кнутъ и т. п. орудія были употреблены ею въ дѣло, чтобы истязать свои жертвы, вся вина которыхъ состояла въ дурномъ мытьѣ половъ и платья. Священникъ, хоронившій эти жертвы, дворецкій, кучеръ и нѣсколько дворовыхъ, исполнявшихъ ея приказанія, скрывали эти факты, боясь доносить на нее. Полицію и чиновниковъ она задаривала взятками, и потому открыто говорила, что не боится никакихъ доносовъ. Двадцать одинъ разъ начиналось дѣло о ней и ничѣмъ не оканчивалось, пока двумъ крестьянамъ не удалось подать челобитную прямо Императрицѣ. Впрочемъ и послѣ этого дѣло тянулось еще 6 лѣтъ. Слѣдствіе противъ нея началось въ 1762 г. и продолжалось по 1768 г. Неистовства ея были такъ велики, что о ней составилась молва, что она была людоѣдкою. Замѣчательно, что при дознаніи ея запрещено было производить пытку, но для страха при ней пытали одного изъ преступниковъ. Люди

Салтыковой обвиняли ее въ убійствѣ 75 человѣкъ; юстицъ-коллегія, по разсмотрѣніи дѣла, обвинила её въ убійствѣ 38 чел. и оставила въ подозрѣніи относительно убійства 26 человѣкъ. Она была лишена дворянства и фамиліи, выведена на позорный эшафотъ и заключена въ подземелье Ивановскаго монастыря въ Москвѣ, гдѣ и содержалась по 1779 г., а въ этомъ году переведена въ каменную пристройку при церкви, съ окномъ. Въ этомъ помѣщеніи она умерла въ 1801 г. (Рус. Арх. 1865 г, 641-51. 186., IV. Чт. Москов. общ. ист. 1872, I. Рус. Стар. 1874 г, т. X. Сборн. X, 311-12. П. С. З. 13, 211).(1) Встрѣчаются факты, что даже помѣщики, владѣвшіе до 400 душъ крестьянъ, попадались въ разбоѣ (Порошинъ). Подобные факты не были единичными и, быть можетъ, такія явленія вызвали со стороны Екатерины II желаніе улучшить положеніе крестьянъ, которое замѣчается и въ Наказѣ, и въ коммиссіи Уложенія, и въ первыхъ дѣйствіяхъ Вольн. Экон. Общества.

Какъ совмѣщались самыя противоположныя явленія въ обществѣ, съ одной стороны жившемъ еще старинными преданіями и патріархальными нравами, а съ другой — стремившимся усвоить новыя формы быта, мы видимъ на такомъ примѣрѣ, какой пред-

---

1. На поляхъ подлиннаго указа, рукою императрицы противъ слова: „она" вездѣ поставлено „онъ": Екатерина хотѣла выразить этимъ, что Салтыкова не достойна называться женщиной. А сообщники ея, священникъ и дворовые люди, были наказаны кнутомъ, лишены ноздрей и сосланы въ Нерчинскъ въ вѣчную работу. Рус. Арх. 1865, 649. Чиновники остались нетронутыми, очистившись присягою.

ставленная намъ въ запискахъ Добрынина, въ лицѣ епископа Кир. Флоринскаго. Онъ былъ ученикъ Кіевской Академіи, по-томъ состоялъ іеромонахомъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, гдѣ подчинился вліянію французскихъ обычаевъ. Сдѣлавшись епископомъ, онъ и въ своей епархіи требовалъ, чтобы штатъ его носилъ пукли и употреблялъ пудру, но это нисколько не мѣшало ему раздавать во время богослуженія щипки и кулаки или подрывать бороды служащимъ съ нимъ и громогласно произносить въ церкви ругательства (Рус. Стар. III, 140 и д.). Впослѣдствіи онъ не избѣжалъ процесса и суда, будучи обвиненъ въ злоупотребленіи властью и даже святотатствѣ (Рус. Стар. XV, 454-675). Тѣмъ не менѣе все это не мѣшало ему относиться самымъ строгимъ образомъ къ духовенству; бравшаго плату за бѣс и ратовать противъ суевѣрій, орудіями которыхъ часто служили сами священники, допускавшіе совершать суевѣрныя отчѣтвія посредствомъ святой воды и образовъ. (ib XVI, 709-12). Такія распоряженія, при болѣе нравственномъ авторитетѣ, могли бы имѣть мѣсто въ обществѣ, гдѣ рядомъ съ полнымъ религіознымъ отрицаніемъ мирно уживалась самая грубая вѣра въ оборотней (ib VII, 725).

Суевѣрія. Въ тоже время въ сенатѣ разсматривалось дѣло о колдовствѣ, состоявшемъ будто бы въ пусканіи червей по вѣтру, отъ чего приключалась смерть и сенатъ сдѣлалъ свое постановленіе. Но Екатерина по этому поводу написала: „Куда какъ я любопытна была бы видѣть вашихъ колдуновъ! Ну какъ этому статься. И подобным баснямъ въ сенатѣ вѣрятъ и потомъ осуждаютъ! Виноватъ онъ въ томъ, что онъ Бога отрекся, а что черта видѣли,

В. Иконниковъ

что вступали на себя и изъ того видно, что сами не знаютъ, что про себя говорятъ. Мое мнѣніе есть, чтобы сии люди прибавили слова, чтобъ съ ними можно было такъ собою говорить." (Рус. Арх. 1865, 629-30).

Въ 1766 г. было повторено для кликушъ наказаніе плетьми (П.С.З. 17,568). Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что въ то же самое время въ великую пятницу въ Парижѣ народъ собирался смотрѣть, какъ распинали начальницу конвульсіонеровъ, сестру Франциску; одни видѣли въ этомъ сверхъестественность этого явленія, другіе считали его фокусничествомъ. Въ Польшѣ, въ то же время сожигали вѣдьмъ даже при Ст. Понятовскомъ (Зап. Михайловскаго Древ. Рос. 1880, 561-62). Въ Германіи послѣдняя вѣдьма была сожжена въ Вюрцбургѣ въ 1749 г. — это была 70-лѣтняя монахиня; а въ Швейцаріи въ 1792 г. Въ Польшѣ и Венгріи процессы вѣдьмъ продолжались еще въ 80-хъ годахъ XVIII ст. (Шерръ, истор. цив. Герм. 404-405).

Злоупотребленіе словомъ. Оскорбленіе словомъ и употребленіе неприличныхъ названій были общераспространенными въ русскомъ обществѣ. Поэтому даже правительству приходилось объявлять, чтобы указы и повелѣнія не употребляли бранныхъ и поносныхъ словъ (П.С.З. XVI, 11,884) и запрещать переименовывать земель, рѣчекъ, ручьевъ, разныхъ урочищъ, оказывавшихся при межеваніи съ неблагопристойными названіями (12,…

Смягченіе нравовъ. Безъ сомнѣнія самымъ чувствительнымъ результатомъ отмѣны смертной казни при Елисаветѣ, тайной канцеляріи при Петр. III и духа вѣка былъ взглядъ современнаго общества на гуманность и пре—

отрубленіи головы. Народъ думалъ, что казнь Мировича будетъ отмѣнена. Мнѣнія Екатерины II и Н. И. Панина о дѣлѣ Волынскаго намъ уже извѣстны. Потомъ Н. И. Панинъ разсказывалъ Порошину, что онъ собралъ отовсюду донесенія о колодникахъ, гдѣ они содержатся, по какимъ дѣламъ и въ чье правленіе были разосланы. „Изволилъ говорить, замѣчаетъ Порошинъ, что превеликая у него теперь о томъ книга; что вчера читалъ её и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутобиты сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыя бы только выговоромъ строгимъ наказать было достаточно, что почему нѣкоторымъ образомъ можно разсуждать о правахъ тѣхъ временъ?.. „Какіе недотроги нынѣ люди стали, говорилъ одинъ генералъ [illegible] Разумовскому: нельзя выбранить, а бывало-то намъ давали дураковъ, дураки, да и слова сказать не смѣешь". Извѣстно, что дворъ Анны Ив. былъ наполненъ шутами, но Елисавета Петр. терпѣть не могла, чтобы у кого-нибудь въ домѣ былъ шутъ. Впрочемъ при дворѣ Екатерины пользовались большими милостями, извѣстные забавники, остроумцы и каламбуристы Л. А. Нарышкинъ, состоявшій въ званіи оберъ-шталмейстера. „Никто не забавлялъ меня такъ [illegible], какъ онъ, говоритъ сама Екатерина. Это былъ шутъ [illegible] и если бы онъ не родился богатымъ, то [illegible] и наживалъ деньги [illegible] комическимъ талантомъ. (См. Л. А. Нарышкинъ послѣдній представитель [illegible]; Мордовцева Древн. и Нов. Рос. 1878, № 2). Точно, между этими „шутами" и шутами двора Анны Іоанновны [illegible]. Воспоминанія [illegible] (Истор. Вѣстн. 1880, № 3 стр. 194).

<u>Старая столица</u>. «Москва - особый міръ, а не городъ», писала Екатерина Вольтеру во время памятной чумы; «до сихъ поръ трудно различить, что Москва и что деревня и на какихъ это правахъ живетъ», писалъ гр. Орловъ Екатеринѣ въ то же время. Какой это народъ, обитатели здѣшніе; какъ посмотришь во внутренность ихъ жизни, образа мыслей, такъ волосы дыбомъ становятся, и удивительно, что еще болѣе чего въ Москвѣ и скверныхъ дѣлается. Военная команда до того развратная, что способу поправить ихъ не будетъ, развѣ перевести ихъ совсѣмъ, ибо ихъ повиновеніе и дисциплина, какъ чума... Нищихъ великое множество, а особливо бабъ» (Сборн. Рус. Ист. Общ. XIII, 176, 204-205). На массу грабежей, разбоевъ и нищенство въ Москвѣ жалуется постоянно мѣстная администрація (Солов. XXVII, 155; Сбор. Рус. Ист. Общ. X, 322-323; XVIII в. I, 98, 127). Въ 1768 г. Екатерина предполагала даже передать рѣшеніе вопроса о благоустройствѣ Москвы на обсужденіе выборныхъ отъ каждаго квартала города (Сборн. X, 323)[1]. Въ то время въ Москвѣ было много такихъ господскихъ дворовъ, которые своимъ расположеніемъ, обширностью, великимъ числомъ служителей составляли не домъ, приличный въ городѣ, но <u>цѣлое селеніе</u>, составляющее по разному ремеслу и званію людей, собственное мѣщанское общество, или такой домъ, который только въ однѣхъ деревняхъ обширностію своею и многолюдствомъ не дѣлаетъ общей тягости (Опис. моровой язвы

---

1. Впрочемъ не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду и нравственной статистики другихъ большихъ городовъ Европы. Такъ извѣстно, что Лондонъ возрасталъ съ поразительнымъ успѣхомъ: въ 1735 г. смертность ... [illegible]

1770-71 гг.). Въ глухія ночи Москва освѣщалась фонарями, но только по самымъ большимъ улицамъ. Общественные фонари въ Москвѣ въ первый разъ зажжены были въ 1730 г., обыкновенно же каждый ходилъ со своимъ фонаремъ. Въ 1766 г. число фонарей на столбахъ простиралось всего до 600 и только въ 1782 г. оно увеличилось до 3,500. Потребности москвичей были такъ еще просты и неприхотливы, что напр. самые извощичьи экипажи состояли въ однихъ только роспускахъ съ фартуками, для завѣшиванія ногъ отъ грязи. Сани были также самаго первоначальнаго древняго устройства. Кромѣ этихъ экипажей ни кареты и никакого другаго порядочнаго экипажа нельзя было добыть для найма во всемъ городѣ. Каменныя мостовыя въ Москвѣ были только по самымъ большимъ, проѣзжимъ улицамъ, деревянныя же сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до

было истреблено въ 10 разъ болѣе противъ 1687 г. и вдвое противъ 1714 г. На вывѣскахъ питейныхъ заведеній объявлялось, что посѣтитель можетъ напиться пьянымъ за одинъ пенни, мертвецки пьянымъ на два и т. п. Въ 1749 г. количество питейныхъ заведеній достигло уже 17,000. Разбойничество вполнѣ процвѣтало на улицахъ Лондона. Вальполь былъ дважды ограбленъ разбойниками, а въ 1782 г. онъ заявляетъ, что тамъ никто не можетъ показаться послѣ заката солнца безъ вооруженныхъ слугъ. Въ 1773 г. однажды были ограблены двѣ кареты, направлявшіяся въ театръ. Въ 1759 г. въ тюрьмахъ содержалось 26,000 должниковъ, изъ которыхъ 25% погибало ежегодно вслѣдствіе дурнаго состоянія тюремъ. A History of England in XVIII century, by W. E. H. Lecky London 1878.

Подобныя же вещи о небезопасности Лондона разсказываетъ русскій путешественникъ [illegible] Винаровскій въ своихъ запискахъ XVIII в. I, 324-325.

[illegible] французов[1]. Отличительными увеселениями народа были качели и, полюбившиеся Петру, карусели (качели-конь). Со времени Петра распространились народные драматические представления и фарсы. Нередко стали также посещать Москву заезжие иностранные кунштмейстеры и фокусники. Так, в 1762 г., саксонский рудокоп показывал машину, наглядно представлявшую работу рудокопов в горах; а в том же году француз машину-оракул, дававшую ответы на вопросы. В 1768 г. Москва смотрела на рисование английского берейтора Бальса и африканскую птицу, называемую страус. В 1765 г. приезжал в Москву знаменитый великан Бернард Гиллес, уроженец Тридента (3½ ар.); в 1766 г. итальянец [illegible] показывал ученых собак; а собрание разных искусников давало пантомиму. В 1767 г. французский механик Шерве привез оптическую машину, посредством которой он показывал города, морские

---

1. Русский путешественник, граф Комаровский, [illegible] сравнение между Лондоном и Парижем: „Лондон имеет [illegible] большое преимущество перед Парижем относительно чистоты улиц; [illegible] прекрасные тротуары перед каждым домом [illegible] водосточные трубы, и потому грязи никогда на них не бывает. В Париже, напротив, центр улиц [illegible], [illegible] так тесно, что в некоторые солнце вовсе не проникает" (Р. А., I, 325).

2. Этих не существовало ни тротуаров, ни других [illegible] удобств [illegible] тротуаров, говорится в [illegible]. [illegible] [illegible] под [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible].

Во время пребыванія импер-цы въ Москвѣ съ 1763 г. на придворномъ театрѣ (въ Головинскомъ дворцѣ) дана была Сумароковская трагедія „Семира", одна изъ комедій Мольера и балетъ, въ которыхъ принимали участіе придворныя (графиня Брюсъ, М. П. Нарышкина, гр. Строгановъ, Г. Г. Орловъ, Ѳ. П. Шуваловъ, Л. А. Нарышкинъ, фрейлины и др.). Съ декабря 1762 г. передъ Головинскимъ дворцомъ сооружены были качальныя горы и при нихъ качели, карусели[1], залы, театръ и др. увеселенія, а также катальныя горы въ с. Покровскомъ, въ громадныхъ размѣрахъ, существовавшія до 1776 г. и стоившія 18.072 р. Въ театрѣ находились и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ давались вольные маскарады. Въ 1763 г., во время масленицы, былъ устроенъ въ Москвѣ маскерадъ Торжествующая Минерва, знаменитый карнавалъ, три дня разъѣзжавшій по улицамъ города. Въ этомъ поѣздѣ принимали участіе до 250 колесницъ, которыя были въ 12-24 воловъ каждую, и до 4000 человѣкъ. Въ частныхъ садахъ (гр. Сиверса) бывали лѣтнія увеселенія, на подобіе славныхъ лондонскихъ, тиролійскихъ и вѣнскихъ садовыхъ [illegible], съ музыкою, иллюминаціею, плаваніемъ [illegible] и т. п. Подробныя описанія придворныхъ, общественныхъ и частныхъ увеселеній сохранились въ Московск. Вѣдомостяхъ того времени (см. Публичныя общественныя увеселенія въ Москвѣ съ половины 18 ст. Забѣлина въ его Опытахъ изуч. рус. древност., II, 351-506).

---

507. О насильственныхъ расправахъ полиціи съ [illegible] въ Парижѣ, о [illegible] въ провинціи Франціи и т. п. См. также, 507 и 489.

1. Въ Каруселяхъ обыкновенно состязались въ играхъ: турниръ, игра въ кольцо и т. п.

Внѣшній видъ Москвы производилъ на иностраннаго путешественника неприятное впечатлѣніе. « Нельзя лучше представить себѣ Москву, пишетъ Белькуръ, какъ въ видѣ "совокупности многихъ деревень безпорядочно размѣщенныхъ и образующихъ собою огромный лабиринтъ. Вы видите тутъ огромныя, роскошно украшенныя палаты; но все это строено въ самомъ странномъ вкусѣ и эти палаты окружены дрянными, маленькими домишками, которые я безъ клеветы могу назвать настоящими балаганами. Кремль, царскій дворецъ, состоитъ изъ безпорядочныхъ полуразрушенныхъ построекъ, какъ будто онъ только что выдержалъ осаду отъ варваровъ. Улицы дурно вымощены и также дурно содержатся. Благоустроенныхъ общественныхъ зданій нѣтъ». Но мы знаемъ уже его отзывъ о томъ гостепріимствѣ, съ какимъ встрѣчали его здѣсь. При этомъ онъ отмѣтилъ и другую особенность Москвы. « Москва, говоритъ онъ, составляетъ городъ какъ бы <u>независимый</u> отъ всего <u>государства</u>; ибо въ ней живутъ также свободно, какъ въ какой-нибудь <u>республикѣ</u>; общество здѣсь прекрасное, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, которые отравляютъ пріятное настроеніе своею местью и притворствомъ». Точно также республикой назвалъ Москву и одинъ русскій наблюдатель И. А. Втборовъ, посѣтившій ее въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Примѣръ Н. И. Панина, открыто критиковавшаго дѣйствія императрицы послѣ удаленія его на покой, подтвердитъ намъ этотъ отзывъ.

Белькуръ дѣлаетъ любопытный выводъ о русскихъ, жи-

бущихъ за-границею и въ Россіи: «Тамъ, говоритъ онъ, русскій чувствуетъ на волѣ себя, здѣсь онъ задумчивъ, мраченъ, боязливъ и приниженъ». Лихоимство онъ называетъ главнымъ порокомъ администраціи и поэтому по-нѣмецки дѣлаетъ за ее такое заключеніе: «здѣсь кто дасть больше, тотъ и правъ, а бѣднякъ всегда виноватъ», примѣняя его главнымъ образомъ къ московской полиціи (Древ. и Нов. Рос. 1875 №11). Продолжительная безнаказанность Салтычихи служитъ, до извѣстной степени, подтвержденіемъ этого мнѣнія о тогдашнемъ правосудіи даже въ центрѣ Россіи.

<u>Отзывы о русскомъ народѣ.</u> Въ заключеніе приведемъ отзывъ о русскомъ народѣ англійскаго доктора Димсдаля. Опровергая ложныя мнѣнія франц. писателей о Россіи, онъ замѣчаетъ: «Я не буду говорить о томъ, что было прежде, но я говорю о времени 1768-69 г. Я могу совершенно удостовѣрить, что знатныя лица вѣжливы, великодушны и честны и весьма умѣренны въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Хотя я не былъ въ частныхъ сношеніяхъ съ простымъ народомъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ расположенъ всегда оказывать всѣ услуги, которыя отъ него зависѣли; часто однимъ знакомъ я могъ спросить, куда мнѣ идти, и я всегда находилъ, что бѣдные люди были разсудительны и совершенно готовы быть мнѣ полезными...» Онъ увѣряетъ, что нигдѣ не замѣтилъ недостатковъ варварства (Сборн. II, 322). Другой англичанинъ, также бывшій въ Россіи, Джорджъ Макартней, говоритъ объ этомъ такъ: «Простой народъ не особенно трудолюбивъ, но крѣпко сложенъ и мужественъ, терпѣливъ

переносить крайній жаръ, холодъ и особенно голодъ; он мстивъ, равнодушенъ и подданъ чувственнымъ удовольствіямъ пьянства и обжорства. Русскій человѣкъ гостепріименъ, щедръ, вообще добръ и отнюдь не дерзокъ. Онъ очень смѣтливъ и понятливъ, расположенъ къ насмѣшливости и всякое дѣло дѣлаетъ весьма ловко и искусно. Къ сожалѣнію суевѣріе и упорная приверженность къ закоренѣлымъ предразсудкамъ обезсиливаютъ его трудъ»... (Сборн. Рус. Ист. общ. т. XII)
Екатерина вѣрила въ силу убѣжденія и слова, какъ и подобаетъ представительницѣ просвѣтительныхъ началъ современной философіи. Какъ философъ-просвѣтитель, она вѣрила въ возможность пересозданія общества путемъ учрежденій и гражданской школы. Поэтому другая сторона ея дѣятельности была направлена на то, чтобы создать «истинныхъ гражданъ». Для осуществленія же этихъ цѣлей должны были служить ея законодательныя работы, къ которымъ мы и перейдемъ въ слѣдующемъ чтеніи.

Лекція 21-я

Прежнія законодательныя комиссіи. Комиссія Уложенія не новость въ нашей исторіи. Она возникла при Петрѣ В. (въ 1700 г., подъ именемъ Палаты Уложенія) и не разъ возобновлялась въ послѣдующія царствованія. (при Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ). Лица, участвовавшія въ ней, или назначались туда, или приглашались по

выбору отъ шляхетства, который однако оказался со-
всѣмъ неудачнымъ. Такимъ образомъ эти коммиссіи
сохраняли вполнѣ бюрократическій характеръ. Работы
ихъ вообще оставались недовершенными или, по крайней
мѣрѣ, нерассмотрѣнными окончательно и неутвержден-
ными. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ существенное
значеніе въ исторіи нашего законодательства. Проек-
ты, ими выработанные, не совсѣмъ были забыты;
многое изъ предполагавшагося ими въ дѣйствіи
приводилось въ исполненіе, составляя предметъ от-
дѣльныхъ указовъ или законоположеній, такъ что
зачатки нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ госу-
дарственныхъ преобразованій прошедшаго вѣка
можно отыскать въ трудахъ этихъ законодательныхъ
коммиссій (Матеріалы для Ист. Рус. Законодат. Вып. I Па-
лата о Улож., Д. В. Полѣнова, Спб. 1863 г. Законодат.
Ком. при Петрѣ II, 1728 г. Полѣнова, Сборн. Рус. Ист. Общ.
II, 394-406. Солов. Ист. рос. XIX, 277-79. XXIII, 244-48;
288-89; XXIV, 244-45; 426 ср. Пахманъ, ист. Кодификаціи
граждан. права; 1876, 2 т.).
Цѣлью этихъ коммиссій было дополнить Уложеніе
царя Алексѣя Мих., во многомъ уже устарѣвшее, и со-
ставить «новые ясные и понятные законы». Въ кон-
цѣ царствованія Елисаветы, когда правительствен-
ная коммиссія окончила 2 части Уложенія, судную и
криминальную, то сенатъ постановилъ вызвать для
слушанія ихъ депутатовъ изъ городовъ всякой провинціи:
штабъ и оберъ-офицеровъ дворянскаго происхожденія и от
знатнаго дворянства по два человѣка отъ каждой про-

винціи, по выбору шляхетства и по одному человѣку отъ купечества, къ 1 Янв. 1762. Гетману же было поручено въ особой коммиссіи пересмотрѣть литовскій статутъ и прислать его съ депутатомъ въ сенатъ (Солов. XXIV, 426). Депутаты эти оставались въ Петербургѣ до восшествія на престолъ Екатерины II, которая уже въ Январѣ 1763 г. распустила ихъ впредь до указа (П. С. З. 11,732), а матеріалы этой коммиссіи - указы, распредѣленные по надлежащимъ статьямъ, велѣло передать для напечатанія въ сенатской типографіи (П. С. З. 11,927). Впрочемъ вскорѣ послѣ того (въ августѣ 1764) мѣстомъ для засѣданія Коммиссіи Уложенія были назначены апартаменты сената (12,229), а ей поручено было представить въ сенатъ лифляндское Уложеніе (12,250). Такимъ образомъ какъ самое имя этого учрежденія такъ и потребность новаго, общаго законодательства была указана Екатеринѣ самою исторіею, и одновременно съ тѣмъ, какъ она созывала депутатовъ въ Москву, она распорядилась сдѣлать серебряный ковчегъ для храненія Уложенія царя Алексѣя Мих. въ оружейной палатѣ (12,877), которое служило основаніемъ какъ для всѣхъ работъ предыдущихъ коммиссій, такъ и для екатерининской коммиссіи.

<u>Ходъ работъ Екатерины II по Наказу для коммиссіи Уложенія</u>. Въ одной изъ своихъ автобіографическихъ записокъ (Рус. Арх. 1865), Екатерина разсказываетъ намъ, какъ она начала свою работу. «Въ первые три года царствованія моего (1762-65), пишетъ она, усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ

разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ, не единообразныя объ единой вещи установленныя правила, что законы по временамъ сдѣланные, многимъ казались противорѣчивыми, и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ, изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить направленія иначе, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ Имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать наказъ Коммиссіи Уложенія. Два года я читала и писала (1764-65), не говоря о томъ 1½ года ни слова, послѣдуя единственно <u>уму и сердцу своему</u> съ ревностнымъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по моему мнѣнію, довольно въ сей работѣ, я начала казать (въ половинѣ 1766 г.) по частямъ стат., мною заготовленныя людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ и между прочимъ кн. Орлову и гр. Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: „ce sont des axiomes à renverser des murailles". Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работы и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ. Наконецъ заготовили (14 дек. 1766 г.) о созывѣ депутатовъ со всей имперіи, <u>чтобы лучше спознать каждой округи состояніе</u>. Съѣхались оные въ Москвѣ въ 1767 г., гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, нас-

начала я разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ, дабы выслушали заготовленный Наказъ коммиссіи Уложенія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины того, что написано было мною, помарали и остался Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ.

„Взгляды современниковъ на Наказъ. Такимъ образомъ Наказъ, до появленія своего въ печати, прошелъ двойную цензуру и далеко не легкую. Вѣроятно, это входило даже въ соображенія императрицы. Между прочими аксіомами мнѣнія объ уничтоженіи пытки и крѣпостного состоянія встрѣтили наиболѣе сопротивленія. Еще до собранія депутатовъ дѣлались частныя распоряженія о томъ, чтобы не подвергать пыткѣ подсудимыхъ, даже Мировича, хотя это и встрѣчало иногда возраженія со стороны защитниковъ прежняго способа разслѣдованія. Мнѣніе Екатерины по дѣлу Волынскаго также извѣстно. Но вотъ что написалъ одинъ изъ депутатовъ московской губерніи (Баскаковъ), къ которому Екатерина обращалась съ вопросомъ по поводу Наказа. „Не благоволено-ль будетъ прибавить: кромѣ необходимыхъ случаевъ, которые подробно означить излишне?" (Онъ представилъ въ примѣръ разбойника, вынесшаго изъ дому вещь, которой онъ безъ соучастниковъ вынести не могъ) Екатерина на это замѣтила: „Самъ слышать не можно; и казусъ на казусъ, гдѣ человѣчество страдаетъ." Въ Наказѣ она категорически отвергаетъ пытки: „Употребленіе пытки противно здравому разсудку, говоритъ она, само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобы она была уничтожена. Человѣка не

людямъ почитано виновнымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей прежде нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные". Сказавъ далее, какъ трудно слабому правому выдержать пытку или оговорить себя, онъ заключаетъ: «Посему пытка есть надежное средство сгубить невиннаго, имеющаго слабое сложение, и оправдать беззаконнаго, на силу и крепость свою уповающаго». Екатерина обратилась съ вопросомъ о Наказе и къ поэту литератору Сумарокову, такъ любившему карать современные пороки и проводить въ литературе идеи гражданской общественности. Онъ возражалъ противъ многихъ принциповъ депутатовъ, которые должны пользоваться, по его мнению, вольными законами. Екатерина замечаетъ: «Сия работа требуетъ отличнаго обозрения духа». Не сложно полагать, что эти возражения, какія были имъ деланы, скорее имели свою [illegible] разницу. Съ какимъ [illegible] творилъ къ выбору своихъ [illegible]. Сумароковъ возражалъ противъ решения большинства голосовъ, и что мнение утверждено [illegible] разумъ и [illegible]. Екатерина замечаетъ на это: «большинство только не утверждаетъ, и только показываетъ мнение большинства». Сумароковъ возражалъ противъ смертной казни, опасаясь [illegible] законы [illegible] народа [illegible], что правосудие не [illegible], а сила [illegible]. Все это заставило Екатерину только написать: «Ш[illegible] (т.е. воображение) съ поэтомъ работаетъ, а связи въ немъ

понятно ему тяжело". Не менѣе странно и слѣдующее замѣчаніе: "Вмѣсто нашихъ училищъ, и особливо вмѣсто кадетскаго корпуса потребны и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескьу, но и въ немъ многое критики подметятъ." Екатерина замѣчаетъ: "Многіе критиковали Монтескью, не разумѣя его; я вижу, что я сей вредій съ нимъ работаю." Сумароковъ говоритъ: "вольность и коронѣ, и народу больше приноситъ пользы чѣмъ неволя." Екатерина и на это замѣчаетъ: "о семъ довольно много говорено" (т. е. въ Наказѣ). "Но своевольство еще неволи вреднѣе", заключаетъ Сумароковъ. Но всѣ эти мнѣнія Сумарокова не могли искоренить въ немъ противъ крѣпостнаго состоянія предубѣжденія. "Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, пишетъ онъ: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, чтобы не остаться безъ слугъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ ("и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ", замѣчаетъ Екатерина), вотчины ихъ превратятся въ опасныя имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ". Екатерина дѣлаетъ замѣчаніе: "И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи." Указавъ,

что помѣщики выучиваютъ крестьянъ разнымъ домашнимъ ремесламъ: брить, волосы убирать, кушанья варить и пр., а будучи вольный, то, научившись, может отойти къ болѣе богатому, Сумароковъ прибавляетъ: «Малороссійскій подлый народъ отъ сей вольности почти несносенъ». Но Екатерина не выдержала уже этой поэзіи рабства и замѣтила милому почитателю Монтескью: „Господинъ Сумароковъ - хорошій поэтъ; но слишкомъ скоро думаетъ, чтобы быть хорошимъ законодавцемъ; онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобы критиковать цѣпь и для того привязывается къ наруженности кольцовъ, составляющей цѣпь, и находитъ, что здѣсь или тамъ ошибки есть"... (Сборн. X, 75-87 и Солов. Рус. Вѣстн. 1861, октябрь).

Изъ духовныхъ лицъ Наказъ былъ отданъ на разсмотрѣніе Гавріила (Петрова), епископа тверскаго, Иннокентія, епископа псковскаго, и Архимандрита Тихона.

Измѣненія въ Наказѣ и возраженія Екатерины.

Дѣйствительно, при сличеніи ея набросковъ Наказа съ печатнымъ текстомъ, можно замѣтить, что большимъ измѣненіямъ подверглись мнѣнія Екатерины о свободѣ крестьянъ[1], о крестьянскомъ самосудѣ и прав.

1. Указавъ на различіе зависимости крестьянъ существенной (къ участку земли, т. е. крестьянство) и личной (холопство) и на характеръ такой зависимости въ европейскихъ государствахъ, Екатерина прибавляетъ: «Великое злоупотребленіе есть, когда оно (холопство) въ одно время и личное, и существенное». Послѣ исключенія этой тирады, въ печатномъ Наказѣ осталось только мѣсто

освобожденія ихъ въ случаѣ женитьбы господъ, о средствахъ освобожденія крестьянъ вообще (преимущественно до 2° цензуры), объ отдѣленіи законодательной власти отъ судебной и о злоупотребленіяхъ, происходящихъ отъ ихъ смѣшенія (даже въ первоначальной редакціи, Щебальскій, Екатерина II, какъ писательн. 123-27. Сборн. X, 148-56). Мы знаемъ уже, какъ относилось большинство къ одной даже мысли объ освобожденіи крестьянъ. Дашкова и Сумароковъ показываютъ намъ, что даже современная философія въ приложеніи къ жизни не всегда находила столь ревностныхъ адептовъ, какъ въ теоріи. Кастера разсказываетъ даже, что гр. Н. П. Шереметевъ, выразившій желаніе освободить крестьянъ, встрѣтилъ сильнѣйшее негодованіе и что были люди, грозившіе смертью всякому, кто подниметъ вопросъ о прекращеніи крѣпостнаго права. (т. II, гл. VI).

Отношеніе къ Наказу энциклопедистовъ. Переписка Екатерины съ ея иностранными друзьями сообщаетъ намъ дальнѣйшія подробности относительно происхожденія ея Наказа. „Вотъ уже 2 мѣсяца, писала Екатерина

объ огражденіи злоупотребленій помѣщичьей власти. Впрочемъ о положеніи крестьянъ уцѣлѣли нѣкоторыя мѣста въ главѣ о преумноженіи народа, о рукодѣліяхъ и торговлѣ; такъ указывается на необходимость условныхъ договоровъ съ крестьянами въ интересахъ умноженія населенія и на зависимость процвѣтанія земледѣлія отъ собственности: „Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отниметъ."

28 марта 1765 г. я занимаюсь каждое утро по три часа законами здѣшняго государства. Это громадная работа" — замѣчаетъ, она, и невозможность опредѣлить съ возможною точностію начало самаго труда. Д'Аламберу она сообщаетъ (17 мая) посылаетъ часть этой работы. Его и Вольтера она извѣщаетъ о недоразумѣніи и трудностяхъ законодательства для Россіи, населенной множествомъ народовъ, живущихъ въ разнообразныхъ климатахъ и съ разными обычаями. Далѣе въ началѣ 1767 г. она сообщаетъ д'Аламберу: „болѣе половины моего зачеркнуто, сожжено и уничтожено и что станется съ остальнымъ — трудно сказать." (Сборн. X, 33-36, 166-170).

Она только отмѣчаетъ, что кто любитъ человѣчество, тотъ долженъ соглашаться съ ея принципами. Въ теченіе 1766 г. Екатерина сообщаетъ Вольтеру нѣкоторыя выписки (см. стран. 494-96) изъ своего труда, касавшіяся вѣротерпимости — вольное мѣсто изъ переписки съ Вольтеромъ. Она послала ему манифестъ, созывающій депутатовъ въ Москву, и онъ поспѣшилъ напечатать ей панегирикъ. („Lettre sur les panégyriques, par Irénée Aléthès, 1767"), въ которомъ привѣтствуетъ ея новое законодательство посредствомъ депутатовъ отъ всѣхъ народовъ, населяющихъ ея страну, освобождающая ихъ одними противъ пытки, рабства, религіознаго фанатизма. Онъ привѣтствуетъ ее, какъ освободительницу человѣчества и восклицаетъ въ заключеніе: „Итакъ деспотическая государыня истребляетъ въ глубинѣ далекаго сѣвера нетерпимость и рабство." Въ самомъ собраніи депутатовъ ему болѣе всего нравилось то, что въ немъ сошлись засѣдовать члены греческой, латинской церкви, лютеране, като-

нисты, магометане и язычники, которые могли вмѣстѣ ужинать и брать съ одного блюда - какой матеріалъ для упрека католическимъ фанатикамъ Франціи и самой Сорбоннѣ, которой „ктати было бы прогуляться въ Москву, да и остаться тамъ," замѣчаетъ онъ. Такъ же точно парижскіе друзья Екатерины громогласно привѣтствовали привиллегіи въ Россіи, примѣръ чему подала сама Екатерина. Но они не обратили вниманія на собраніе депутатовъ, какъ опытъ представительства: филантропическія цѣли въ той и другой формѣ заслоняли собою идеи политическаго устройства - такова общая характеристика этого направленія (Щебальскій, Екат. какъ писат. Заря 1869, кн. 8, стр. 87, 92).

Источники Наказа. Монтескье и Беккарія. Сама Екатерина говоритъ, что источники своего труда, или лучше сказать своихъ мыслей, она почерпала въ чтеніи. Д'Аламберу она пишетъ, что собирается прислать ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія геніальныхъ людей, а что здѣсь идетъ рѣчь о Наказѣ, это подтверждается письмомъ ея къ Жоффренъ (Сборн. I, 283 и 275-76). Называя „Духъ законовъ" Монтескье молитвенникомъ для здравомыслящаго монарха, естественно, что Екатерина тутъ же прибавляетъ: „Вы изъ нея увидите, какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 милл. людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться нымъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ" (Сборн. X, 29-31).

Спустя годъ (6 іюля 1766 г), она снова пишетъ д'Аламберу: „Два уже года мои главныя занятія заключаются въ переписке и оцѣнкѣ началъ президента Монтескьё. Я стараюсь понять его и зачеркиваю сегодня то, что находила вчера очень хорошимъ." (Ibid. 131).

Препровождая экземпляръ Наказа Фридриху II, Екатерина писала ему: „Ваше Величество не найдете въ немъ ничего новаго, ничего такого, что не было бы уже вамъ извѣстно; вы увидите, что я поступила, какъ та ворона, которая нарядилась въ павлиньи перья. Въ этой книгѣ мнѣ принадлежитъ только расположеніе предметовъ и изрѣдка строка или слово. Большая часть Наказа заимствована изъ „Духа законовъ," президента Монтескье, и изъ „Преступленій и наказаній" маркиза Беккаріи." (Oeuvres compl. de Fréd. II у Соловьев. прилож. къ XXVII т. 28 и Щебальскій 115). Дѣйствительно на 526 ст. Наказа приходится около 100 (177-245) заимствованныхъ изъ Беккаріи и болѣе 250-изъ Монтескье. Заимствованія эти сдѣланы или буквально съ сохраненіемъ порядка подлинника, какъ заимствованія изъ Беккаріи, или въ видѣ компиляціи, не державшейся строгого расположенія подлинника, но съ сохраненіемъ выраженій, каковы заимствованія изъ Монтескьё. Въ области права Наказъ болѣе всего останавливается на понятіи закона вообще, на уголовномъ правѣ и на судопроизводствѣ, т.е. вопросахъ, наиболѣе нуждавшихся въ реформѣ; притомъ эти вопросы разсматриваются преимущественно съ теоретической точки зрѣнія и потому имѣютъ не только историческое значеніе, но и болѣе обща. Положенія, высказанныя въ немъ, до такой степени обще-

человѣчны, что и до сихъ поръ въ политическихъ собраніяхъ служатъ основаніями въ защиту той или другой реформы, въ которой приходится неизбѣжно опираться на правительственный авторитетъ Екатерины II. Сочиненіе Монтескье обнимаетъ всѣ юридическія отношенія; оно касается всѣхъ законовъ: государственныхъ, уголовныхъ, гражданскихъ, торговли, воспитанія и т. п. При этомъ Монтескье разсматриваетъ законодательства отдѣльныхъ народовъ съ общей точки зрѣнія въ связи съ историческими условіями; а уголовные законы и юстицію — въ связи съ политическимъ устройствомъ государства. Сочиненіе Беккаріи исключительно посвящено уголовному праву и судопроизводству. Оно держится отчасти на теоріи договора, господствовавшей въ литературѣ 18-го вѣка, а основаніе наказанія выводитъ не изъ нравственныхъ началъ, а изъ общей пользы и необходимости сохраненія общей свободы. Онъ не касается историческихъ условій, подобно Монтескье, того или другаго законодательства въ частности, но представляетъ критику современнаго законодательства вообще. Онъ сильно нападаетъ [illegible], какъ представляющее смѣсь варварскихъ остатковъ римскаго права, средневѣковыхъ комментаторовъ и позднѣйшихъ ученыхъ юристовъ, не внимающихъ стонамъ жертвъ и потребностямъ времени. Онъ вызываетъ къ вниманію философовъ, коихъ обязанность состоитъ въ направленіи и утвержденіи человѣческихъ мнѣній. (Кистяковскій, Изслѣдованіе нач. угол. права по Наказу Екатер. II, Универ. Изв. 1864, № 10).[1]

---

1) Первый русскій переводъ Монтескье изданъ былъ въ 1775 г. (т. I).

Беккарія (потомокъ извѣстной фамиліи въ Павіи, съ 1768 года проф. политич. экономіи въ Миланѣ) принадлежалъ къ той плеядѣ итальянскихъ ученыхъ, которые поддались вліянію современной философіи (Геттнеръ, Ист. франц. литер. 404). Самая книга его произошла на свѣтъ (1764 г) подъ вліяніемъ сочиненія Монтескьё и вызвана глубокимъ негодованіемъ автора за осужденіе семейства Каласовъ, послужившее предметомъ самой дѣятельной агитаціи со стороны Вольтера, вызвавшаго ко всѣмъ добрымъ и свободомыслящимъ умамъ, и предлогомъ къ горячему обмѣну мыслей между Вольтеромъ и Екатериною II.[1] Между тѣмъ какъ кругомъ господствовалъ уголовный процессъ и пытка, Беккарія настаивалъ на отмѣнѣ насильственныхъ средствъ, на введеніе публичнаго суда присяжныхъ, на уничтоженіе смертной казни и конфискаціи. Онъ указывалъ на народное образованіе и общественную свободу, какъ на лучшую школу для нов-

---

Затѣмъ были новыя изданія въ 1804-14 г. (4 т.) и далѣе было нѣсколько переводовъ Беккаріи (1803-1806 г). Въ послѣднее время появилось два новыхъ перевода его. Ученія Монтескье и Беккаріи были признаны; сочиненія ихъ переводились на всѣ европейскіе языки. выходили во множествѣ изданій.

1. Жанъ Каласъ, купецъ-протестантъ, судимый въ тулузскомъ парламентѣ (1762), по ложному обвиненію въ повѣшеніи собственнаго сына за его будто бы желаніе перейти въ католицизмъ. Послѣ страшныхъ пытокъ онъ былъ преданъ колесованію, причемъ пострадало и его семейство. Но впослѣдствіи Вольтеръ своимъ трактатомъ о терпимости добился оправданія памяти Каласа и возвращенія его имущества его семейству (1765). Вскорѣ однако, въ предѣлахъ того же

ходимаго усовершенствованія общественной жизни и правъ.
Понятно, что Екатерина пожелала пригласить самого Беккарія въ Россію. « Во Франціи сочиненіе это запрещено, прибавляетъ она въ письмѣ къ Елагину (нач. 1767 г), какъ сочиненіе, неуважающее законодательства. Это - новое преступленіе, пожелательно было бы, чтобы слѣдовали началамъ Беккарія, не смѣвшаго выставить своего имени на заглавіи своего сочиненія».. Импер-ца готова была не щадить средствъ на его переѣздъ въ Россію, но несмотря на согласіе Беккарія, семейныя обстоятельства помѣшали ему воспользоваться этимъ приглашеніемъ. (Сборн. X, 183-85).

<u>Вліяніе идей Беккаріи</u>. Въ слѣдъ за Беккаріей, Екатерина вноситъ въ свой Наказъ постановленія о раздѣленіи властей законодательной и судебной, объ ограниченіи права толкованія законовъ судьями, объ ограниченіи вообще произвола судей. Это требованіе понятно, если принять во вниманіе, что такимъ правомъ часто пользовались въ западной Европѣ, для произнесенія смертныхъ приговоровъ, тюремныхъ заключеній и т. п. Въ юридической практикѣ прямое слѣдованіе буквѣ закона привело къ не менѣе существеннымъ злоупотребленіямъ. Отсюда возникла потребность въ ясномъ, простомъ, удобномъ для народа изложеніи закона и обученіи въ школахъ законамъ страны, о чемъ заявляли и Беккарія, и Екатерина. Законодательство, по ихъ мнѣнію, не должно преслѣдовать своей цѣли далѣе вреда, причиняемаго

Тулузскаго округа готовилась подобная же участь семейству Сирвена за отказъ дочери его перейти въ католицизмъ. Вольтеру также удалось защитить его.

обществу или отдѣльнымъ лицамъ. Наказаніе должно быть чуждо насилія, поэтому оно должно быть публичное, быстрое, умѣренное. Оно должно быть не столько мучительнымъ по своему качеству, сколько нравственнымъ по своему вліянію на сердце преступника. Въ этомъ случаѣ важно не суровое наказаніе, но неизбѣжность этого послѣдняго. Екатерина вмѣстѣ съ Беккаріей возстаетъ противъ смертной казни и ставитъ въ примѣръ Елисавету Петровну, отмѣнившую ее. Она допускаетъ смертную казнь лишь за политическія преступленія. Законодательство, по мнѣнію Беккаріи и Екатерины, должно быть таково, чтобы граждане наименѣе подлежали наказанію, оно должно сообразоваться съ потребностями наибольшаго блага. Хотите предупредить преступленія, восклицаетъ она, распространяйте просвѣщеніе. Черезъ Наказъ Екатерины нѣкоторыя мнѣнія Беккаріи вошли потомъ въ русскій Сводъ, несмотря на одновременное съ тѣмъ запрещеніе его сочиненія. По ея мнѣнію граждане должны судиться равными себѣ, и въ учрежденіи о губерніяхъ эта идея получила осуществленіе (1775), гдѣ каждому сословію дано было право собственнаго уголовнаго и гражданскаго суда; но у насъ это ни къ чему не привело, между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ подобная сословность была необходима вслѣдствіе возникшей въ то время сословной вражды.

<u>Вліяніе Монтескьё.</u> Съ другой стороны, слѣдуя Монтескьё, Екатерина дѣлитъ преступленія на 4 рода: 1) противъ вѣры; 2) нравовъ, 3) спокойствія и 4) безопасности гражданъ. Къ разряду религіозныхъ преступленій она относитъ только тѣ, которыя открыто оскорбляютъ

религію; поэтому извѣстное убѣжденіе, мнѣніе не составляютъ сами по себѣ религіознаго преступленія. Екатерина ограничиваетъ и политическія преступленія: посягательствомъ на жизнь государя и измѣною отечеству. Она исключаетъ изъ этого все, что не соединено съ прямымъ дѣйствіемъ, какъ оскорбленіе словомъ и письмомъ. Вслѣдъ за Монтескьё она рекомендуетъ смягченіе наказаній, потому что въ наказаніи главное должно быть не мѣра его, а нравственное послѣдствіе - стыдъ, а гдѣ послѣдній не дѣйствуетъ, то это результатъ тираніи, которая одинаково караетъ и добрыхъ, и злыхъ. Когда зло устранено, то это считаютъ заслугою законодателя, но не хотятъ замѣтить порока, порожденнаго этою твердостью: умы уже испорчены, вслѣдствіе привычки къ наказанію. Наказаніе должно соотвѣтствовать природѣ преступленія: такъ, за оскорбленіе святыни должно лишать тѣхъ выгодъ, какія даетъ религія, т. е. изгнать изъ храмовъ, лишить общества вѣрныхъ и т. п.; за преступленіе противъ нравственности удалить изъ общества, изгнать изъ города и т. п.

Подвергнутый двойному просмотру, Наказъ Екатерины подвергся измѣненіямъ и отступленіямъ. Нѣкоторыя статьи, слѣдуя одному изъ указанныхъ авторовъ, изложены какъ бы нарочно болѣе темно, менѣе рѣзко (напр. статья 74). Въ другихъ случаяхъ Екатерина отступаетъ отъ изложенія своихъ авторитетовъ по весьма понятнымъ соображеніямъ: такъ Монтескьё смотритъ на дворянство, сообразно съ значеніемъ его на Западѣ, какъ на среднее звено между властью и народомъ; Екатерина, признавая его особымъ сословіемъ, не думаетъ его однако замкнутымъ. Она отступаетъ, когда

касается положенія русскихъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ хозяйствъ, а иногда дѣлаетъ намеки на своихъ критиковъ. Выводя изъ положенія, что христіанство обязываетъ насъ дѣлать добро другъ другу, она заявляетъ, что цѣль законодательства есть возможно высшее благо подданныхъ, чтобы всѣ пользовались равными законами, т.е. чтобы болѣе сильные и богатые не могли угнетать бѣдныхъ. Законы должны сообразоваться съ умоначертаніемъ народнымъ, которое зависитъ отъ многихъ условій: вѣры, климата, нравовъ, обычаевъ, законовъ и состояній. Россія есть европейская держава и одна изъ главныхъ цѣлей Наказа — внести въ русское законодательство европейскія начала. Такъ, утверждая, что русскій монархъ есть самодержавный потому, что никакая другая форма, по обширности имперіи, не приличнa къ Россіи, Екатерина далѣе опредѣляетъ, что принципъ самодержавія „не томъ, чтобы у людей отнимать ихъ естественную вольность." Взглядъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію Монтескьё о монархической власти. „Сіе могутъ не понравиться, продолжаетъ Екатерина, ласкателямъ, которые по вся дни обладателямъ твердятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ (себѣ) сказать, что мы сотворены для нашего народа." Цѣль самодержавныхъ правителей есть слава гражданъ, государства и государя... благо отечества должно быть желаніемъ каждаго гражданина. Но государь не долженъ во все вмѣшиваться; власти и среднія, и подчиненныя составляютъ существо правленія; законы предполагаютъ протоки, т.е. правительства, черезъ которые изливается власть государева. Сенатъ и прочія правительства

принимаютъ законъ отъ государя, разсматриваютъ его и имѣютъ право представить, когда въ нихъ сыщется, что они противны уложенію". Эта мысль во французскомъ изданіи выражалась еще яснѣе. Екатерина высказываетъ мысль о необходимости предварительной подготовки умовъ къ законодательству. Относительно положенія крестьянъ напр., она замѣчаетъ: „Не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго". Она указываетъ на необходимость, чтобы законы ограждали злоупотребленія, проистекающія отъ рабства. Впрочем она оговаривается, что законъ не долженъ сдѣлать сразу большое число свободныхъ, но долженъ предупредить тѣ причины, которыя производятъ такъ часто непослушаніе противъ господъ. Она указываетъ на распространившійся въ Россіи обычай отпускать крестьянъ на оброкъ, вмѣсто того, чтобы самимъ управлять имуществами, а между тѣмъ налогъ, налагаемый на нихъ, великъ (до 5 руб.). Однако тутъ же указываетъ Екатерина и дурныя послѣдствія рабства: бѣдность націи, которая боится казаться богатою, чтобы не вызвать гоненія, малочисленность населенія. Она признавала необходимость землевладѣнія для крестьянъ.

Понятіе закона. Въ Наказѣ Екатерины именно ясно проводится потребность огражденія личности отъ привлеченія къ суду (арестъ), о примѣненіи наказанія соотвѣтственно преступленію, о сохраненіи чести до приговора; статьи, касающіяся пытки, весьма многочисленны и изложены въ высшей степени сочувственно къ человѣческой личности и пр. и т.п. Общій взглядъ

Екатерины на систему наказаній можетъ быть выраженъ словами: „По мѣрѣ, какъ умы въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается и чувствительность каждаго особо гражданина, а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надо, чтобы строгость наказаній умалялась. Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого болѣе не боялись. Гоненіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить своему закону умягчаетъ и самыя жестокія сердца и отводитъ ихъ отъ самаго закоренѣлаго упорства." (О наказѣ Екатерины II статьи: Щебальскаго, Заря 1869; Елисеева въ Отечест. Зап. т. CLXXVI; Кистяковскаго, Универ. Изв. 1864; О преступленіяхъ и наказаніяхъ Беккаріи, изд. Зарудиаго, 1879; Солов. т. XXVII; Пахманъ, исторія кодификаціи).

Рукопись и изданія Наказа. Изъ имѣющихся свѣдѣній объ оригиналѣ Наказа видно, что большая часть его писана по-французски, а частію по-русски (почти все собственноручно Екатериною), и оригиналъ этотъ съ переводомъ матеріаловъ, послужившихъ Екатеринѣ источниками (сдѣл. Козицкимъ), - хранится въ Академіи Наукъ; рукопись же русскаго перевода наказа (также собственноручная) - находится въ сенатѣ (Библ. Зап. т. II, 112-115; Сборн. т. IV, 40-42; библ. листки въ Отеч. Зап. 1856-57 г.г.). Изъ переписки Вольтера видно, что Екатерина сообщила ему рукопись Наказа на франц. языкѣ, а Фридриху II на нѣмецкомъ (Щеб. 87-88). Екатерина гордилась тѣмъ, что русскій текстъ Наказа написанъ чистымъ русскимъ языкомъ и чуждъ иностранныхъ выраженій и словъ (Сборн. XXVII, 21). Въ теченіе 1767 г., въ

Москвѣ появились въ печати русское и нѣмецкое изданія; въ 1768 г. - русское въ Петербургѣ; въ 1770 г. - въ Петербургѣ на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; затѣмъ въ теченіе цар-ія Екатерины въ Россіи и заграницей былъ изданъ рядъ переводовъ его на нѣмецкомъ, французскомъ, новогреческомъ, итальянскомъ, польскомъ языкахъ. Изъ позднѣйшихъ изданій - самое доступное въ томѣ Собраніи Законовъ и въ Собраніи сочиненій Екатерины, изданныхъ Смирдинымъ (Щебальскій 127; Смирдинъ, Сопиковъ, Евгеній, Библ. Зап., Отеч. Зап.). Въ ноябрѣ 1769 г. кн. Д. А. Голицынъ извѣщалъ однако, что Наказъ былъ запрещенъ въ Парижѣ тогдашнимъ министромъ Шуазелемъ, что считалось по замѣчанію Голицына за лучшее признаніе его превосходства. «Можно фоліанты наполнить заглавіями хорошихъ сочиненій, говоритъ онъ, запрещенныхъ Шуазелемъ, и какъ Наказъ нашъ стоитъ неизмѣримо выше ихъ (тѣхъ) всѣхъ, потомъ тѣмъ менѣе могъ ускользнуть отъ его преслѣдованія» (Сборн. XV, 634).[1]

---

1. Заглавія Наказа: о безопасности или постановленіяхъ государственныхъ; о состояніи всѣхъ, въ государствѣ живущихъ; о законахъ вообще, о законахъ подробно; о наказаніяхъ; о производствѣ суда; о обрядѣ криминальнаго суда; о размноженіи народа въ государствѣ; о рукодѣліи и торговлѣ; о воспитаніи; о дворянствѣ; о среднемъ родѣ людей; о городахъ; о наслѣдникахъ; о преступленіяхъ въ оскорбленіи величества; о судахъ и особливыхъ нарядахъ; какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію. Первое дополненіе къ Большому наказу:

Манифестъ о созваніи депутатовъ коммиссіи и права депутатовъ. Въ манифестѣ о созваніи въ Москвѣ коммиссіи Уложенія и выборѣ депутатовъ, изданномъ 14 дек. 1767 г. (П. С. З. 12,801), Екатерина говоритъ, что, вникая въ ходъ дѣлъ, она въ первые три года своего царствованія убѣдилась въ недостаткахъ русскаго законодательства, представлявшаго съ одной стороны множество лишнихъ постановленій, а съ другой - отсутствіе необходимыхъ изъ нихъ, несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами, и, наконецъ, несходство старыхъ узаконеній съ новыми обычаями, служившими постояннымъ препятствіемъ къ правильному теченію правосудія. По этому случаю Импер-ца сама присутствовала въ сенатѣ, чтобы объявить манифестъ объ учрежденіи коммиссіи. Депутаты созывались изъ всѣхъ частей имперіи. Сенатъ, синодъ, коллегіи, канцеляріи (кромѣ губернскихъ и воеводскихъ) должны были прислать въ нея по одному депутату. - Каждый уѣздъ, гдѣ губерніи были раздѣлены на уѣзды и гдѣ были дворяне, а также тѣ уѣзды, которые носили

гл. XXI. Облагочиніи или полиціи - вышло въ Спб. 1768 г. Второе дополненіе, гл. XXII о расходахъ, доходахъ и государственномъ ономъ управленіи, сирѣчь о государственномъ строительствѣ, иначе Камернымъ правленіемъ нарицаемомъ. (статьи 527-655, Спб. 8-го апр. 1768 г.). Начертаніе и приведенія къ окончанію коммиссіи Уложенія, 2 части: 1-ю правѣ общемъ (государственномъ) и 2-я-частномъ (гражданскомъ) 8-го апр. тамже 1768 г. Смирдинъ, т. I Акты относящіеся къ дѣламъ Коммиссіи, помѣщены въ П. С. З. № 12,801-13,156.

другія наименованія (полки, крейсы), должны были выбрать по одному депутату; города, однодворцы, въ каждой провинціи, пахотные солдаты и разные служилые люди по одному депутату; государственные черносошники и ясачные крестьяне по одному депутату; не кочующіе инородцы, крещеные и некрещеные, отъ каждаго народа, съ каждой провинціи по одному депутату. Опредѣленіе числа депутатовъ отъ казачьихъ войскъ и Запорожскаго предоставлено было ихъ высшему начальству. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкой. Всѣ они должны были собраться черезъ полгода по объявленіи манифеста и явиться въ сенатъ. Они собирались какъ для выслушанія нуждъ каждой мѣстности, такъ и для участія въ дѣйствіяхъ коммиссіи о составленіи новаго Уложенія. Они пользовались весьма важными преимуществами, а именно: освобождались на всю жизнь, не смотря ни на какое преступленіе, - отъ смертной казни, отъ пытки и тѣлеснаго наказанія, и дѣла о такихъ лицахъ судъ долженъ былъ представлять на усмотрѣніе императрицы; ихъ освобождались отъ конфискацій во всѣхъ случаяхъ кромѣ долговъ. Нанесеніе оскорбленія и вреда членамъ Коммиссіи наказывалось вдвое противъ обыкновеннаго. Депутаты должны были имѣть особые знаки, которые они сохраняли на всю жизнь, а депутатамъ изъ дворянъ предоставлялось помѣщать ихъ въ свои гербы. Они пользовались особымъ окладомъ[1] и могли

1. Дворяне по 400 р., городскіе депутаты - 122 р., прочіе по 37 р. На первый годъ сенатъ ассигновалъ до 200,000 р. (изъ монетной экспедиціи). П. С. З. № 12,840.

поручать свои обязанности, и вмѣстѣ съ тѣмъ и при-мущества другимъ лицамъ, но дворяне могли передать ихъ только дворянамъ. Инородческіе депутаты, не знавшіе русскаго языка, должны были озаботиться пріисканіемъ переводчиковъ и избраніемъ на мѣсто опекуна, который хлопоталъ бы по ихъ дѣламъ въ Коммиссіи.

Порядокъ выборовъ. Объявленіе манифеста о созваніи дворянъ возлагалось на губернаторовъ и мѣстныхъ начальниковъ, причемъ женщины, владѣвшія имуществами, имѣли право присылать свой отзывъ о томъ, кого онѣ желаютъ избрать въ депутаты. Предварительно избранію депутатовъ выбирался предводитель, пользовавшійся титуломъ [illegible] [illegible], который и руководилъ выборами. Предъ избраніемъ дворяне давали присягу. Отъ избираемыхъ требовалось имѣть не менѣе 25 л., имѣть помѣстье и быть честнаго поведенія. Депутаты избирались въ теченіе дня. Затѣмъ дворяне составляли Наказъ депутатамъ, причемъ не могли касаться своихъ частныхъ дѣлъ. Копіи съ такихъ Наказовъ передавались на храненіе въ церкви, гдѣ приносилась присяга. Городскіе депутаты должны были имѣть въ городѣ домъ, торгъ или заниматься ремесломъ; для веденія выборовъ здѣсь избирались городскіе головы; но отсутствующіе изъ города и женщины не допускались къ собранію. Остальные разряды депутатовъ избирались въ своихъ уѣздахъ и погостахъ, а выборами ихъ руководили повѣренные, а также давались Наказы. Число избирателей доходило въ Петербургѣ до 107 чел. а мѣстомъ избранія здѣсь служилъ домъ гр. А. С. Строганова, причемъ сановные люди являлись въ собраніе безъ всякихъ знаковъ отличія. Слѣдуетъ

заметить, что и повѣренные, и депутаты въ Петербургѣ бирались въ большинствѣ изъ знатныхъ особъ и вообще лицъ служащихъ и извѣстныхъ по своему положенію. Депутатомъ отъ города избранъ былъ гр. Ал. Гр. Орловъ. Тотъ избранiемъ ны избирательной коммиссiи предложили подписку на сооруженiе „приличнаго Ея особѣ памятника". Въ Москвѣ избирателей было 163. Депутатомъ въ Коммиссiю былъ выбранъ генералъ-аншефъ П. И. Панинъ (возведенный въ граф. достоинство вмѣстѣ съ братомъ своимъ Н. И. Панинымъ, въ сентябрѣ 1767 г.) отъ московскаго уѣзда, а отъ города Москвы генералъ-аншефъ кн. А. М. Голицынъ. Избранными здѣсь были по большей части люди, извѣстные по своему административному положенію. Въ дворянскихъ выборахъ также выдвигался фамилiи лицъ съ такимъ же положенiемъ. (Поленовъ Зап. въ Сборн. IV, 1–33; Опис. вед. депут. депут. въ Ч. М. О. И. 1866, I). Наставленiя объ избранiи депутатовъ и порядки избранiя были писаны или собственноручно Екатериною II, или секретаремъ ея Козицкимъ и исправлены ею. (Сборн. X, 138–156). Въ 20 тогдашнихъ губернiяхъ (Сб. X, 221 и IV, 33) было избрано всего 565 представителей. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ имена знатныхъ вельможъ царствованiя Екатерины: кн. М. Н. Волконскiй, А. П. Мельгуновъ, кн. А. М. Голицынъ, гр. З. Г. Чернышевъ, А. И. Бибиковъ, гр. Я. А. Брюсъ, гр. П. И. Панинъ, Д. В. Волковъ, гр. А. С. Строгановъ, гр. Г. Г. и Ѳ. Г. Орловы, гр. Р. Л. Воронцовъ, Л. А. Нарышкинъ, кн. А. А. Вяземскiй; ученыхъ и литераторовъ: А. А. Бартовъ, Г. Ф. Миллеръ, Г. В. Козицкiй, кн. М. М. Щербатовъ, И. П. Елагинъ, гр. А. П. Шуваловъ (извѣстный своими франц. стихами), А. В. Олсуфьевъ, А. А. Ржевскiй,

А.В. и С.В. Нарышкины. Далѣе слѣдуетъ рядъ фамилій, принадлежавшихъ къ болѣе образованной части дворянства, а съ ними дворянъ встрѣчаются и неграмотные (Списки Лонгинова, Рус. Вѣст. 1861, дек.; Сборн. IV, 254-255). Замѣчательно однако, что, хотя депутаты и отличались значительными привилегіями, въ томъ числѣ вовсе рѣшительно не подлежали смертной казни, лишь только въ январѣ 1775 г. депутатъ Казацкаго войска Оренбургской губ. Тимофей Падуровъ, за участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ, былъ лишенъ депутатскаго званія и повѣшенъ. (Списки 59-60).

Столкновенія въ провинціяхъ на особомъ положеніи.

Выборы депутатовъ происходили повсюду спокойно и правильно; но провинціи, находившіяся на особомъ положеніи, снова заявили о своихъ притязаніяхъ: въ Лифляндской и Эстляндской губ. дворяне не хотѣли производить установленнаго выбора, а сами назначили уполномоченныхъ депутатовъ, баллы не клались, по приказанію ландмаршала, секретарями собранія; лица, владѣвшія въ краѣ землями, но не принадлежавшія къ туземному дворянству, не хотѣли допускать къ выборамъ, когда Кернау и Дерптъ совсѣмъ отказались отъ выборовъ. Сенатъ опредѣлилъ произвести выборы на основаніи манифеста, Солов. XXVII, 42-44). Въ Малороссіи движеніе приняло болѣе обширные размѣры и агитація достигла высшей степени: и наши [illegible] говорили прямо гр. Румянцеву, а если уже необходимо быть депутатамъ, то развѣ для того, чтобы искать подтвержденія правъ и привилегій." Народъ заявилъ

недовольной на растолстѣвшее [illegible] шляхетство, которое производило смуты. Одни говорили, что сочиненіе новаго Уложенія предназначается для великороссіянъ; дворяне Малороссіи не хотѣли и слышать, чтобы сидѣть вмѣстѣ съ мѣщанами, имѣя всѣхъ граждан мужиками; а Стародубъ и Черниговъ остались отдѣльными представи... Когда же дѣло коснулось избранія депутатовъ, во-стали излагать свойственныя имъ исканія и желанія: чтобы права и вольности были имъ возвращены, поборы уничтожены, войска выведены, гетманство возстановлено и т.п. Защитникомъ правительства въ данномъ случаѣ выступилъ Безбородко, отставной генеральный судья и посылъ, а Румянцевъ передалъ черезъ нихъ наставленія о неупотребленіи такихъ требованій и угнетеній крестьянъ старшиною и казаками, которые (которыя) правдами и неправдами достигли шляхетства. Въ Полтавѣ генеральный обозный Кочубей едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію вмѣстѣ съ горожанами; въ Прилукахъ шляхетство и казаки отказались производить выборы вмѣстѣ съ мѣщанами; въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи также происходили смуты и волненія. Но Екатерина писала Румянцеву, чтобы онъ точно исполнялъ ея требованія. Дѣйствительно Румянцевъ принялъ свои мѣры: нѣкоторые выборы были кассированы и произведены вновь (Солов. XXVIII, 37-56; Авсѣенко, Малороссія въ 1767 году).
За то сибирскій губернаторъ Д. Чичеринъ извѣщалъ, что предложеніе о присылкѣ депутатовъ произвело на сибирскихъ инородцевъ самое благопріятное впечатлѣніе.
«Какъ до нихъ дойдетъ указъ, писалъ онъ брату,

стояли великими толпами съ женами и дѣтьми, цѣлуя губами и всѣмъ написанное ими и дѣтей прикладывали». Случалось, что никто не хотѣлъ быть депутатомъ; въ другихъ мѣстахъ выбирали силою, кого хотѣли насильно (напр. въ Енисейскѣ). Нѣкоторые депутаты совсѣмъ не въ состояніи были составить наказа, подписывали его чужимъ у другихъ; иные писали, что никакихъ нуждъ у нихъ не имѣется, что всѣмъ довольны, или ссылались на свое «скудоуміе»; даже такіе образованные, какъ Болотовъ уклонились отъ выборовъ и оставались въ своихъ деревняхъ (II, 654); но было много и такихъ, которые добивались этой чести ради жалованья и другихъ выгодъ. Свой отказъ Болотовъ мотивировалъ такъ: «Какъ я предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ, что громко подымается много, людей отторгается множество отъ дѣлъ, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздору будетъ много, а дѣла изъ всего этого нисколько, и все кончится ничѣмъ, а потому не хотѣлось мнѣ разставаться съ семьею своею и своимъ блаженнымъ деревенскимъ житьемъ».

<u>Переѣздъ Екатерины въ Москву. Приготовленія къ открытію коммиссіи. Путешествіе по Волгѣ.</u> Ко дню открытія Коммиссіи Екатерина сама предположила отправиться въ Москву. Въ февр. 1767г. она писала д'Аламберу, что отправляется въ Москву, а оттуда по Волгѣ, въ Казань и въ іюнѣ снова вернется въ Москву, и гдѣ начнутъ новое Уложеніе, на основаніи установленныхъ много началъ, которые,

нибудь, не будутъ отвергнуты ими; кто любитъ человѣчество". (Сборн. X, 168-69). Уѣзжая изъ Петербурга, Екатерина вручила начальство въ столицѣ старшему сенатору И. О. Глѣбову, которому поручила охранять ее главнымъ образомъ отъ воровъ и разбойниковъ, почему усилены были ночные патрули и полицейскій надзоръ (X, 170).

Въ мартѣ 1767 г. Екатерина смотрѣла уже въ Москвѣ торжественное шествіе избирательной Коммиссіи (передъ выборами депутатовъ) для принесенія присяги (Поляковъ, 18); а въ концѣ апр. (X, 179-80) отправилась съ своими приближенными и дипломатическимъ корпусомъ по Волгѣ[1]. Съ дороги Екатерина писала о своихъ впечатлѣніяхъ Н. И. Панину и заграничнымъ друзьямъ. Она направилась въ Тверь, Ярославль, Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, Чебоксары, Симбирскъ. Она восторгается берегами Волги, находя ихъ красивѣе береговъ Невы; посѣщаетъ фабрики; принимаетъ участіе въ примиреніи членовъ магистрата въ Ярославлѣ и губернской администраціи въ Казани[2]; содѣйствуетъ учрежденію торговой компаніи въ Н. Новгородѣ и хлопочетъ передъ Дим. Сѣченовымъ о прекра-

---

1. Ее сопровождали: Австрійскій посолъ кн. Лобковичъ, Прусскій гр. Сольмсъ, Испанскій – виконтъ де-ла-Эррера, Датскій – Ассебургъ, шведскій – бар. Рибингъ, франц. (Боссетъ [illegible]) и англійскаго (Макартнэй) пословъ въ то время не было, а были только повѣренные (Зап. Бибикова, прил. стр. 10).

2. По этому поводу она писала Панину: « А губернатора [illegible] не сносить головы » Лебедевъ, гр. Панины, [illegible]

щеній нашихъ надъ излюбленными раскольниками со стороны православнаго духовенства. Нѣкоторые отзывы о городахъ уже намъ извѣстны, см. Лекція 13). Не менѣе интересны замѣтки о "красивой ситуаціи" Нижняго Новгорода примѣчательнаго строенія". По поводу пріѣзда въ Казань, она пишетъ, что этотъ городъ и во всякомъ смыслѣ столица большаго царства; что пріемъ ей былъ оказанъ отличный... что жители готовы были себя <u>вмѣсто ковра</u> постилать, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики <u>давали свѣчи</u>, чтобы <u>поставить передъ императрицею</u>, съ чѣмъ ихъ прогнали; что она помѣстилась въ купеческомъ домѣ, съ комнатами обитыми шелкомъ, съ вызолоченными креслами и диванами, мраморными столами"[1]. "Здѣсь народъ, писала она дальше, по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ... никто нуждъ не терпитъ". Она указываетъ на богатство запасовъ хлѣба, который не продается изъ страха передъ прежнимъ неурожаемъ. Екатерина не упускаетъ упомянуть о болгарскихъ древностяхъ, представляющихъ развалины, благодаря фанатизму епископа Казанскаго Луки, который еще при Елисаветѣ разломалъ ихъ или употребилъ на монастырскія строенія. За его преслѣдованія раскольниковъ и инородцевъ Елисавета распорядилась перевести его въ другую епархію. Екатерина вспоминаетъ съ

---

1. Въ 1769 г., въ письмѣ къ Вольтеру, Екатерина вспоминала о своемъ пребываніи въ Казани такъ: „Два года тому назадъ я знала множество татарскихъ и арабскихъ церквей въ Казани, что доставляло большое удовольствіе жителямъ этого города. Большая часть изъ здѣшняго народа - добрые мусульмане, очень богатые. Они строятъ послѣ моего отъѣзда великолѣпную каменную мечеть" (Сборн. X, 354).

тѣмъ написанныя указъ Петра В. о сохраненіи древностей (Сборн. X, 183-218). Путешествіе по Волгѣ дало Екатеринѣ новый матеріалъ для ея законодательныхъ соображеній. «Эта имперія совсѣмъ особая, пишетъ она Панину, « только здѣсь можно видѣть, что значитъ огромное предпріятіе относительно нашихъ законовъ и какъ нынѣшніе законы мало сообразны съ состояніемъ имперіи вообще. (ib. 206)»[1]

Переводъ Велизарія, Мармонтеля. Кажется нѣмало и эти наблюденія не отвлекали ея отъ любимыхъ занятій: изъ Твери она распоряжается прислать Беккарію въ Россію; во время переѣздовъ по Волгѣ, не въ сообществѣ своихъ приближенныхъ переводитъ только что появившійся романъ Мармонтеля «Велизарій». Благодаря покровительству кружка писателей, во главѣ которыхъ стоялъ фернейскій патріархъ, книга Мармонтеля получила обширное значеніе. Не отличаясь ни оригинальностью, ни художественностью, ни исторической вѣрностью, которая заключалась лишь въ приуроченіи дѣйствія къ историческому лицу, этотъ романъ имѣлъ значеніе по своему политическому смыслу, такъ какъ въ немъ затрогивались современныя отношенія церкви и государства. Въ наставленіяхъ героя романа (Велизарія Юстиніану) высказано много общихъ истинъ, и именно, что интересы монархическаго государя и государства должны быть тождественны, что они счастливы, именно потому, что государи удостоиваютъ своего внима-

1. Яхта, въ которой путешествовала Екатерина II по Волгѣ, досихъ поръ сохраняется въ Казани въ особомъ помѣщеніи.

нія и довѣрія людей недостойныхъ, вооружающихъ его противъ собственнаго народа, заставляютъ его отдѣлять свое отъ народнаго, что порождаетъ внутреннюю борьбу и раздоры въ государствѣ. Для того чтобы устоять противъ этого, государю нужно знаніе всѣхъ соображеній, касающихся человѣческаго блага, нужно знать людей, изучать свой народъ, а для лучшаго познанія — давать свободный ходъ просвѣщенію и питать отвращеніе къ доносамъ. На вопросъ Юстиніана, имѣетъ ли онъ право требовать, чтобы въ его государствѣ было единство вѣры и богословія, — Велисарій отвѣчаетъ, что міръ вѣрованій и совѣсти не подлежатъ его вѣдѣнію и подтверждаетъ это примѣрами изъ византійской исторіи. Вольтеръ, получивъ романъ, съ жадностью читалъ его, особенно XV главу _о вѣротерпимости_: „_Это катехизисъ царей_", пишетъ онъ, это _защита свободы мысли_ столь же искусная, сколько и смѣлая; ничего не можетъ быть ни сильнѣе, ни благоразумнѣе." Понятно, что противъ „Велисарія" выступили клерикалы, а сорбонна наложила на него запрещеніе, находя, что авторъ въ мнѣніяхъ Велисарія проводитъ принципъ _деизма_. Но, благодаря именно этимъ нападкамъ, сочиненіе Мармонтеля быстро разошлось. Вольтеръ же писалъ между прочимъ, что смѣшонъ не Велисарій, а Сорбонна. И сторонники свободы мысли искали защиты у Фридриха II и Екатерины II. Мармонтель поспѣшилъ преподнесть императрицѣ свою книгу, при самомъ восторженномъ письмѣ (X, 187). Это было во время ея путешествія по Волгѣ. Екатерина отвѣчала автору Велисарія, что восхищена его книгой, которую слѣдуетъ перевести на

В. Иконниковъ

<u>всѣ языки</u> (7 мая 1767 г.).

Екатерина путешествовала въ сопровожденіи 2000 чел. свиты и экипажа. Она разсматривала дѣла, знакомилась съ новыми книгами и газетами и переводила Велисарія. Современники писали, что Екатерина хочетъ распространить эту книгу въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ, чтобы подданные ея знали, <u>какія узы</u> соединяютъ ее съ ними. Ей хотѣлось поднести нѣсколько экземпляровъ перевода въ даръ парижской королевской библіотекѣ — новый ударъ для Сорбонны. Одинъ экземпляръ перевода за подписью всѣхъ переводчиковъ посланъ былъ самому Мармонтелю. Въ переводѣ Велисарія участвовали: А. П. Шуваловъ, И. П. Елагинъ, Д. В. Волковъ, на долю котораго досталась 1/4 часть всего сочиненія, А. А. Нарышкинъ, А. И. Бибиковъ, кн. Мещерскій, В. Г. Орловъ, Г. Г. Орловъ, З. Г. Чернышевъ, С. Козьминъ, Козицкій, а сама Екатерина перевела IX главу, въ которой самовластіе подвергается самому безпощадному осужденію, сохранивъ въ переводѣ всю силу выраженій. Переводъ „Велисарія" былъ посвященъ тверскому епископу Гавріилу, а въ письмѣ къ Мармонтелю Екатерина описываетъ весь ходъ этой работы и характеръ самого епископа, чуждаго фанатизма и духа преслѣдованія, превозносимая такимъ образомъ его личныя качества. Въ отвѣтъ получены были новыя письма отъ Мармонтеля къ переводчикамъ и императрицѣ. „Переводъ Велисарія на русскій языкъ, пишетъ онъ, есть безъ сомнѣнія прекрасный памятникъ, воздвигнутый человѣческому слову и философіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и памятникъ, сооруженный царской властью". При этомъ Мармонтель

прибавляетъ, что, получивъ переводъ, онъ цѣловалъ буквы IX главы и просилъ снова перевесть ему эту главу на французскій, причемъ онъ убѣдился въ точной передачѣ подлинника. Переводъ „Велизарія“, сдѣланный въ дорогѣ, вышелъ въ печати лишь въ 1768 г., а затѣмъ появился рядъ новыхъ изданій этого и другихъ переводовъ (Щебальскій, Соч. Екатер. II, Заря 1869, 37-50. Сборн. X, 268-70. Истор. рус. Ак. Сухомлинова т. II. Легенда о Велисаріи, В. И. Корнѣевскаго, Истор. Вѣстн., 1880 г. №10 стр. 342-53).

Лекція 22ᵃ.

Открытіе Коммиссіи Уложенія. Въ половинѣ іюля 1767 г. депутаты собрались въ Москвѣ, и Екатерина назначила кн. А. А. Вяземскаго главнымъ распорядителемъ для открытія торжественнаго шествія ихъ изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ, гдѣ они должны были приносить присягу. Сама Екатерина прибыла туда въ императорской мантіи и коронѣ, окруженная многочисленнымъ штатомъ и вельможами. Депутаты христіанскаго исповѣданія присягнули въ храмѣ. Церковную службу совершилъ Димитрій Сѣченовъ, членъ депутатской коммиссіи отъ Синода. Затѣмъ Екатерина принимала ихъ въ аудіенцъ-залѣ Кремлевскаго дворца. Тамъ же Димитрій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ мысль, что съ этимъ днемъ начинается утвержденіе новаго законодательства въ Россіи; отъ лица же Екатерины произнесъ рѣчь къ депутатамъ вице-канцлеръ Голицынъ. Въ ней депутаты призывались показать потомкамъ,

сколь велико рвеніе ваше объ общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія"... "Вы имѣете случай, говорилъ онъ, прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсть себѣ почитаніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы; очи ихъ на васъ обращены."

Такъ связывала Екатерина свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ народовъ и съ общими интересами человѣчества. Императрица вручила генералъ-прокурору Наказъ Коммиссіи, обрядъ управленія и генералъ-прокурорскій наказъ, а на другой день (31 іюля) положено было открыть засѣданіе коммиссіи. Въ обрядѣ указывалось: на необходимость раздѣленія депутатовъ на частныя коммиссіи для выработки отдѣльныхъ вопросовъ, которые должны были войти въ проектъ новаго уложенія; порядокъ избранія маршала Коммиссіи и порядокъ разсмотрѣнія проектовъ въ Дирекціонной Коммиссіи. Экспедиціонная коммиссія должна была давать редакцію сообщеніямъ частныхъ коммиссій. Наконецъ, Коммиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ — должна была привести ихъ въ общій порядокъ и предложить общему собранію. Частныя коммиссіи должны были состоять изъ 5 членовъ. Было положено вести точные протоколы засѣданій, какъ въ частныхъ, такъ и въ общихъ коммиссіяхъ, для чего были опредѣлены чиновники, состоявшіе подъ вѣдѣніемъ особаго директора, подчиненнаго только императрицѣ. Записывать должно было какъ ходъ дѣла, такъ и рѣчи депутатовъ. Маршалъ, генералъ-прокуроръ и директоръ

должны были направлять засѣданія и наблюдать за теченіемъ дѣлъ. Устанавливала порядокъ произнесенія рѣчей (говорить слѣдовало стоя) и благочиніе въ засѣданіяхъ (за третій безпорядокъ съ виновнаго взимался штрафъ въ пользу воспитательнаго дома); штрафу подвергались и депутаты, отсутствовавшіе болѣе недѣли. Пріѣзжавшіе губернаторы пользовались правомъ присутствія въ Коммиссіи и заявленій о нуждахъ ихъ края (Сборн. X, 222-36). Наказъ генералъ-прокуроръ состоялъ въ предоставленіи ему права регулировать пренія, сообразно съ требованіями юриспруденціи (Полѣновъ 35-49). Засѣданія Коммиссіи назначены были въ Грановитой палатѣ.

Первыя дѣйствія Коммиссіи. Первымъ дѣломъ по прибытіи депутатовъ въ Грановитую палату, 31 іюля, - было чтеніе обряда Коммиссіи и избраніе маршала ея. Болѣе всего голоса остановились на выборѣ И. Г. и Г. Г. Орловыхъ, и, послѣ обсужденія этого вопроса, приступлено было къ баллотировкѣ, причемъ большинство голосовъ оказалось въ пользу вяземскаго депутата И. Гр. Орлова (278 и 150), копорскаго - Г. Г. Орлова (228 и 200), волоколамскаго - З. Г. Чернышева (179 и 249), костромскаго - А. И. Бибикова (165 и 262); затѣмъ слѣдовали: гр. Ѳ. Г. Орловъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Панинъ. Трехъ первыхъ депутатовъ слѣдовало представить на утвержденіе императрицѣ; но они или отказались, или сама императрица отклонила ихъ предложеніе по множеству занятій, и опредѣлила быть маршаломъ Коммиссіи

Бибикову." Во все время выборовъ Екатерина наблюдала изъ тайника, находившагося надъ Грановитой палатой. Въ следующее заседанiе (3го августа) генералъ-прокуроръ объявилъ утвержденiе маршаломъ Бибикова и вручилъ ему маршальскiй жезлъ. Затемъ 5 следующихъ заседанiй были посвящены чтенiю Наказа Екатерины, въ которомъ принимали участiе гр. Г. Г. Орловъ, Бибиковъ, А. Нартовъ, Елагинъ; избранiю членовъ дирекцiонной и другихъ двухъ (экспедицiонной и для разбора депутатскихъ наказовъ) Коммиссiй и выраженiю сочувствiя депутатовъ темъ началамъ, которые были изложены въ Наказе, особенно же, которые касались смягченiя законодательства и отношенiй монархической власти къ своимъ подданнымъ; при этомъ многiе депутаты плакали. Въ пятое заседанiе депутатамъ были розданы золотыя медали съ изображенiемъ вензеля императрицы, съ надписью на обратной стороне: „Блаженство каждаго и всехъ", съ подписью 1766 г. 14 декабря. Тогда некоторые депутаты предложили поднести императрице титулъ: „Премудрой, матери отечества и Великой Екатерины". По этому поводу Екатерина писала А. И. Бибикову: „Я имъ повелела сделать разсмотренiе законовъ, а они делаютъ анатомiю моимъ качествамъ." При поднесенiи же ей этого титула она отвечала: „О званiяхъ же, какъ вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла, на сiе ответствую: 1) на Великая — о моихъ делахъ оставляю времени и потомкамъ беспристрастно судить; 2) Премудрая — никакъ себя таковою назвать не могу,

---

1. Бибиковъ, судя по рукописи его сына, предпочитался Екатериной

чѣво одинъ Богъ премудръ; и 3) Матери отечества — любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе." Въ первыхъ записках засѣданій Коммиссіи тщательно отмѣчается, когда депутаты пребывали въ тишинѣ и спокойствіи, что бывали въ собраніи и когда вставали, или много разговаривали. При этомъ же въ первыхъ засѣданіяхъ послѣдовалъ рядъ передачъ своихъ полномочій депутатами другимъ лицамъ. И только съ 8-го засѣданія коммиссія перешла къ своей прямой обязанности, т.е. къ чтенію наказовъ и ихъ обсужденію (Поленовъ 49-68). Уже во время дѣйствія Коммиссіи Екатеринѣ не разъ приходилось рѣшать вопросъ о порядкѣ дѣлъ, укрощать Бибикова отъ поспѣшныхъ рѣшеній, чтобы кончить это за разъ и сбыть съ рукъ какое-нибудь дѣло; дѣлать внушенія депутатамъ за нарушеніе порядка, при чемъ виновные подвергались штрафамъ Коммиссіи и, въ случаѣ упорства, отсылались въ судъ (Сборн. X, 270-72, 297-302). Во время дѣйствія Коммиссіи Екатерина издала секретный наказъ директору, которому поручено было наблюденіе въ порядкѣ записокъ частныхъ Коммиссій. Въ дирекціонной Коммиссіи мы опять встрѣчаемъ хорошо извѣстныя имена: Дмитрія Сѣченова, графовъ Орловыхъ, Волконскаго, Чернышева, Голицына, Волкова, а въ числѣ кандидатовъ Щербатова (историка), Панина и др.; но, по постановленію Коммиссіи,

---

Къ этой должности онъ рекомендовался ей по Волгѣ, участвовалъ въ переводѣ Велисарія, завѣдывалъ выборомъ костромскаго дворянства, наказъ котораго написанъ имъ самимъ.

она должна была раздѣлиться на нѣсколько частныхъ коммиссій, сообразно съ родомъ дѣлъ. Такихъ коммиссій, кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ, было 16: 1) о родахъ государственныхъ жителей (сословій), 2) по правосудію, 3) по имѣніямъ, 4) о среднемъ родѣ людей, 5) о полиціи, 6) о городахъ, 7) объ общемъ правѣ, 8) для осмотрѣнія противорѣчій между гражданскими и военными законами, 9) о размноженіи народа, земледѣлія и домостроительства, 10) по образу сборовъ и расходовъ (налоги и финансы), 11) о торговлѣ вообще, 12) духовно-гражданская коммиссія, 13) объ училищахъ и призрѣніи, 14) о почтахъ и гостинницахъ, 15) объ установленіяхъ, касающихся лицъ, 16) по обязательствамъ (т.е. о договорахъ)![1]

Опекунами для иновѣрцевъ были избраны: Олсуфьевъ, Потемкинъ и кн. Сергій Вяземскій (Лонгиновъ, списки депутатовъ въ Рус. Вѣст. 1861 г. № 12). Полное собраніе матеріаловъ, относящихся къ екатерининской коммиссіи, хранится въ Архивѣ II отдѣленія Е.В.К. Оно состоитъ изъ 1) дневныхъ записокъ, 2) мнѣній депутатовъ, читанныхъ въ собраніяхъ, 3) подлинныхъ наказовъ, данныхъ депутатамъ. Дневныя записки обнимаютъ весь періодъ съ 31 іюля 1767 г. по 12 января 1769 г. (т.е. по день закрытія коммиссіи).

---

1. Въ первомъ засѣданіи, въ Москвѣ, присутствовало 460 депутатовъ, изъ числа которыхъ подавали свои мнѣнія и предъявили наказы 148, а именно дворянъ - 43, депутатовъ отъ городовъ 50, отъ присутственныхъ мѣстъ - 8, отъ Смоленской шляхты и городовъ - 6, отъ шляхты - 4, козаковъ и войсковыхъ депутатовъ - 14, однодворцевъ, крестьянъ и пахотныхъ солдатъ - 14, татаръ, башкиръ и др. инородцевъ - 9. Рус. Вѣст. 1876 г., № 1, 147. Всѣхъ избранныхъ депутатовъ было 564, изъ нихъ духовн. лицъ 1, высш. чиновъ, дворянъ и служащ. - 215, купцовъ - 175, однодворц. 16, солд. - 12, крест. - 18, инородц. - 37, новокрещ. 27, казаковъ - 61. Списки депут. Лонгинова, Рус. Вѣст. 1861, № 12.

Всѣхъ засѣданій было 203 (204-е 8 іюля 1770 г). Въ дневныхъ запискахъ представляются внѣшнія подробности засѣданій, которыя дополняютъ мнѣнія депутатовъ.

Общій ходъ занятій Коммиссіи. Чтеніе наказовъ (въ 8-е засѣданіе) началось съ наказа отъ черносошныхъ (государственныхъ) крестьянъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи; затѣмъ коммиссія перешла къ чтенію наказовъ по большей части инородцевъ приволжскаго и приуральскаго края. Эти наказы заключали въ себѣ одни мелкія нужды, не выходя изъ круга обиходныхъ потребностей (уменьшеніе повинностей, увеличеніе угодій и частныя неудобства); но въ нихъ замѣчалось одно существенное стремленіе - это замѣнить существующій судебный порядокъ мѣстнымъ словеснымъ судомъ. Чтеніе и обсужденіе наказовъ продолжалось до 21 сентября, между тѣмъ съ 11 сент. Коммиссія приступила къ чтенію законовъ о правахъ дворянства, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Мих. до 12 дек. 1766 г. Здѣсь существеннымъ вопросомъ представлялось разсужденіе о преимуществахъ древнихъ родовъ и вопросъ о томъ - считать ли наравнѣ съ ними лицъ, дослужившихся до этихъ правъ путемъ табели о рангахъ (11 засѣданій до 2 окт.). Съ 25 сент. по 7 дек. (46 засѣданій) было посвящено чтенію законовъ и разсужденіямъ о купечествѣ. Въ нихъ входили пренія о магистратахъ и ратушахъ, о правахъ купечества, о торговомъ судѣ; о службѣ купцовъ, о повинностяхъ, о цехахъ и ремесленникахъ (о запрещеніи торговать другимъ лицамъ безъ записей въ купечество); о вексельномъ уставѣ, о тало-вѣсномъ судѣ; о продажѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей

(съ Клаймами). Съ 20 ноября (9 засѣданій) Коммиссія посвятила чтенію и обсужденію привилегій Лифляндіи и Эстляндіи, причемъ возникли интересные дебаты о сохраненіи привилегій и уравненіи правъ Прибалтійскаго края съ остальными мѣстностями имперіи. Собранія Коммиссіи въ Москвѣ прекратились 14 дек. 1767 по 18 февр. 1768 г. открылись въ Петербургѣ чтеніемъ законовъ о юстиціи, или лучше сказать церковными постановленіями. Далѣе слѣдовали сужденія о судоустройствѣ и судопроизводствѣ; о должности рекетмейстера; о дѣлахъ, подлежащихъ высшимъ инстанціямъ и сенату; о лицахъ, подвергающихся публичному наказанію; о бѣглыхъ людяхъ; объ освобожденіи отъ холопства инородцевъ, принимающихъ крещеніе; о пыткахъ и о разныхъ видахъ убійствъ; о поединкахъ, мошенничествѣ и зажигательствѣ; о святотатствѣ; о казнокрадствѣ; о говорящихъ „слово и дѣло" по невѣжеству; о лихоимствѣ; о пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ и тому подобные вопросы, которымъ посвящено было 70 засѣданій (по 7 іюля). Въ ряду этихъ вопросовъ особенно сильные споры были возбуждены по поводу крѣпостныхъ крестьянъ и власти помѣщиковъ. Послѣдовало 21 мнѣніе, изъ которыхъ только 3 было въ пользу крестьянъ. Съ 10 іюля начались весьма продолжительныя пренія о проектѣ правъ благородныхъ, легшія потомъ въ основаніе грамоты о дворянствѣ 1785 г., состоящій изъ двухъ частей – о происхожденіи и отличіяхъ благородныхъ и – о правахъ благородныхъ. Засѣданія по этому вопросу тянулись до 6 сент., когда было постановлено передать этотъ вопросъ въ дирекціонную коммиссію. Въ сужденіяхъ по этому поводу выразилось стремленіе дворянства къ раздѣленію

между родовитымъ и выслужившимся дворянствомъ и точному опредѣленію дворянскихъ правъ. Съ другой стороны лифляндскіе и эстляндскіе депутаты отъ дворянства добивались утвержденія ихъ особыхъ правъ и привилегій, примѣру которыхъ послѣдовали также малороссійскіе и смоленскіе депутаты. Но эти стремленія не встрѣтили сочувствія со стороны Екатерины, и маршалъ Бибиковъ отъ ея имени заявилъ, что обсужденіе подобныхъ вопросовъ нарушаетъ обрядъ, данный Коммиссіи, по которому она призвана заниматься составленіемъ проекта законовъ, а не разсуждать о вопросахъ, относящихся къ правленію и вѣдѣнію власти. Съ 9 окт. по 15 дек. обсуждались законы о помѣстьяхъ и вотчинахъ, куда входили также пренія о завѣщаніяхъ, покупкѣ имѣній, о раздѣлѣ, о контрактахъ на недвижимыя имущества и т. п.

18 дек. 1768 г. Бибиковъ заявилъ собранію объ именномъ указѣ, въ силу котораго члены Коммиссіи, состоявшіе въ военныхъ чинахъ, должны были отправиться въ армію, вслѣдствіе войны съ Турціей, почему большое собраніе распускалось до созванія вновь, а оставались лишь частныя коммиссіи, для продолженія своихъ занятій. Но большая Коммиссія больше уже не собиралась. Екатерина старалась устранить значеніе сословности изъ этого собранія. Она распорядилась размѣщать депутатовъ по губерніямъ, а въ самыхъ губерніяхъ порядокъ ихъ установила по времени прибытія въ Москву, а не по чинамъ и званіямъ (Сборн. IV стр. 26).

Составъ Коммиссіи и характеристика Наказовъ.

Изъ числа избранныхъ депутатовъ болѣе 100 чел. не являлось вовсе въ засѣданія. На 460 депутатовъ, бывшихъ на лицо, приходилось ораторовъ: отъ дворянъ 75; отъ городовъ — 55; отъ присутственныхъ мѣстъ — 13; отъ лифляндскаго земства — 6; отъ шляхты — 4; отъ однодворцевъ, крестьянъ и пахотныхъ солдатъ — 20; отъ казаковъ и войскъ — 18; отъ татаръ, башкиръ и др. инородцевъ — 11. Всего было 202 оратора, причемъ въ петербургскую сессію оказалось гораздо меньше, чѣмъ въ московскую, а именно 54 (Рус. Вѣст. 1876 г., № II, 566). Въ интересахъ дѣла, въ петербургскую сессію разрѣшено было членамъ частной коммиссіи «о порядкѣ государства» посѣщать засѣданія сената и др. присутственныхъ мѣстъ (Сборн. X, 295 и П. С. З.), но запрещалось брать на себя ходатайства по дѣламъ. Между наказами встрѣчались и такіе, которые не выражали никакихъ желаній и потребностей и ограничивались лишь похвалами мудрости Екатерины и полнымъ довѣріемъ къ ея волѣ. Только весьма немногія общества предоставляли своему депутату полную мочь (московское дворянство), или подчиняли его отвѣтственности передъ собою за упущенія въ данной инструкціи (Шуйскіе). Въ числѣ депутатовъ мы встрѣчаемъ иногда лицъ, глубоко проникнутыхъ идеями Наказа въ пользу низшихъ классовъ (какъ Левъ Нарышкинъ, относительно народнаго здравія); встрѣчаются примѣры близкаго знакомства съ русскимъ законодательствомъ даже въ частныхъ, мало извѣстныхъ постановленіяхъ, близкое знакомство съ преимуществами исторіи

и положеніемъ Россіи, съ статистикою (кн. Щербатовъ), съ промыслами (солянымъ), съ мѣстными правами и исторіею (малороссійскіе депутаты), съ положеніемъ инородцевъ и колонизаціею Сибири, съ исторіею городовъ, гражданскимъ правомъ (Елагинъ). Такимъ образомъ Коммиссія имѣла въ своей средѣ людей, которые могли дать по каждому вопросу необходимыя свѣдѣнія и указанія. Но бывали и печальныя сцены столкновеній, если возбуждались вопросы, въ которыхъ затрогивалось крестьянское сословіе, не разъ подвергавшееся обвиненію со стороны прочихъ депутатовъ. Мих. Глазовъ (обоянскій депутатъ) позволилъ себѣ даже оскорбленія, противъ чего возстали Г. Г. Орловъ и Бибиковъ; нѣкоторые требовали его исключенія изъ Коммиссіи; но все дѣло ограничилось штрафомъ и испрошеніемъ прощенія у обиженныхъ. Были и другіе подобные же случаи (Рус. Вѣст. 1876, I, 152-70).
Затѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію дѣйствій Коммиссіи по роду ея занятій и начнемъ съ преній ея по вопросу о дворянствѣ.

<u>Пренія о дворянствѣ.</u> Вопросъ о положеніи дворянства открылся чтеніемъ статей отъ Уложенія царя Алексѣя Мих. до указа 12 дек. 1766 включительно. Изъ нихъ видно, что въ продолженіе всего этого времени права и преимущества дворянскаго сословія все возрастали въ ущербъ крѣпостнаго сословія, которое пришло постепенно въ полную зависимость отъ помѣщиковъ. Ко времени созванія Коммиссіи объ Уложеніи дворянство пользовалось правомъ первенства въ государственной службѣ,

въ которую при Екатеринѣ стали записываться съ 15 лѣтъ, и правомъ близкаго отношенія къ верховной власти. Пришли въ Коммиссію дворяне рѣшили и широкимъ спискомъ. Они ходатайствуютъ о выборѣ изъ своей среды нѣсколькихъ коммиссаровъ для разбора ссоръ между дворянами и наемнымъ труда; для немедленнаго изслѣдованія совершившихся преступленій, обидъ и насилій; они требовали разрѣшенія дворянскихъ съѣздовъ каждые два года, съ правомъ ихъ надзирать даже за чиновниками судебной власти и черезъ особыхъ депутатовъ сообщать о томъ правительствующему сенату; хлопотали о выборѣ ландрата и коммиссаровъ — для разбирательства дѣлъ между крестьянами и дворянами. Причемъ судъ надъ ландратомъ и коммиссарами долженъ быть ввѣренъ общему собранію мѣстнаго дворянства. Дворянство роптало на подъячихъ и другихъ лицъ недворянскаго сословія, разбогатѣвшихъ и накупившихъ себѣ деревень, отчего происходило очевидное униженіе дворянства. Костромское дворянство пошло дальше въ своихъ требованіяхъ: оно желало, чтобы никто не могъ быть удостоенъ дворянства въ службу и чиновъ, а чтобы возведеніе въ дворянское достоинство всякій разъ происходило по особому избранію импер.

Другіе дворяне требовали строгаго разсмотрѣнія потомственныхъ дворянъ отъ выслужившихся, которые не могли бы «вкрадываться» въ дворянское сословіе. Они желали, что это сословіе было совершенно обособлено, пользовалось бы спеціальнымъ образованіемъ и воспитаніемъ; имѣло бы особые суды и освобождалось бы отъ тѣлесныхъ и другихъ безчестныхъ наказаній и только напитчини

дворянскаго званія могли бы подвергаться наказанію. Сови-о подробно по этимъ вопросамъ составленъ наказъ Ярославскаго дворянства. Они выходили изъ той мысли, что россійское дворянство есть главный чинъ въ имперіи, а между тѣмъ вслѣдствіе принятыхъ обычаевъ и захватовъ отъ другихъ чиновъ оно пришло въ совершенное забвеніе, а права его затушили подкопами подъ законы. Для огражденія отъ этого на будущее время оно предлагало сдѣлать перепись, списокъ и собрать точныя свѣдѣнія о дворянахъ и ихъ родахъ. Это послужило на охраненіе дворянскаго сословія отъ вторженія вкрадывающихся дворянъ и иностранцевъ. Россійское дворянство одно могло владѣть собственностью, и у тѣхъ, кто завладѣлъ ею не правильно, она должна быть отобрана съ вознагражденіемъ за убытки. Фабрики и заводы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ земледѣлію (лѣсъ, пенька, даже вино), должны составлять владѣніе дворянъ, а равно и винный откупъ въ деревняхъ. Дворяне наказывали даже, ссылаясь на мнѣнія ученѣйшихъ народовъ, на принадлежности имъ однимъ права свободной торговли съ взносомъ извѣстной <u>платы въ казну</u>. И ярославское дворянство высказало также мнѣніе о выборныхъ коммиссарахъ и т. п. Но при этомъ требовалось огражденіе самой личности этихъ выборныхъ особою протекціею императрицы и подчиненіемъ въ судебномъ отношеніи дворянству. Почти въ такомъ родѣ составлены депутатскіе наказы и прочихъ дворянъ, съ прибавленіемъ иногда ихъ особенныхъ желаній. (Какъ веденіе высшаго правительства черезъ <u>дворянскихъ предводителей</u>, введеніе

за оскорбленіе дворянъ наказанія кнутомъ и т. п.).

Въ частности наказы опредѣляли время __съѣздовъ дворянъ__, заботы дворянъ о __сельскомъ хозяйствѣ__, со сборомъ на эту статью постоянныхъ взносовъ; на эти съѣзды должны были привозиться __взрослые дѣти__, чтобы пріучить ихъ къ веденію дѣлъ и разсужденіямъ объ общей пользѣ. Нѣкоторые дворянскіе наказы требовали, чтобы уѣздные судьи и воеводы избирались дворянствомъ же[1]. Въ преніяхъ Коммиссіи нѣкоторые изъ этихъ заявленій шли еще дальше. Нѣкоторые даже отрицали право полученія чиновъ недворянами, а слѣдовательно и дворянскаго достоинства, находя эти пожалованія временными, во время настоятельныхъ нуждъ (какъ въ шведскую войну). __Кн. М. М. Щербатовъ__, выходя изъ той же мысли, приходитъ къ заключенію, что это принужденіе при Петрѣ В. было вызвано пренебреженіемъ дворянъ службою, но теперь, когда и служба, и науки сдѣлались для дворянъ __пріятными__, нѣтъ надобности устранять ихъ отъ прямаго ихъ права. Достоинство дворянства, по мнѣнію оратора, соединяется съ его рожденіемъ; при этомъ онъ указываетъ на примѣръ Римлянъ, у которыхъ уваженіе къ знатнымъ родамъ простиралось до того, что они возводили ихъ __до боговъ__ – слово, зачеркнутое Щербатовымъ и замѣненное словомъ __героевъ__. Далѣе онъ ссылается на то, что всѣ __лучшіе писатели__ признаютъ,

---

1. Что допущено было еще Елисаветою, но вѣроятно примѣнено не было (Собр., XXIV, стр. 428).

что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи и что качества эти имѣютъ болѣе вліянія на тѣхъ, кто съ дѣтства слышитъ о славныхъ подвигахъ своихъ предковъ. Остальные же, говоритъ Щербатовъ, достигши высшаго званія путемъ происковъ, стремятся къ наживѣ и другимъ незаконнымъ пріобрѣтеніямъ. Отсюда онъ приходитъ къ тѣмъ же ограниченіямъ дворянскаго званія. Муромскій депутатъ Чеадаевъ высказывался противъ мелкаго, бѣднаго дворянства, которое бываетъ причиною дурнаго воспитанія, между тѣмъ какъ только познанія въ наукахъ могутъ дать внешнихъ полезныхъ гражданскихъ сановниковъ и искусныхъ военачальниковъ, мелкое же чиновничество не рѣдко прибѣгаетъ къ недозволеннымъ способамъ для обезпеченія себя. Это мнѣніе Чеадаева встрѣчило рядъ заявленій противъ мелкаго дворянства и выслужившихся лицъ. Нѣкоторые (какъ сибирскій губернаторъ Чичеринъ) требовали переименованія сибирскихъ дворянъ въ другое званіе, такъ какъ они выслужились изъ казаковъ, а кн. Щербатовъ для порядочнаго управленія Сибири предлагалъ завести тамъ настоящее русское дворянство или жаловать сибирскихъ служилыхъ людей дворянствомъ, не иначе какъ послѣ 20 лѣтъ службы. Тотъ же Щербатовъ считалъ необходимымъ завести въ главныхъ городахъ школы, изъ которыхъ лучшіе ученики присылались бы въ Московскій Университетъ и Академію Наукъ. Заявленія въ пользу выслужившаго дворянства встрѣчали въ Коммисіи отпоръ и даже сильные нападки. Но слѣдуетъ сказать къ чести Коммисіи, что въ ней нашлись люди, давшіе отвѣтъ на всѣ эти домогательства, приличный философскому вѣку. Такъ депутатъ гадяцкаго, миргородскаго и полтавскаго полковъ Ник. Мотонисъ, паро-

дируя рѣчь Щербатова, между прочимъ замѣтилъ: „Подлаго у меня нѣтъ никого, говоритъ отечество, земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. Подлы только тѣ (которые), кто имѣютъ дурныя свойства, кто производитъ дѣла, противныя закону..., нарушающіе общее спокойствіе (общее спокойствіе) и наконецъ тѣ, кто, не радѣя о моемъ благѣ, вѣкъ свой препровождаетъ праздно. Еще опредѣленнѣе и рѣзче высказался депутатъ отъ г. Рузы И. Смирновъ. Утверждая, что наслѣдники не могутъ пользоваться трудами своихъ отцевъ безъ личныхъ заслугъ, онъ предлагаетъ возведеніе въ дворянство только за личныя заслуги изъ лицъ всѣхъ званій; введеніе законовъ, равныхъ для всего населенія и болѣе строгихъ для провинившихся дворянъ, а также лишеніе дворянства наслѣдниковъ, оказавшихся недостойными своихъ предковъ. „Благородство наше, говоритъ онъ, должно образовать одно тѣло изъ всего народа, не разорванное на противоборствующія сословныя части." Въ томъ же смыслѣ высказались и другіе два депутата (Андрей Руновскій — отъ донецкаго полка и Ив. Зарудный — отъ изюмской провинціи), увлекшіе за собой до 15 депутатовъ отъ городовъ и до 9 отъ полковъ и крестьянъ.

Вопросъ объ образованіи. Вопросъ объ образованіи, въ связи съ служебными преимуществами, занимаетъ выдающееся мѣсто въ заявленіяхъ дворянскихъ депутатовъ. Депутатъ Кашинскаго уѣзда (Кожинъ), ссылаясь на недостаточность одного кадетскаго корпуса — въ Петербургѣ, предлагалъ учредить такой же — въ Москвѣ, на основаніи указа 1731 г., въ пользу котораго возобновить сборъ со вступ-

пающихъ въ бракъ по 1-2р. съ дворянъ и по 50к. съ недворянъ. Но депутатъ серпейскаго дворянства, гр. Ал-дръ Строгановъ, замѣтилъ на это, что, хотя учредить такое училище въ Москвѣ необходимо, для бѣдныхъ дворянъ, но онъ считаетъ подобный поборъ несправедливымъ: онъ противорѣчитъ статьямъ Наказа, который предлагаетъ выгоды и поощренiя для вступающихъ въ бракъ, съ цѣлью размноженiя народа, притомъ всякiй налогъ долженъ служить къ пользѣ всего общества, а не одной его части. Поэтому училище должно содержаться на счетъ дворянъ, имѣющихъ свыше 200 душъ крестьянъ, а вступать въ него могли бы дѣти дворянъ, не обладающихъ такимъ количествомъ душъ. Костромское дворянство предлагало учредить по губернскимъ и провинцiальнымъ городамъ школы или семинарiи, для воспитанiя и обученiя дѣтей дворянъ грамотѣ, ариѳметикѣ и иностраннымъ языкамъ. Тверское дворянство просило объ учрежденiи въ провинцiальныхъ городахъ небольшихъ гимназiй съ однимъ профессоромъ и двумя помощниками. Московское дворянство хлопотало объ учрежденiи въ Москвѣ кадетскаго корпуса и двухъ училищъ для воспитанiя дѣвицъ, на свой счетъ. Другiя просили учрежденiя школъ для бѣдныхъ дворянъ и для приказныхъ и купеческихъ дѣтей; а также освобожденiя дворянъ, окончившихъ школы, отъ службы въ солдатахъ съ тѣмъ, чтобы такiе вступали прямо въ офицеры.

Понятно, что при такомъ настроенiи, собранiе Коммиссiи распалось на двѣ неравныя половины: одна представляла собою интересы высшаго дворянства, другая — мелкаго, находившаго себѣ поддержку въ прочихъ сословiяхъ, а потому и пренiя по этому вопросу приняли острый харак-

теръ. Послѣдняя категорія заявляла, что законъ станетъ тогда уважаться, когда дворянство перестанетъ смотрѣть на себя, какъ на исключительное сословіе и не станетъ дѣлать обидъ другимъ, и что <u>никому не долженъ быть возбраненъ путь къ просвѣщенію дѣтей своихъ науками; такъ какъ разумъ отъ Всевышняго никому не скрытъ.</u> Собраніе все таки пришло къ мысли о раздѣлѣ дворянства на классы. Особенно замѣчательны были доводы депутата кн. Давыдова, который указывалъ на образцы раздѣленія на классы у разныхъ народовъ: римлянъ, славянъ, египтянъ, ссылался на Платона и Аристотеля, которые дѣлятъ знатное сословіе „на 4 класса по качествамъ заслугъ и происхожденія". Примѣняя это къ Россіи, ораторъ полагалъ, что здѣсь дворянство должно состоять изъ 1) лицъ, происшедшихъ отъ царствующихъ и владѣтельныхъ особъ, 2) лицъ, отдѣлившихся отъ тѣхъ же родовъ и давно принадлежавшихъ дворянству, 3) изъ тѣхъ, кто издревле прославился на служеніи отечеству и былъ удостоенъ дворянскаго званія отъ коронованныхъ особъ, 4) изъ тѣхъ, которые происходили отъ лицъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ царскими фамиліями, князей и дворянъ и 5) изъ тѣхъ, чьи предки состояли въ чинахъ, дававшихъ по прежнимъ государственнымъ законамъ право на дворянство. Въ смыслѣ заявленій Давыдова высказались кн. Щербатовъ и Ѳ. Языковъ. Но изъ дѣлъ Коммиссіи не видно, чтобы она пришла къ общему заключенію по этому вопросу. Съ другой стороны, также не состоялось ничего общаго относительно избранія судей и коммиссаровъ отъ дворянъ, но притомъ многіе голоса заявили противъ особеннаго дворянскаго суда, могущаго имѣть вредныя послѣдствія,

какъ для крестьянъ, такъ и относительно интересовъ суда вообще.

Нельзя не замѣтить, что на идеи кн. Давыдова и Щербатова, а равно и тѣхъ депутатовъ, которые отстаивали привилегіи дворянства, имѣли большое вліяніе произведенія современной литературы, въ которыхъ дворянство разсматривалось какъ особый институтъ, или въ смыслѣ англійскаго строя: таковы сочиненія Монтескье и Юма, съ которыми былъ знакомъ и на которыя ссылался кн. Щербатовъ.

Пренія о правахъ купечества и торговлѣ. Дворянство вообще стремилось сосредоточить свои права въ рукахъ избраннаго меньшинства; купечество стремилось къ тому же посредствомъ ограниченія торговыхъ правъ другихъ классовъ. Въ интересахъ торговли и заводской промышленности оно добивалось предоставленія ему права владѣть крестьянами, ссылаясь на недостаточность вольнонаемнаго труда и рабочихъ рукъ; а съ другой стороны оно хлопотало о запрещеніи крестьянамъ и другимъ сословіямъ вести торговлю, безъ записи въ купеческій классъ. Купечество тоже стремится образовать свой собственный судъ, во избѣжаніе тягостей и убыточности общаго суда. Но эти стремленія встрѣтили двоякій отпоръ и со стороны дворянства, и со стороны крестьянскихъ депутатовъ. Нѣкоторые изъ дворянъ настаивали на расширеніи торговыхъ правъ на городскихъ мѣщанъ и крестьянъ, но купечество высказывалось противъ этого. Князь Щербатовъ по этому поводу замѣчаетъ справедливо, что купечество стремится завладѣть всею внутреннею торговлею, упуская

изъ виду торговлю внѣшнюю, находившуюся въ рукахъ иностранцевъ. Щербатовъ допускалъ учрежденіе сословныхъ (выборныхъ) судовъ для купечества, возражалъ противъ монополій, сосредоточенія винныхъ откуповъ въ однѣхъ рукахъ и т. п. и предлагалъ раздѣленіе купечества на три класса. Купечество требовало дозволенія купцамъ первой гильдіи и фабрикантамъ носить шпаги, полагая, что это заставитъ иностранцевъ уважать русское купечество.

Замѣчательно, однако, что купцы вовсе не выражали намѣренія опредѣлить въ точности положеніе мѣщанскаго класса, изъ котораго Екатерина думала создать среднее сословіе. Эта мысль разбилась объ антагонизмъ, возникшій по поводу преній о торговлѣ. Купечество отвергло также предложеніе объ учрежденіи въ портахъ купеческихъ конторъ, маклеровъ, нотаріусовъ и т. п., такъ какъ это тяготило бы личными служебными порученіями, которыя ему приходилось нести по другимъ должностямъ.

Пренія о крѣпостномъ правѣ. Пренія о торговлѣ выставили на видъ и вопросъ о крѣпостномъ правѣ. По этому вопросу образовалось двѣ неравныя категоріи. Одни: владѣльцы фабрикъ, заводовъ, однодворцы, казаки, однимъ словомъ представители всѣхъ свободныхъ сословій добивались расширенія права владѣть крестьянами въ интересахъ промышленности, а другіе просили награды за службу, населенными имѣніями. Но эти предложенія остались безъ обсужденія.

Съ другой стороны, стремленія на расширеніе крѣ-

постнаго права встрѣтило не менѣе рѣзкій отпоръ со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ отъ городовъ и именно дворянства. Но особенно рѣзкій протестъ вызвала претензія фабрикантовъ и заводчиковъ, роскошная и развратная жизнь которыхъ вызвала невыносимыя положенія ихъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи, къ чести сказать, многіе дворянскіе наказы обвиняли помѣщиковъ въ злоупотребленіи ихъ властью. Пьянство и разгулъ крестьянъ, по ихъ словамъ, были слѣдствіемъ того же [illegible] собственниковъ, [illegible] крестьянина [illegible]. Изъ среды депутатовъ въ томъ же смыслѣ высказались: архангельскій крестьянинъ Чупровъ, однодворецъ Масловъ и казачій старшина [illegible]цовъ. Высказывались мнѣнія и крайне [illegible]. Замѣчательно, какъ сословныя интересы привилегіи [illegible] взгляды и требованія отдѣльныхъ лицъ. Представители малороссійскаго шляхетства отстаивали право [illegible]. Замѣчательно также, что кн. Щербатовъ, отстаивая право пріобрѣтенія крестьянъ для заводовъ и фабрикъ, предлагая имъ, чтобы эти крестьяне не [illegible] [illegible], высказывалъ въ то же время вѣрныя мысли о рабствѣ вообще. [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible], какъ собственныя... „съ невольниковъ трудно требовать усердія ли они или нѣтъ. Указывая же на примѣръ Европы, гдѣ нѣтъ невольничества, онъ замѣчаетъ: „Братія моя наши не человѣчество [illegible] [illegible] помышленій дойти до такой суровости, [illegible]

равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ продаваемъ. Мы люди и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ, но разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними". Нѣкоторые изъ депутатовъ предлагали даже обрадовать человѣчество немедленнымъ освобожденіемъ купеческихъ крестьянъ. Особенно возмущала нѣкоторыхъ депутатовъ розничная продажа людей. „Во всей Европѣ нѣтъ такихъ законовъ, даже и въ азіатскихъ странахъ такая продажа не ведется", говоритъ одинъ изъ нихъ. Они предлагали обратить купеческихъ крестьянъ въ государственныхъ.

Изъ преній депутатовъ выяснилось, что владѣніе крестьянами имѣло три вида: посессіонное (фабрикъ и заводовъ), половническое и полное, причемъ даже крайніе защитники дворянскихъ правъ не рѣшались открыто защищать законность рабовладѣнія, а старались смягчить его условными формами. Уже въ Петербургскую сессію, депутатъ козловскаго дворянства, Грекъ Коробьинъ, предлагалъ ограничить права помѣщиковъ на крестьянъ въ имущественномъ отношеніи и допускалъ лишь личное владѣніе. Депутатъ Протасовъ (гороховскаго уѣзда) заявилъ при этомъ, что если будетъ на то монаршая воля, то не остается ничего больше, какъ сдѣлать крестьянъ совсѣмъ свободными, хотя это онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать только постепенно. Такое нерѣшительное отношеніе къ вопросу безъ сомнѣнія согласовалось съ тою осторожностью, какую рекомендовалъ Наказъ относительно его.

Тѣмъ болѣе это вѣроятно въ общемъ основаніи, что, не смотря даже на энергическія заявленія противъ владѣнія крестьянами, фабриками и заводами, Екатерина не отмѣнила этого способа владѣнія вполнѣ (Рус. Вѣст. 1876, № 2).

Заявленія государственныхъ крестьянъ. Представители купечества единодушно защищали свои торговыя права, ссылаясь нарядъ привилегій, данныхъ до Петра II. и послѣ него торговому классу и на Наказъ Екатерины, согласный съ мнѣніемъ одного извѣстнаго юриста, что въ монархическомъ правленіи торговое занятіе для дворянъ неприлично. Но въ то время какъ дворянство и купечество заявляли свои притязанія на владѣнія крестьянами, государственные крестьяне, въ своихъ наказахъ, заявляли о недостаточности ихъ надѣловъ и угодій; имъ часто отводились болотистыя мѣстности, а на сѣверѣ они нерѣдко страдали отъ неурожаевъ, вслѣдствіе чего принуждены были питаться хлѣбомъ съ примѣсью сосновой коры или травы (вахка), и соломой, причинявшими болѣзни и смерть. Они хлопотали о дозволеніи переселиться въ лѣсныя мѣстности, гдѣ земля удобна для хлѣбопашества. На это послышались замѣчанія, что не всѣ эти показанія вѣрны, что кромѣ хлѣбопашества существуютъ другіе промыслы (звѣриный; рыбный), что недостатокъ хлѣба происходитъ также отъ дурнаго веденія хозяйства; о необходимости сѣять картофель. Нѣкоторые настаивали на недозволеніи крестьянамъ продавать свои земли; другіе разовали

на малоземельность дворянъ и предлагали вывести оттуда однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы занять ихъ земли.

Пренія объ имущественныхъ правахъ. Въ связи съ владѣльческими правами дворянъ стоитъ рядъ и другихъ вопросовъ: такъ дворянскія требованія клонились къ тому, чтобы владѣльцамъ какъ родовымъ, такъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ предоставлено было право передачи ихъ кому угодно, опираясь въ данномъ случаѣ на ненормальность отношеній между родителями и дѣтьми. Другіе предлагали установить норму, до которой могъ простираться дѣлежъ имѣнія, или предоставить дѣтямъ пользоваться лишь доходами съ имѣній, которыми управлялъ одинъ изъ наслѣдниковъ. Всѣ эти ограниченія раздѣла имущества опирались на примѣръ народовъ Западной Европы. Наказы обращали вниманіе на прерогативы родительской власти и сформулировали ихъ съ такимъ способомъ, что многія положенія ихъ вошли въ законодательство, но больше въ ущербъ дѣтей. Дворяне настоятельно указывали на необходимость точнаго опредѣленія права собственности (владѣнія, купли, продажи, перехода по наслѣдству и т. п.) и правильнаго размежеванія, которое должно было производиться черезъ выборныхъ. При этомъ нѣкоторые наказы изображаютъ состояніе тогдашняго поземельнаго владѣнія въ крайне печальномъ состояніи: они говорятъ о постоянныхъ захватахъ земель, истребленіи лѣсовъ, потравахъ истребленіи животныхъ, вслѣдствіи охоты и рыбн

ныхъ наѣздовъ по-враждѣ. Наказы указываютъ на недостаточность тогдашняго судопроизводства, которое, за отдаленностью отъ многихъ мѣстъ и невозможностью для несостоятельныхъ заплатить необходимый взносъ за гербовую бумагу, становится недоступнымъ. Дворянство хлопотало о сокращеніи дѣлопроизводства и формальностей, о разрѣшеніи совершать акты на владѣнія помимо вотчинной коллегіи, куда они отправлялись на утвержденіе и отъ чего возникали весьма существенныя злоупотребленія: такъ одно и то же имѣніе продавалось въ разныхъ городахъ, а утверждалось за тѣмъ, кто первый успѣвалъ представить свое ходатайство въ коллегію. Обманы и подлоги этого рода достигали нерѣдко громадныхъ размѣровъ.

Пренія о банкахъ. Далѣе, наказы касающіеся устройства вексельной части и банковыхъ учрежденій, причемъ также обнаруживаются сословныя стремленія. Такъ купцы считаютъ вексельные обороты своею исключительною привилегіею; дворянство же добивалось облегченія своихъ займовъ отъ подобныхъ стѣснительныхъ условій. Относительно банковъ было высказано желаніе устройства ихъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, на основаніи частныхъ вкладовъ. Такіе банки считали необходимымъ основать для себя и купечество; а представители крестьянскихъ обществъ ходатайствовали о разрѣшеніи выдачъ имъ кредита изъ государственныхъ банковъ, причемъ указывалось на то, что имъ приходилось

дѣлать частные займы за 50%.
Изъ другихъ вопросовъ, внесенныхъ и подвергавшихся обсужденію въ Коммиссіи, мы также увидимъ, что сословность постоянно давала себя чувствовать.

Вопросъ о промыслахъ и торговлѣ крестьянъ.

Но требовательность торговаго класса въ отношеніи къ крестьянамъ шла еще дальше. Онъ требовалъ, чтобы крестьяне продавали свои сбереженія и произведенія мѣстнаго производства (кустарная промышленность) не прямо потребителямъ, а торговому классу; между тѣмъ какъ крестьянскіе депутаты указывали, что и безъ того они терпятъ отъ притѣсненій купцовъ. Въ томъ же отрицательномъ смыслѣ о крестьянской торговлѣ высказались депутаты отъ городовъ; они требовали даже запретить болѣе состоятельнымъ крестьянамъ скупать крестьянскій хлѣбъ и другіе продукты для доставки ихъ на рынки и ярмарки. Они хотѣли отбить охоту у крестьянъ къ подобнымъ предпріятіямъ — высокими штрафами въ пользу торговаго класса и казны (1000 руб.) и настаивали на лишеніи права крестьянъ нанимать у купцовъ въ приказчики и сидѣльцы, что способствовало развитію у крестьянъ торговыхъ наклонностей.

Другіе изъ городскихъ депутатовъ настаивали на запрещеніи для крестьянъ даже ловли рыбы... Депутаты указывали на нерадѣніе крестьянъ въ сохраненіи хлѣба, который гніетъ и въ такомъ видѣ продается купцамъ. Вообще въ купеческихъ депутатахъ замѣтно было намѣреніе установить постоянныя границы

между купечествомъ и крестьянствомъ (т.е. образование какихъ-то <u>неподвижныхъ кастъ</u>).

Въ средѣ другихъ классовъ также замѣтно одностороннее понимание общихъ интересовъ. <u>Инородцы хлопочутъ о безпошлинной торговлѣ лошадьми, сѣномъ</u> и т. п.; нѣкоторые изъ дворянъ - о такой же торговлѣ <u>солью</u>, земледѣльческими продуктами; <u>малороссійскіе депутаты</u> старались удержать свои привилегіи <u>о безпошлинной торговлѣ внутри</u> государства, даже иностранными товарами, съ уплатою лишь пограничной пошлины; нѣкоторые изъ крестьянскихъ депутатовъ думали ограничить купечество правомъ торговли одними красными товарами и мн. др.

И эти пренія перешли свою мѣру и вызвали раздраженіе въ средѣ депутатовъ отъ казаковъ и крестьянъ (Анцифировъ), прямо указывавшихъ <u>на значеніе крестьянскаго сословія въ государствѣ</u> и недобросовѣстность купцовъ въ торговлѣ; другіе же упрекали въ недобросовѣстности низшій классъ... Нельзя не замѣтить, однако, что нѣкоторыя изъ этихъ пререканій возникали отчасти вслѣдствіе злоупотребленій, а отчасти вслѣдствіе <u>неопредѣленности законодательства</u>: такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, не состоя въ купеческомъ классѣ, продавали даже красные товары, парчи, сукна и т. п. Однимъ словомъ, депутаты желали, чтобы установлены были строгіе законы, по которымъ одно званіе не вступало бы въ дѣла другаго. Всѣ эти заявленія могли особенно относиться къ <u>приволжскимъ крестьянамъ</u>, инородческимъ поселянамъ и пахотнымъ солдатамъ, сосредоточивавшимъ нерѣдко въ своихъ рукахъ рыбные промыслы, корчемныя

производства, продажу хлѣба, соли, хмѣля, вымѣненія, и подтверждались отзывы Екатерины II о зажиточности поволжскаго населенія. Въ Коммиссіи это объяснялось отчасти недостаткомъ торговаго класса, отчего торговыя дѣла сосредоточивались въ рукахъ производителей; указывалось также на неправильное взиманіе пошлинъ и злоупотребленіе вѣсомъ и мѣрою.

Пренія о торговлѣ вообще. Но надо отдать справедливость *крестьянскимъ наказамъ*, которые и въ частныхъ коммиссіяхъ, и въ общемъ засѣданіи дали возможность поставить эти вопросы на болѣе безпристрастную точку зрѣнія. Въ нихъ говорилось лишь о правѣ крестьянъ на торгъ земледѣльческими произведеніями, сельскими издѣліями, масломъ и т.п. Насколько само положеніе купечества въ Россіи было ненормально, видно изъ мнѣнія кн. Щербатова, который говоритъ, что въ то время въ Россіи считалось торговаго класса 200,000 чел., а дѣйствительно занималось торговлею только 40,000 чел., а потому если допустить еще столько же изъ другихъ званій, то могло ли это число удовлетворить Россію, когда даже Голландія считаетъ у себя такое же число торговцевъ. Онъ обращаетъ вниманіе русскаго купечества на *иностранную торговлю*. Онъ находитъ необходимымъ уравнять *иностранныхъ купцовъ* по правамъ съ русскими, образовать для нихъ Россіи *опекунское учрежденіе*. По указаніямъ другихъ депутатовъ видно, что въ торговомъ классѣ *количество банкротствъ* было чрезвычайно велико, а потому они настаивали на примѣненіи къ этимъ злоупотребленіямъ

более строгихъ законовъ (какъ вѣчная каторга, обязательство уплаты долговъ отъ ратниковъ и т.п.).
Мы видѣли, что уже въ началѣ царствованія Екатерина обратила вниманіе на вредъ монополіи въ куреніи вина и хотѣла ввести свободную торговлю, предоставивъ это право городамъ (компаніямъ) и купечеству, но финансовыя соображенія заставили отступить отъ этого проекта. Само слово „кабакъ" было изгнано изъ употребленія и замѣнено „питейный домъ". Дворяне добивались сосредоточенія этой отрасли торговли въ ихъ рукахъ; при этомъ рисовались картины злоупотребленій при откупѣ. Тоже самое высказывалось и относительно соли, свободной продажи которой также добивались дворяне; другіе предлагали понизить цѣну на соль (40 к. за пудъ), ввести акцизъ; малороссійскіе депутаты отстаивали право свободнаго привоза соли изъ Крыма. Вопросъ о сохраненіи лѣсовъ не привелъ къ изысканію серьезныхъ мѣръ для ихъ охраны. Во многихъ уѣздахъ заявляли, что лѣсъ совсѣмъ перевелся. Представители центральныхъ губерній жаловались на истребленіе лѣсовъ фабриками. Требовали запрещенія вывозить лѣсъ за границу и предлагали мѣры для разведенія новыхъ лѣсовъ. О другихъ промыслахъ сельскаго хозяйства (скотоводство и т.п.) не было помину. Дворяне требовали ограниченія свободной охоты, а крестьяне желали ограниченія времени охоты, уничтоженія срока, облегченія пріобрѣтенія пороха въ частныя руки и т.п.
За то вопросъ о ремесленномъ производствѣ было

дебатированъ съ оживленіемъ, напомнивъ споры о правахъ торговли. Какъ дворянство считало неотъемлемымъ правомъ заниматься крестьянскими ремеслами; такъ купечество считало ихъ тѣсно связанными съ записываніемъ въ цехи, необходимость которыхъ депутаты поддерживали безусловно и доводили ихъ раздѣленіе даже до кастовыхъ формъ.

Вопросъ о подушномъ окладѣ и налогахъ. Нельзя не отмѣтить еще заявленія клинскихъ дворянъ, предлагавшихъ совершенно сложить съ крестьянъ подушный окладъ и замѣнить его косвенными налогами на вино, пиво, чай, кофе, сахаръ, виноградныя вина, табакъ, карты, кареты, псовую охоту, платье, шитое золотомъ и серебромъ, предметы роскоши, пеньку, паспорты вольныхъ рабочихъ людей... Въ случаѣ же невозможности установить эти сборы они предлагали возвысить цѣну на соль, что гораздо легче нести, нежели подвергать крестьянъ тюремному заключенію за недоимки (Сборн. IV, 264-65).

Пренія о судопроизводствѣ. При чтеніи законовъ о юстиціи, на которую обращали вниманіе наказы разныхъ сословій, обсужденіе вопросовъ этого рода началось съ чтенія постановленій о христіанскихъ обязанностяхъ, причемъ депутатами указывалось на притѣсненія отъ духовенства, большими поборами за требы. Съ другой стороны депутаты жаловались на продолжительность судопроизводства. Дворянскіе депутаты предлагали замѣнить судей выборными отъ дворянъ, а судопроизводство

письменнымъ дѣлопроизводствомъ - т. е. того формального суда, какая введена была потомъ и существовала до изданія устава въ 1864 г. Для небольшихъ же дѣлъ ввести одинъ словесный судъ. Нѣкоторые однако предлагали введеніе мировыхъ судовъ (по совѣсти), какіе были тогда въ Англіи и Голландіи. Съ другой стороны депутаты предлагали замѣну частной адвокатуры присяжными повѣренными, такъ какъ первая составила себѣ уже дурную славу и пользовалась общимъ недовѣріемъ. Наконецъ депутаты г. Симбирска предлагали введеніе суда равнаго для всѣхъ сословій (т. XIV).

Прочіе вопросы, поднятые въ наказахъ и обсуждавшіеся въ Коммиссіи. Депутаты правительственныхъ учрежденій предлагали: разрѣшить поступленіе изъ духовнаго званія въ свѣтское и обратно; освободить священниковъ отъ неприличныхъ работъ; завести обученіе дѣтей катехизису; разрѣшить пріобрѣтать крестьянъ священникамъ и причетникамъ; увеличить число свободныхъ дней отъ работъ; какъ поступать съ помѣщиками, причинившими побоями смерть крестьянамъ; запретить стрѣлять изъ ружья въ людныхъ мѣстахъ и носить оружіе подлому народу; обратить недвижимыя монастырскія имущества въ коронныя; запретить приписываться въ казаки; публиковать новости отъ полиціи; учредить въ городахъ публичныя мѣста для увеселенія; искоренить нищихъ въ городахъ. Дворяне предлагали: о заведеніи церковныхъ школъ для крестьянъ; о продажѣ церковныхъ земель; объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими; о продажѣ дворянамъ экономическихъ деревень; объ учрежденіи

закона объ арендахъ; объ учрежденіи по городамъ школъ для дво-
рянскихъ дѣтей, банковъ, хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, ап-
текъ и лекарей; объ учрежденіи почтъ; объ увеличеніи плат
за бѣгство крестьянъ; о поселеніи по уѣздамъ и городамъ
иностранныхъ колонистовъ, которые могли бы научить кре-
стьянъ лучшему веденію хозяйства; объ уничтоженіи заводовъ
для сохраненія лѣсовъ; о введеніи для воровъ и разбойни-
ковъ пытокъ; о введеніи маіоратовъ (Московское дво-
рянство). Суздальское дворянство жаловалось на уничтоже
смертной казни и ограниченіе пытокъ, ссылаясь на разны
убійства, грабежи...

Городскіе жители заявляли о необходимости огражденія хр-
истіанской вѣры и благочинія; о свободѣ отправленія цер-
ковной службы для другихъ исповѣданій; о свободномъ до-
ступѣ въ монашество; объ опредѣленіи пристойнаго жа-
лованья причту; о запрещеніи священникамъ требо-
вать сверхъ установленной платы за требы; объ учрежде
въ городахъ присутственныхъ мѣстъ и городскихъ судовъ
какъ и въ другихъ государствахъ; о подчиненіи городской по-
лиціи ратушамъ и магистратамъ; о выборѣ город-
скихъ головъ гражданами; о заведеніи городскихъ банковъ
о запрещеніи роскоши; о замѣнѣ подушной ревизіи и
дворовою; объ исключеніи изъ подушнаго оклада двор-
дѣтей боярскихъ, купечества, разнаго званія людей и
увольненія ихъ отъ рекрутской повинности; объ учрежд
цеховъ; объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ та-
женъ; объ уничтоженіи монополій; о запрещеніи ругать ин-
странные законы; объ учрежденіи въ городахъ академій,
университетовъ и школъ; объ учрежденіи въ городахъ ле-

аптекъ, повивальныхъ бабокъ; объ учрежденіи казенныхъ больницъ и пріютовъ; о дозволеніи малороссійскому народу избирать гетмана и старшинъ вольными голосами; о предоставленіи старшинамъ судить козаковъ; о выводѣ изъ городовъ раскольниковъ, во избѣжаніе соблазна и др...

Однодворцы и мѣщанцы предъявили: объ опредѣленіи духовныхъ и свѣтскихъ учителей въ школы; о защитѣ отъ прохожденія военныхъ командъ; о разсылкѣ указовъ и распоряженій черезъ церковные приходы; о выборѣ судей всѣмъ обществомъ уѣзда и о выборѣ членовъ въ присутственныя мѣста; объ уменьшеніи 5-лѣтняго срока для воеводъ и о перемѣнѣ ихъ и секретарей по просьбѣ жителей; о выводѣ изъ Малороссіи великороссійскихъ воеводъ; о введеніи словесныхъ судовъ выборными отъ крестьянъ судьями, для рѣшенія дѣлъ не свыше 30 руб.

Голосовъ крѣпостныхъ крестьянъ не было слышно въ Коммиссіи, такъ какъ отъ нихъ не было депутатовъ, но, какъ мы видѣли, въ средѣ ея нашлись защитники ихъ участи и ограниченія правъ помѣщиковъ. Впрочемъ мнѣніе самаго выдающагося изъ защитниковъ крестьянъ (Коробьина) вызвало противъ него 18 голосовъ и только 3 за него, причемъ указывалось на невозможность оставить власть помѣщика надъ лицомъ и отнять её надъ имуществомъ этого лица. Отъ дворянства, купечества и даже духовенства «послышался дружный и страшно печальный крикъ: рабовъ!" по мѣткому выраженію Соловьева. Если не осуществились такія притязанія, то не могли также осуществиться и желанія Наказа даже въ ихъ смягченной формѣ. Однако въ наказѣ Копорскаго дворянства, предсѣдателемъ котораго былъ гр. Гр.

Орловъ, требовалось открытія училищъ при церквахъ, какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ дѣтей, „дабы знаніемъ закона, хотя мало поправить ихъ нравы". Школы эти должны были состоять при церквахъ для крестьянскихъ дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ. То же заявляло и лифляндское дворянство, и кн. Щербатовъ, считавшій также необходимымъ заведеніе школъ для крестьянскихъ дѣтей. Въ частной коммиссіи былъ выработанъ далѣе проектъ низшихъ школъ, которыя должны были состоять въ вѣдѣніи архіереевъ и учреждались бы при церквахъ. Причемъ указаны были предметы обученія: Новый Завѣтъ, Наказъ Екатерины, древняя исторія Роллена, исторія, географія и ариѳметика. Тѣлесныя наказанія въ этихъ школахъ воспрещались (Рус. Вѣст., ст. Соловьева, 1861 г., окт., 335-39. Матер. о Ком. въ сбор. Р.И.О. т. IV, VIII, XIV; Рус. Вѣст. 1876 г., ст. Бланка; Дѣло 1880 г., ст. Шашкова; Вѣст. Евр. 1876 г. ст. Брюловой.)(1)

Лекція 23-я

Церковные вопросы въ Коммиссіи Уложенія.

Синодъ также выбралъ депутата въ Коммиссію. Избраніе это происходило баллотировкою; полное число

---

1. Рѣзкія пренія въ Коммиссіи о крѣпостныхъ людяхъ вызвали нѣсколько рѣзкое замѣчаніе со стороны Екатерины II, сохранившееся въ ея набросках: „Если крѣпостнаго нельзя признать персоною, слѣдовательно онъ не человѣкъ, говоритъ она; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, это слѣдствіе сего благороднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною

шаровъ (9) получилъ митр. Дим. Сѣченовъ. Замѣчательно также, что къ баллотировкѣ былъ допущенъ и другой любимецъ Екатерины, вовсе не бывшій членомъ синода, Гавріилъ тверской (8 шаровъ). По избраніи Сѣченова[1] депутатомъ, синодъ рѣшился заняться составленіемъ наказа: на основаніи Кормчей, статей Регламента Петра В. (о суевѣріяхъ) и разсужденій, бывшихъ въ последніе годы въ синодѣ (о раскольникахъ, брачныхъ разводахъ). Спустя нѣсколько времени оберъ-прокуроръ синода Мелиссино внесъ отъ себя извѣстные уже намъ пункты (см. лекцію 15), которые должны были послужить матеріаломъ для составленія синодскаго наказа (Чт. 1871 г. III, 114-119); но они были составлены въ слишкомъ либеральномъ духѣ.[2] Слѣдовъ обсужденія этихъ пунктовъ нѣтъ въ дѣлахъ синода, но они, кажется, не остались безъ вліянія на наказъ. За то остальные члены внесли свои мнѣнія въ синодъ, въ которыхъ настаивали на заведеніи церковныхъ училищъ, на увеличеніи епархій и потребности въ образованномъ духовенствѣ. Синодъ подтвердилъ также пункты, составленные въ синодѣ въ 1755 г, съ цѣлью усиленія церковнаго надзора, наказанія за религіозныя преступленія и вообще церковной дисциплины (Прилож. къ Хр. Чт. 1876, окт., ноябрь, 228-30). Предварительно наказу составленъ былъ „нотатъ" для него, но при чтеніи послѣдняго изъ него исключены были статьи: объ отвращеніи народа отъ посѣщенія св. мѣстъ, о привѣскахъ къ образамъ, объ избраніи архіерея и должности его, объ избраніи монастырскихъ настоятелей, о богоявленной водѣ и артосѣ.

стыгано, (Собственноручн. І, госуд. Арх. Солов. XXVII, примѣч. 71).

1. По смерти его былъ избранъ Гавріилъ тверской.

2. Нельзя не замѣтить, что они [illegible] многомъ напоминаютъ пункты Петра III, см. выше, стр. 66.

На основаніи указанныхъ данныхъ и преній въ синодѣ былъ выработанъ наказъ синода, составленный неизвѣстнымъ лицомъ, съ присоединеніемъ однако статей, о которыхъ не было рѣчи въ синодѣ (о сравненіи синода по власти съ сенатомъ, объ устраненіи церковныхъ установленій, отяготительныхъ для свѣтскихъ лицъ, изъ проекта Милиссино; о постахъ и разрѣшеніи работъ въ праздничные дни - оба послѣдніе пункта были исключены изъ наказа синодомъ).

Редакція пунктовъ наказа была признана послѣ неоднократныхъ чтеній въ синодѣ. (Наказъ этотъ и всѣ матеріалы, къ нему относящіеся, хранятся въ синодальномъ архивѣ, а копія въ библіотекѣ С. Петербургской духовной академіи). Уже во время засѣданій Коммиссіи, синодъ неоднократно сообщалъ дополненія и вопросы, адресованные къ его депутату. Такъ были препровождены пункты, присланные малороссійскимъ духовенствомъ, которое настаивало на сохраненіи прежнихъ вольностей и обычаевъ своихъ церквей, на уравненіи духовенства въ правахъ съ шляхетствомъ (въ покупкѣ земель и крестьянъ); о дозволеніи духовенству винокуренія и содержанія шинковъ, запрещенныхъ въ 1757 г.; объ освобожденіи духовенства отъ присяги; объ отмѣнѣ таксы за требы, о правахъ Кіевской академіи и т. п.

Вопросы по духовному наказу разсматривались въ разныхъ коммиссіяхъ, и въ особенности въ коммиссіи - о духовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Реестръ этихъ вопросовъ обнималъ до 50 § (47), посвященныхъ церковному благочинію, суевѣрію, святотатству, предупрежденію церковныхъ злоупотребленій, бракамъ, разводу, прелюбодѣянію, кровосмѣшенію, ложной присягѣ, дѣтоубійству, самоубійству, симоніи и т. п. (главные

матеріалы этой комиссіи находятся въ дѣлахъ II отдѣл. Е. В. канцеляріи).

Наказъ синода хотѣлъ основать положеніе церкви на началахъ Кормчей и Регламента; но онъ усиливалъ надзоръ не только духовенства, но и свѣтскаго начальства надъ прихожанами и возобновлялъ наказаніе за уклоненіе отъ исповѣди и причастія, а также подвергалъ осужденію лицъ, дозволявшихъ разсужденія о церковныхъ вопросахъ. Въ приложенныхъ къ наказу пунктахъ, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, ограничивается запрещеніе противъ ложныхъ явленій и неправильныхъ сказаній; встрѣчаются выраженія противъ стѣснительныхъ формъ для духовнаго суда и желаніе оградить духовныхъ лицъ отъ свѣтскаго суда и подчинить исключительно духовному; высказывается желаніе освободить лицъ духовнаго званія отъ работъ и повинностей; разрѣшить имъ покупку крестьянъ; говорится о книгахъ, противныхъ христіанству и развращающихъ нравы; объ устройствѣ приходскихъ богадѣленъ; предлагается строгая регламентація браковъ по лѣтамъ, поламъ, отношеніямъ (родства и опекуны), по службѣ; высказывается запрещеніе вѣнчать подъ покрываломъ, въ домахъ, безъ свидѣтелей; вводятся затрудненія для разводовъ - знакъ весьма частыхъ нарушеній брачной и семейной жизни. (Хр. Чт. 1876, октябрь. ст. Прилежаева).

Мнѣнія Наказа Екатерины о церковныхъ вопросахъ. Но прежде, чѣмъ наказы депутатовъ поступили на разсмотрѣніе своего Наказа лицамъ духовенства: Иннокентію, епископу псковскому, Гавріилу тверскому и Платону, тогда еще простому іеромонаху. Въ своихъ

Наказъ Екатерины ратуетъ за отдѣленіе интерессовъ церкви отъ интересовъ государства и проводитъ идеи о свободѣ религіозныхъ мнѣній и вѣротерпимости. Не касаясь существенныхъ мнѣній импер-цы, критики Наказа даютъ стороною замѣтить несовмѣстность этихъ понятій съ принятыми мнѣніями церкви. Въ ст. 74 говорится противъ наказанія за церковныя преступленія, кромѣ преступленій дѣйствіемъ, а не словомъ или мнѣніемъ; но критики доказывали, что этимъ самымъ нарушается уже принципъ государственнаго порядка, а слѣдовательно является и необходимость гражданской кары. Такое же заключеніе сдѣлали они при опредѣленіи еретичества. Далѣе, коснувшись орфографическихъ недосмотровъ, критики поспѣшили восхвалить мудрость государыни.

Представителей собственно отъ духовнаго сословія, какъ бывало въ древней Россіи (на соборахъ), въ Коммиссіи не было, а былъ единственный представитель отъ духовнаго учрежденія - синода, на равнѣ съ представителями отъ другихъ государственныхъ учрежденій. Но мы видѣли уже какъ высказывались члены сословій и члены Коммиссіи относительно положенія духовенства въ государствѣ, какъ сословія; вопросы эти подвергались обсужденію въ Коммиссіи (частной) „о среднемъ классѣ населенія"(1) и въ дирекціонной коммиссіи

1. Къ первому разряду Коммиссія „о раздѣленіи родовъ государственныхъ жителей" отнесла: князей, графовъ, бароновъ и дворянъ; ко второму мѣщанскому были отнесены: бѣлое духовенство, ученые, художники, ремесленники, купцы, приказные, разночинцы, вольные люди; къ третьему крестьяне свободные и крѣпостные. Относительно внесенія

Предсѣдатель коммиссіи о среднемъ родѣ людей, кн. Щербатовъ, разсуждалъ въ ней о духовенствѣ на основаніи Наказа, и ему поручено было составить записку по этому вопросу. Щербатовъ предоставлялъ особыя права только духовнымъ лицамъ, находившимся при учрежденіяхъ, остальные же по его мнѣнію могли заниматься торговлею, промыслами и вступать въ военную службу. Члены коммиссіи выразились согласно съ Щербатовымъ [1]; но въ дирекціонной коммиссіи, въ которой состоялъ членомъ архіеп. Гавріилъ, вопросъ былъ рѣшенъ иначе. Онъ добился того, чтобы духовенство было выдѣлено въ самостоятельное привилегированное сословіе. Екатерина благосклонно отнеслась къ дѣятельности Гавріила и въ сентябрѣ 1769 г. назначила его членомъ синода (Чт. по истор. церкви при Екатер. II, Знаменскаго, Пр. Соб. 1875 г. апр.).

Заявленія о мѣстныхъ правахъ. Для яснаго освѣщенія дѣятельности Коммиссіи не менѣе интересны мнѣнія тѣхъ ея депутатовъ, которые служили выразителями мѣстныхъ интересовъ и привилегій. Если одни (какъ представитель Оренбурга — Кочеевъ) защищали временныя привилегіи, данныя городамъ и мѣстностямъ

ученыхъ въ средній родъ людей Академія Наукъ заявила, что если ученые не будутъ имѣть большихъ выгодъ передъ ремесленниками и купцами, то нѣтъ надежды, чтобы науки въ Россіи возросли. Императрица старалась уяснить значеніе средняго класса и исторію tiers-état-а Франціи (Солов. XXVII, 125 и примѣч. 75).

[1] Записки этой коммиссіи велъ извѣстный впослѣдствіи издатель журналовъ и книгъ, тогда молодой гвардеецъ Н. И. Новиковъ. Лонгиновъ, Новиков. Мартинисты 13.

В. Иконниковъ

въ интересахъ ихъ заселенія и развитія; то другіе шли далѣе и отстаивали старинныя привилегіи, признанныя русскими государями при переходѣ этихъ областей подъ русскую державу. Первые могли быть устранены обращеніемъ недовольныхъ къ дѣйствующему законодательству; но по поводу вторыхъ возникали продолжительныя пренія. Такъ депутаты лифляндскихъ и эстляндскихъ городовъ и рыцарей добивались утвержденія за ними правъ, шедшихъ съ временъ епископовъ, германскаго, императорскаго и польскаго владычества. Эти заявленія были устранены при обсужденіи вопроса о правахъ дворянства; причемъ русскіе депутаты настаивали на введеніи <u>общихъ правъ</u> и ссылались даже на заявленія самихъ чиновъ Лифляндіи и Эстляндіи при Елисаветѣ Петровнѣ о недостаткахъ ихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе депутаты добивались удовлетворенія ихъ требованій. Бибиковъ допустилъ пренія по этому вопросу. Но изъ письма Екатерины къ Кн. Вяземскому и Бибикову видно ея недовольство домогательствами депутатовъ. Князю Вяземскому она писала: „Читала я Гадебушево сочиненіе (депутата отъ лифляндскаго дворянства)"[1], которое не только весьма дурно переведено, но сверхъ того все выписано изъ Юстиніанова права и многое вовсе въ Россійской имперіи не въ пору будетъ, а очень вредно; лучше бы они побольше смотрѣли въ <u>большой Наказъ</u>... Если бы римскія права столь уже безпорочны были и честны, то я бы однимъ словомъ ихъ приняла, но все на нихъ жалуются. <u>Я много</u>

---

1. Гадебушъ оставилъ и воспоминанія о Екатерининской коммиссіи.

сіе приписывано лифляндской запискѣ, чтобы быть нами законодавцами, а не отъ насъ получить хотятъ узаконеній." Въ другомъ письмѣ она проситъ найти въ числѣ депутатовъ лицо, которое взялось бы доказать устарѣлость этихъ правъ и преимущество русскаго законодательства, и прибавляетъ: „Наши правила само человѣколюбіе писало, а они правилъ показать не могутъ и сверхъ того оныя ихъ указанія наполнены невѣжествомъ и варварствами. Итакъ, предохраняя себя, они торжественно просятъ: мы хотимъ, чтобы насъ смертію казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобы отъ безпрестанной ябеды наши суды не были окончены... Просвѣщенному свѣту остается судить о подобныхъ неисповѣтствахъ. Признаюсь, что сіе съ жаромъ писано и такъ употребите лишь то, что прилично" (18 вѣкъ III, 388-89).

Въ духѣ импер-цы была составлена записка депутатамъ отъ камеръ-конторы лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ - Артеміемъ Шишковымъ (декабря 1767 г.), въ которой этотъ вопросъ разсматривался исторически и указывалось на потребность равнаго закона для всей имперіи и на право преемниковъ русскихъ государей, подчинившихъ себѣ эти земли, измѣнить ихъ права (Чт. 1867, IV, 83-95). Уже въ петербургскую сессію дирекціонная коммиссія приняла „наставленіе лифляндскимъ депутатамъ", въ которомъ порицала ихъ стремленіе, и Бибиковъ указалъ на мнѣніе по этому вопросу депутата отъ сената кн. Мих. Ник. Волконскаго, который также

развивалъ мысль о несовременности законовъ прибалтійскаго края и Малороссіи, ни разъ прервъ заявлявшихъ о необходимости новаго Уложенія. Однако депутаты продолжали настаивать на исключеніи ихъ земель изъ общаго законодательства. Тогда императрица отвѣчала на всѣ ихъ пункты письмомъ къ Бибикову и, опровергая привилегіи Сигизмунда Августа, отмѣненныя уже и шведскимъ правительствомъ, прибавляетъ: „Я ничего конфирмовать не буду, что не въ силу „обряда" мнѣ подлежатъ. Они подданные россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, а Всероссійская" (Сборн. X, 272-74 и Зап. Бибикова)(1)

Въ такомъ же смыслѣ отозвались и нѣкоторые депутаты Малороссіи, отстаивавшіе права своей страны и ея привилегіи. Между тѣмъ во всѣхъ малороссійскихъ наказахъ высказывается передъ нами печальное положеніе городовъ и неразвитость торговаго и промышленнаго класса, вслѣдствіе военно-земледѣльческаго населенія; малороссійскіе города въ этомъ отношеніи являются отсталыми отъ великорусскихъ на цѣлое столѣтіе. Они не въ состояніи были нести военной повинности. Какъ великорусскіе города хлопочутъ о сохраненіи и развитіи правъ, данныхъ имъ Петромъ В., такъ и малороссійскіе стараются удержать магдебургскія

---

1. Вообще къ тенденціямъ прибалтійскаго дворянства Екатерина относилась недовѣрчиво, какъ видно изъ порученія ея (въ мартѣ 1767 года) просматривать переписку нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ дворянъ. Сборникъ XIII, стр. 6.

права, которыя послужили для Петра В. образцомъ городской реформы. Другія жалобы касались землевладѣнія. По поводу созванія Коммиссіи малороссійская коллегія дала своему члену (Натальину), наказъ, въ которомъ критически и съ большою подробностью разсматривались всѣ стороны управленія и мѣстнаго быта Малороссіи; но это вызвало энергическія замѣчанія со стороны депутата отъ лубенскаго шляхетства Григорія Полетики (Чт. 1858, III, 51-102; Васѣнко, Малороссія въ 1767 г., Кіевъ), того самого, который пользовался какъ руководствомъ для своихъ соображеній въ Коммиссіи Уложенія „Исторіею Руссовъ", неправильно приписанной архіепископу Конисскому, но которая есть не болѣе какъ политическій памфлетъ на русскіе порядки въ Малороссіи и служила выраженіемъ мнѣній этой партіи.

Настроеніе умовъ въ Малороссіи. Въ февр. 1768 Румянцовъ писалъ Екатеринѣ: „Я имѣлъ случай съ уволенными на время и опять уже отъѣзжавшими депутатами видѣться и нашелъ ихъ во всѣхъ ихъ развращенныхъ мнѣніяхъ непремѣнно пребывающихъ. Скоропадскій всѣхъ прочихъ руководитель, ибо вознечтало выбранымъ быть гетманомъ. Часть здѣсь людей такихъ, кои ему посилѣ невѣрно слѣдуютъ, не мала." Впрочемъ онъ находилъ, что покровительство сторонникамъ правительства и терпѣнія въ мѣстныхъ уставахъ произведетъ свое дѣйствіе, и прочіе, „всегда имѣющіе великое рвеніе къ чинамъ и особливо къ жалованью, скорѣе перемѣнятъ свои мысли и поступки" (Солов. XXVII, 138). Скоропадскій въ Коммиссіи держалъ себя какъ „волкъ" и „не хотѣлъ знаться съ великорусскими депутатами". Малороссійскіе депутаты

хвалились тѣмъ, что Лифляндцы сочувствуютъ имъ въ удержаніи старыхъ правъ и вольностей".

Впрочемъ и здѣсь во многихъ депутатскихъ наказахъ было выражено желаніе собрать деньги на памятникъ Екатерины. Но она писала Румянцову, чтобы онъ не спѣшилъ съ этимъ, „ибо сіи издержки народныя не нужны". (ibid.)

Отзывы иностранцевъ о Коммисіи. „Собраніе депутатовъ, пишетъ англійскій повѣренный (Шерлей), сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ Импер-цы и повидимому исключаетъ изъ ея кабинета всѣ прочія дѣла" (Сборн. т. XII); но это не мѣшало Шерлею называть Коммиссію „комедіей", а Каскарту (посолъ) „подмостками, которые будутъ разобраны, какъ ненужные лѣса, тотчасъ по окончаніи императрицею всего великаго зданія" (307. 310). Тѣмъ не менѣе въ Англіи весьма интересовались дѣятельностью Коммиссіи и просили „сообщать всѣ главнѣйшія обстоятельства, сопровождающія это великое и необычайное предпріятіе, достойное восторженнаго удивленія и приносящее великую честь монархинѣ, способной исполнить столь великодушное намѣреніе, какъ предоставленіе свободы великому народу, жертвуя притомъ собственнымъ могуществомъ для счастія своихъ подданныхъ." Притомъ также прибавляли, что исторія не представляетъ примѣра тому, „чтобы самодержавный монархъ отказался отъ власти въ пользу своего народа." (316). Но представитель Англіи спѣшилъ охладить преждевременные восторги своихъ соотечественниковъ. Уже по окончаніи московской сессіи, онъ писалъ въ Лондонъ: „Пріемы, употребленные депутатами до сихъ

поръ, показались мнѣ до того комичны, что было бы слишкомъ наполнить нѣсколько листовъ отчетомъ о подобныхъ вещахъ... Для того чтобы дать вамъ, милордъ, правильное понятіе объ этомъ собраніи выборныхъ людей и объ ихъ дѣйствіяхъ, позвольте мнѣ предположить нѣкоторое число самыхъ невѣжественныхъ нашихъ мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ, какъ великобританскихъ такъ и ирландскихъ, собранныхъ въ качествѣ депутатовъ различныхъ американскихъ народовъ, состоящихъ подъ властью Его величества и имѣющихъ дѣло съ нѣсколькими джентльменами, незнакомыми съ общими началами благоустроенной администраціи." (326-27). Щербатовъ заходитъ въ своемъ приговорѣ о законодательныхъ планахъ Екатерины такъ далеко, что готовъ приписать ихъ одному ея честолюбію и желанію укрѣпить свои права вслѣдствіи непрочности ея престола (127-130).

Мнѣнія о Коммиссіи въ русской литературѣ.

Въ нашей литературѣ одни видятъ въ этомъ актѣ небывалое историческое событіе (Карамзинъ, въ Истор. Словѣ Екатерины II); другіе готовы считать его не болѣе какъ фарсомъ (Пушкинъ, Рус. Стар. 1880 г. N 12). И эта двойственность взгляда проходитъ и до настоящаго времени: одни смотрятъ на собраніе депутатовъ, какъ на послѣдній земскій соборъ, какъ на самое многознаменательное явленіе изъ всей народной исторіи XVIII в. „Въ собраніи депутатовъ, говоритъ Щаповъ, мы видимъ примиреніе своенародныхъ, естественно-жизненныхъ принциповъ старыхъ земскихъ соборовъ съ новою, западноевропейскою идеею представительства" (Зем. соб. 1648-49 г.г. и собр. депут. 1767 г. г, Отеч. Зап. т. CXLV, стр. 20).

Другіе, напротивъ, не видя существенныхъ результатовъ от дѣятельности Коммиссіи, не придаютъ ей важнаго-историческаго значенія (Дѣло, Ком. Улож. Шашкова, 1880 г. № 1 и 4). Одни (Сергѣевичъ, Откуда прич. неудачи Екат. Ком. Вѣст. Евр. 1878 г. № 1) причины ея неудачи готовы взвал[ить] вполнѣ на ея представителя-Бибикова; другіе (Дитятинъ, Екат. Ком. 1767 г. Юридич. Вѣст. 1879 г. № 3, 4, 5) значительную долю вины слагаютъ на общее положеніе дѣлъ и отношенія къ Коммиссіи самой Екатерины II.
Постараемся объяснить эту сторону вопроса.

Отношеніе Императрицы къ Коммиссіи.

Мы видѣли, что Екатерина въ своемъ Наказѣ ставила многіе, щекотливые по тому времени, вопросы, гораздо шире, чѣмъ оказалось это возможнымъ на дѣлѣ, а крестьянскій вопросъ такъ и остался камнемъ преткновенія для нея. Тѣмъ сомнѣнія это не могло не оказать вліянія на родъ подобныхъ вопросовъ и въ Коммиссіи. Вопросъ о правахъ служилаго дворянства, въ сравненіи съ титулованнымъ, прошелъ въ ней самымъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ (Сборн. XII, 359-60). Сама Екатерина не считала работу Коммиссіи сложною. Тогда полагали, что потребуется по крайней мѣрѣ 4 года на составленіе новаго кодекса, который поступитъ за тѣмъ на разсмотрѣніе Сената и представителей коллегій, послѣ чего уже будетъ представленъ на утвержденіе Императрицы. (ib 305-307); полагали даже, что на обсужденіе этой Коммиссіи будетъ переданъ и вопросъ о престолонаслѣдіи (ib).

Вообще задача Коммиссіи сначала понималась доволь

широко. Депутаты готовы были видѣть въ ней палату общинъ, а въ сенатѣ и предсѣдателяхъ коллегій - палату лордовъ (ib. 307).[1] Когда Екатерина занималась составленіемъ Наказа, она писала уже извѣстному намъ Черкасову: „Господинъ баронъ Черкасовъ соблаговолитъ написать лорду Букингаму (состоявшему посломъ въ Россіи съ 1762 г. по 1765 г.) и попроситъ его прислать мнѣ парламентскій актъ, состоявшійся, я полагаю, во время революціи и извѣстный подъ именемъ акта, объявляющаго права и льготы подданнаго и устанавливающаго порядокъ престолонаслѣдія, годъ I, Вильгельма и Маріи, сессія 2-я, гл. 2, и если можно, чтобы къ нему былъ приложенъ хорошій и вѣрный переводъ на французскомъ языкѣ." — Это былъ актъ, извѣстный подъ именемъ The declaration of Right (декларація права). Онъ составленъ въ февр. 1688 г. комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Сомерса и одобренъ палатами общинъ и лордовъ (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ); въ немъ изложены основанія англійской конституціи (Маколей, т. XIII, стр. 483-84; Два эпизода изъ цар-ія Екат. II, Бюлера, Русск. Стар. 1870 г. III, 186). Екатерина заставляетъ читать въ Коммиссіи „великую хартію" англичанъ; а для руководства при составленіи журналовъ Коммиссіи посылаетъ Бибикову журналы англійскаго парламента, чтобы, по образцу ихъ, были напечатаны свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Коммиссіи въ вѣдомостяхъ.[2] Бибикову она пишетъ, чтобы онъ не настаивалъ

1. Приорнъ анг. посолъ замѣчаетъ: „Вмѣсто того, чтобы понять насколько этотъ поступокъ (присутствіе импер-цы въ галлереѣ, откуда она все слышала, не будучи видимой) стѣснялъ свободу, которой депутаты должны были бы пользоваться, русскіе восхищаются имъ, видя въ немъ несомнѣнное доказательство любви и уваженія къ нимъ государыни"...

2. Директоромъ за веденіемъ журналовъ былъ опредѣленъ гр. А. Н. Шуваловъ (Зап. Бибикова, 46).

70.

В. Иконниковъ

на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, „ибо скажутъ, что вы ихъ приневоливаете,“ прибавляетъ она (Зап. Бибикова 51)[1]

Положеніе маршала въ Коммиссіи и причины ея неудачъ. Но мы не должны представлять себѣ само дѣло въ слишкомъ идеальномъ свѣтѣ. Изъ письма Бибикова къ Философову (русскій посолъ въ Даніи) узнаемъ о его затруднительномъ положеніи въ Коммиссіи: „Подлинно правду говоришь, отвѣчалъ ему послѣдній, что ты по своему дѣлу въ пучинахъ и пропастяхъ океана обращаешься;“ а въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Я увѣренъ, что не можетъ достигать ни самая величайшая степень человѣческаго разума проникать во всю связь обстоятельствъ къ доставленію прямо благоденственнаго правленія государства.“ Онъ совѣтуетъ ему быть твердымъ и не отступать отъ своихъ правилъ[2]. Вскорѣ въ Коммиссіи обнаружился перевѣсъ извѣстныхъ интересовъ, не обѣщавшихъ, конечно, того единодушнаго результата, на который разсчитывала Екатерина: такими существенными вопросами нельзя не признать крестьянскій и о личныхъ правахъ. Явились опасенія, что въ общемъ собраніи могутъ взять верхъ интересы, противоположные началамъ, предложеннымъ Екатериною и потому самъ Бибиковъ полагалъ необходимымъ вырабатывать проекты законовъ въ небольшомъ собраніи, подъ наблюденіемъ большой Коммиссіи. Являлась опасность, что

---

1. Правила, составленныя Екатериною для руководства преній и рѣшенія дѣлъ большого, нисколько не отличаются отъ нынѣ дѣйствующихъ во всѣхъ коммиссіальныхъ собраніяхъ (Зап. Бибикова, прилож. 23-26).

2. Всѣ четыре письма Философова посвящены этому вопросу и писаны

собраніе можетъ стать законодательнымъ, между тѣмъ ему поручена была только разработка проекта новаго Уложенія. Другіе полагали (какъ историкъ Болтинъ), что вопросы, предложенные собранію, были преждевременны, а такой вопросъ, какъ уничтоженіе рабства, противны даже истинной философіи и христіанскому человѣколюбію, хотя въ собраніи этотъ вопросъ могъ разрѣшиться только въ отрицательномъ смыслѣ. Нѣкоторые боялись ужасныхъ послѣдствій увольненія сандоминческихъ негровъ[1]. Въ этой борьбѣ положеніе председателя казалось затруднительнымъ и онъ не разъ заявлялъ о томъ императрицѣ, а затѣмъ она рѣшила закрыть Коммиссію, предоставивъ себѣ воспользоваться ея матеріалами и, при помощи опытныхъ людей, начертать правила всѣмъ начальникамъ и судьямъ, оставивъ за собою законодательную власть (Зап. Бибикова, 56, 62).

Недостатки собранія. Недостатки крылись также и въ составѣ депутатовъ, не привыкшихъ къ пу-

---

въ 1767 и 1768 гг. Уже въ то время сомнѣвались въ успѣхѣ Коммиссіи „Какъ можно не смѣшите и не дѣлайте бредни, пишетъ Философовъ. Сколько я на твое прощаніе, на твою прилежность и раченіе ни надеюсь, но трепещу отъ слѣдствій всѣхъ вашихъ преобразованій. Не разстройте цѣлой машины, не составя величайшихъ вашихъ талантъ" — Зап. Бибикова, прилож. стр. 104-105.

1. Въ „разсужденіи о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ или сдѣлать собственность имѣній" — задача, предложенная Вольн. Эконом. Общ., и мнѣнія, высказанныя въ пользу крестьянъ въ Коммиссіи Уложенія (Коробьина особенно), считаются исходнымъ пунктомъ враждебнаго отношенія къ помѣщикамъ и расторженія патріархальной связи въ Россіи (Чт. 1861, III, 95-134).

бличной дѣятельности. Болотовъ говоритъ: „Скоро узнали мы, что и самое начало сего <u>великаго дѣла</u> далеко не соотвѣтствовало премудрымъ намѣреніямъ нашей импер-цы, что самые выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ, что выбирали и назначали къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые были к тому способны и другихъ достойнѣе (но многіе, какъ и самъ Болотовъ, уклонились), а тѣхъ которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, не смотря ни мало способны ли они къ тому были или неспособны. Отчего собственно и вышелъ потомъ сущій и такой ералашъ, что принуждено было сіе дѣло остановить и оставить до другаго времени" (II, 654-55). Однако, Сиверсъ говоритъ: „Собраніе работало съ жаромъ и очевиднымъ успѣхомъ, но въ плохомъ помѣщеніи и безъ надлежащаго поощренія. Импер-ца уступила разнымъ домогательствамъ <u>старыхъ и знатныхъ чиновниковъ</u>. Послѣдніе говорили о членахъ Коммиссіи: пожалуй эти господа пошлютъ насъ въ школу. Князь Вяземскій, на котораго возложено было соглашеніе коммиссіонныхъ работъ и составленія законодательнаго свода, обремененный занятіями, поручилъ это дѣло нѣсколькимъ опытнымъ секретарямъ, которые отлично знали на память старые законы, но не имѣли никакого понятія ни о римскомъ правѣ, ни о правѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, а во главѣ ихъ поставленъ былъ <u>нѣмецъ</u>, искатель приключеній, который совсѣмъ не зналъ русскаго языка." (Блюмъ I).

<u>Опасенія правительства</u>. Между тѣмъ слухи о новомъ законодательствѣ и крестьянскомъ вопросѣ проника-

ъ народъ и производили своё дѣйствіе. Сенатскій указъ по поводу движенія крестьянъ въ имѣніяхъ Кочетьева, Толстого, Олсуфьева и Лопухиныхъ и подачи ими челобитенъ, свидѣтельствуетъ, что такія явленія болѣе всего происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, развѣвающихъ вымышленные слухи о перемѣнѣ законовъ и собирающихъ съ нихъ поборы, обнадеживая ихъ исходатайствованіемъ имъ разныхъ выгодъ и пользъ (№ 12,966). Уже въ самомъ началѣ засѣданій Коммиссіи объ Уложеніи, въ авг. 1767 г., сенату было доложено о возмущеніи заводскихъ крестьянъ, которое происходило на пермскихъ, рязанскихъ и воронежскихъ заводахъ. Посылая противъ нихъ военныя команды, сенатъ далъ, однако, секретныя наставленія объ умѣренномъ обращеніи съ крестьянами и, по возможности, удовлетворилъ ихъ жалобы (Солов. XXVII, 146, 149-51). Понятно, какъ дѣйствовали эти факты на правительство. Наказъ былъ напечатанъ, ему воздавались публичныя похвалы, а между тѣмъ въ сент. 1767 г. сенатъ, по предложенію генералъ-прокурора, настаивалъ разослать его экземпляры въ высшія учрежденія, департаменты сената, коллегіи и ихъ конторы, въ судный приказъ, въ канцелярію конфискаціи, но исключилъ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, причемъ относительно высшихъ учрежденій постановилъ, чтобы экземпляры Наказа были содержимы только для свѣдѣнія только присутствующихъ и никому, какъ постороннему, такъ и нижнимъ канцелярскимъ служителямъ для списыванія и даже для прочтенія не были выдаваемы и полагались бы на судейскихъ столахъ

при зерцалахъ. Присутствующiе члены этихъ учрежденiй должны были читать Наказъ по субботамъ, причемъ могли находиться только секретари и протоколисты (П.С.З. 12,977; 13,107).

Характеристика А. И. Бибикова. Поэтому нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣнiемъ, что причина неудачи Коммиссiи лежала исключительно въ Бибиковѣ, который представляется такимъ образомъ ниже своего положенiя, лишеннымъ самаго необходимаго элементарнаго образованiя. Напротивъ, Бибиковъ, по своему образованiю и личнымъ качествамъ, выдавался въ ряду другихъ царедворцевъ. Воспитанный въ монастырѣ (родился въ Москвѣ въ 1729 г.) своими родственницами, онъ обязанъ образованiемъ почти самому себѣ. Уж. въ молодыхъ годахъ, служа въ инженерахъ и завѣдывая постройкою Кронштадскаго канала, онъ занимался переводомъ съ французскаго сочиненiя по инженерному искусству. Потомъ онъ служилъ въ артиллерiи, а въ 1753 г. былъ посланъ въ Дрезденъ, для изученiя усовершенствованiй, сдѣланныхъ въ саксонской артиллерiи; во время семилѣтней войны онъ успѣшно выполнялъ нѣкоторыя порученiя, касавшiяся устройства военной и хозяйственной части. Онъ принималъ участiе въ битвахъ подъ Цорндорфомъ и при Франкфуртѣ; въ кампанiи 1760 г. онъ обратилъ на себя вниманiе гр. Румянцова и П. И. Панина; въ 1761 г. принималъ дѣятельное участiе во взятiи Кольберга. По вступленiи на престолъ Екатерины II ему поручено было увѣдить принца Антона (отца Iоанна VI).

оставить свое семейство въ Холмогорахъ и уѣхать, куда пожелаетъ, за границу. Но слишкомъ близкое участіе Бибикова къ судьбѣ падшей фамиліи (Брауншвейгской) и представленія его, сдѣланныя Екатеринѣ, послужили причиною ихъ размолвки, указываетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на извѣстную независимость Бибикова въ столь щекотливомъ вопросѣ. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ свое имѣніе въ Рязанскую губернію. Но въ 1764 г. на Бибикова было возложено весьма важное порученіе - усмиреніе и изслѣдованіе причинъ возмущенія заводскихъ крестьянъ, охватившаго почти всю сѣверо-восточную Россію. Въ этомъ случаѣ онъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ кн. Вяземскаго. (ср. выше лекція 8-а). Отъ выгодныхъ же предложеній, сдѣланныхъ ему во время слѣдствія заводчиками, онъ отказался. Послѣ этого на Бибикова возлагались разныя порученія: для обозрѣнія и устройства границы съ Польшею и Запорожской Сѣчью. Здѣсь онъ былъ принятъ въ "товарищи" Шкуринскаго куреня и сообщилъ импер-цѣ о бѣдственномъ положеніи славянскихъ поселеній въ Новой Сербіи. Затѣмъ мы видимъ его въ числѣ переводчиковъ Велисарія, причемъ на долю его досталась 13-а гл. - о должностяхъ государя. Въ Наказѣ Костромскаго дворянства, составленномъ Бибиковымъ, помѣщены такія статьи, какъ запрещеніе продажи и отдачи въ рекруты крестьянъ семьями и поодиночкѣ; о вольныхъ хлѣбопашцахъ и т. п. Есть указанія, что обряды управленія Коммиссіи и Наказъ генерал-прокурору составлены также Бибиковымъ. Вообще, по своему образованію Бибиковъ былъ человѣкъ выдающій-

ся. Получивъ въ подарокъ отъ Екатерины французскую Энциклопедію, онъ перевелъ оттуда главу о войнѣ и, кромѣ того, знаменитую въ свое время поэму Фридриха II „о военномъ искусствѣ", которая была переложена стихами и издана въ свѣтъ извѣстнымъ В. И. Майковымъ. Онъ зналъ также нѣмецкій языкъ, а незадолго передъ кончиною изучалъ и англійскій. Державинъ свидѣтельствуетъ, что онъ любилъ словесность. При всемъ томъ онъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ, вопреки большей части своихъ современниковъ (Гротъ, Соч. Держав. VIII, 90) Бибиковъ любилъ даже въ трудныя минуты читать газеты и интересовался политикою. Съ фонъ-Визинымъ онъ состоялъ въ дружбѣ и велъ переписку. Считаясь премьеръ-майоромъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, онъ учредилъ школу для обученія малолѣтнихъ унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ (на 144 чел.), въ которой преподавалась математика и военныя науки. Она существовало во все царствованіе Екатерины II. Военныя способности Бибикова обнаружились также и въ Польшѣ, и въ Пугачевщину. Нельзя не отмѣтить для его характеристики еще того факта, что онъ, какъ и Н. И. Панинъ, не одобрялъ раздѣла Польши. Фридрихъ II питалъ къ нему уваженіе за его дѣйствія противъ конфедератовъ. Состояніе арміи въ Польшѣ при Бибиковѣ (1771–72) было блестящее. Штакельбергъ о немъ писалъ фонъ-Визину: „Съ Бибиковымъ мы жили, какъ братья. Это честнѣйшая душа, слѣдовательно ему, какъ и мнѣ, когда-нибудь придется умереть съ голоду." Жена Сиверса, по случаю смерти Бибикова (въ Пугачевщину),

2007041466